Альманах 4 20 %

Семейка: Литературно-художественный альманах, вып. 20

Cоставитель: В.М. Авцен WIRmachenDRUCK GmbH (DE), 2020. – 280 стр.

«Семейка» – альманах для взрослых и детей, из которых, собственно, и состоит этот мир...

- © Авцен В.М., составление
- © Лозенко В.И., обложка
- © Маша Лавринюк, рисунки обложки

Литературно-художественный альманах

Cemeuka

выпуск двадцатый

Вупперталь 2020

Благодарим за поддержку:

Herzlichen Dank für Ihre Unterstützung:

Сважаемые читатели, взрослые и маленькие!

Составитель альманаха — волюнтарист по определению, ибо формирует номер сообразно своим вкусам и предпочтениям. Готовя этот альманах, я собирался сделать его последним. Согласитесь, красиво ведь завершить издание 20-м номером в 20-м году? Поэтому хотелось включить в этот прощальный, как я думал, выпуск побольше авторов, чьё творчество мне особо дорого, и тех, кто, начиная с 2004 года, довольно часто публиковался на страницах «Семейки».

Первый, о ком я вспомнил, — замечательный донецкий поэт Павел Шадур, с именем и домом которого связана моя поэтическая юность. В прошлом году исполнилось 20 лет со дня его смерти, но в данном случае эта цифра — не более чем случайное совпадение с двумя вышеназванными. Открыть альманах произведениями Павла Яковлевича в разделе «Стихи и проза», а также представить его творчество в рубриках «Иных уж нет...» и «Зал переводчика» для меня значило отдать дань уважения и благодарности этому замечательному человеку и поэту.

Далее, следуя намеченному плану, я пересмотрел все 19 номеров, заглянул в портфель альманаха... и понял, что попал в мною же расставленную ловушку. Имеющиеся в портфеле материалы и произведения авторов, которые я вознамерился опубликовать в 20 выпуске, никоим образом не помещались в альманах! Пришлось, вздохнув, что-то отложить на потом, то есть впереди замаячил очередной, 21-й, выпуск...

B этом номере широко представлены гости прошлогоднего греческого фестиваля «Визит к Музам» во главе с его научным руководителем Ириной Анастасиади.

Поскольку я сейчас всерьёз увлекся переводами с немецкого, то (вот он – волюнтаризм!) много места и внимания в нём уделено этому важному и увлекательному виду творчества.

Как я и обещал, вы встретите в этом выпуске знакомые имена, но, конечно, в альманахе появились и новые авторы.

Как всегда, в конце предисловия сообщаю географию участников выпуска: Германия, Греция, Голландия, Чехия, Израиль, Россия, Беларусь, Украина.

. Доброго вам здоровъя и приятного чтения! И с недавних пор, увы, традиционное - берегите себя!

Составитель

*T*Савел *U*LAДУР (1913 – 1999)

Осенний спектакль

И снова осень настает... Смотрю на сад свой, как на сцену, Где представление идет – Одна пора другой на смену. Хоть пьеса вечная стара, Но это все же не мещает – Сейчас осенняя пора Ее по-новому решает. Она, как новый режиссер, Ввела иные мизансцены, Слегка художник зелень стер, Добавил золота в костер, Повысив на билеты цены. Вступила музыка в права, И все слилось в едином гуле: Кусты, деревья и трава Свои мелодии тянули. Над садом туча пронеслась, И тотчас дождевые капли Участье приняли в спектакле, Как это делали не раз. И долго длилась кутерьма, Пока на представленье это Не опустила в час рассвета Свой легкий занавес зима.

Олюбви и разлуке

1

Внезапно, вдруг, в конце зимы Мы как-то наспех расставались. Она просила, чтобы мы Всегда друзьями оставались. Все было буднично и просто. Я даже весело шутил, И ни тоски, ни боли острой В тот первый миг не ощутил. Оно и лучше, вероятно, Когда не чувствуешь беду... И умереть бы так внезапно Зимою, в полдень, на ходу.

2

Все старое предам огню, Не оглянусь с тоской и болью, И крышу перекрою толью, Потом ворота починю. Не буду ждать тебя обратно, А буду слушать у окна, Как дождь стучится благодатно, Как тихо шествует весна. Все старое огню предавши, Под неумолчный шум дождя Подумаю, как жить мне дальше Без тебя.

9

Когда нас женщины бросают, Над нами звезды угасают, Темнеет ясный лик луны, Хоть мы не ведаем вины. Они уходят в час заката Искать, быть может, нас в других, Какими были мы когда-то... Не останавливайте их!

Зимнее море

Я привык тебя видеть синим, А теперь вдруг увидел зимним. Непривычен мне твой покой. Ты меня оглушало смехом, А теперь ты покрыто снегом, – Не коснуться тебя рукой.

Корабли твои бродят где-то, Рыбаки твои в час рассвета, Когда город ещё в огнях, Обходя ледяные глыбы, Выезжают на ловлю рыбы Не на лодках, а на санях. Впрочем, ты мне таким дороже – Я и сам теперь зимний тоже...

Сонет

Одной тобой живу, К тебе сремлюсь всечасно. Но встреча наяву Трудна нам и опасна.

Чтоб не терять твой след, Как в старый замок прочный, Запру тебя в сонет Четырнадцатистрочный. Ведут в твое жилье Четырнадцать ступенек, Моя любовь, мой пленник, Смятение мое!

В том замке, за стеной, Ты навсегда со мной

* * *

Давно это было.

В апреле.
Едва отогрелся лесок,
Веселые птицы запели,
Закапал березовый сок.
Он лился в бутылки и банки,
Как слезы –

слеза за слезой.
Мы пили его на полянке,
Пропахшей весенней грозой.
Еще не обрушились стены,
И русла не высохли рек.
И тысяча лет до измены,
До нашей разлуки навек...

Слезами разлуку омыли Березы той ранней весной, А мы веселились и пили Те слезы –

слезу за слезой.

Мама

Похоронена мама

на маленькой станции

На военном,

на трудном,

на скорбном пути.

У нее не спросили,

какой она нации,

а по-русски сказали -

Прости!

И лежит моя мама

в братской могиле.

Очень тихий там падает снег.

Чтобы стуком колёса ее не будили,

Поезда замедляют свой бег.

И от белого снега,

от белой метели,

от царящей вокруг тишины

у детей твоих, мама,

виски побелели

И глаза их печали полны.

Забываются даты,

стираются лица,

Дни проходят,

проходят года,

Но по-прежнему мне эта станция снится,

Хоть я там не бывал

никогда.

Елена ЖАНЕН Хайнсберг

АИДА И ЗАЯЦ СЕНЬКА

Я притворялся спящим и терпел эти бесконечные хождения по спальне, шуршание одежды в прихожей и бряцание чашек на кухне. Они пытались говорить очень тихо и, уходя, почти неслышно затворили за собою дверь, клацнувшую замком. Я открыл глаза. Полежал ещё несколько минут, наслаждаясь потоками энергии, щекотавшими моё тело. Два дня в квартире никого, кроме меня, не будет. Я рад этому несказанно. Несказанно. Замечательное слово.

Вчера из окна автобуса увидел забавного толстяка в клетчатом костюме. Он медленно шагал по тротуару, раскачиваясь из стороны в сторону, как пингвин, и мешая потоку спешащих людей. «Это он. – подумал я. – Вот. Нашёл». Вспомнив про толстяка, я сразу же вскочил с постели. Жаль, что не успел разглядеть как следует; его лицо всего лишь на долю секунды мелькнуло в толпе. Да это и не важно. Главное, что я внезапно понял, каким должен быть мой профессор Клинкус. Сначала представлял его костлявым и долговязым. Но тогда что-то не складывалось. Написав несколько страниц, забуксовал, почувствовав фальшь.

Включил компьютер и стёр весь текст с момента появления тощего Клинкуса. Начал писать быстро и сосредоточенно. Так бежит охотничья собака, напав на след. Уже допечатывал четвёртую страницу, как вдруг заиграла музыка; мелодия повторялась и действовала на нервы. Я так увлёкся, что не сразу понял: это звенел мой мобильник. Выругавшись вполголоса, посмотрел, кому это я понадобился. На табло высветилось «Денис».

- При-и-в-е-е-т... пропела Дина. Я сморщился. Меня раздражал её голос, когда она начинала говорить нараспев.
- Привет! рявкнул я. Собирался сегодня поработать, так что...

- Я просто в шоке... объявила она и замолчала, ожидая, что я спрошу: «Почему?». Я не спросил. Положив мобильник на стол, вытащил пачку «Мальборо» и не спеша закурил. Из мобильника доносилось невнятное бормотание. О Дине я в последнее время совсем перестал думать, даже не о ней самой, а о той нелепой сорокалетней лаборантке, которую нарёк Деллой. Они похожи, только Делла была мне роднее, потому что мною придумана. Я так смеялся, когда писал о ней. Теперь я размышлял о профессоре Клинкусе. Он должен быть сложным типом, и я начинал уже опасаться, что не смогу осилить его образ. Стряхнув пепел, я снова взял мобильник.
- Нет, я просто была в шоке! донеслось до меня, но на этот раз громко.
 - Где? спросил я. Надо же было что-то сказать.
- Там, где Сэлинджер! взвизгнула Дина. Я сначала не поверила...
- Угу. Всё будет хорошо. Ну, давай, пока! До понедельни-ка! перебил я.
 - Погоди! Ты что, там тоже был? удивилась она.
- Где Сэлинджер, был, а как же, ну пока, протараторил я. Мне надоел этот бестолковый разговор и я отключил её на полуслове.

За стеной сосед пиликал на скрипке – однообразно и фальшиво. Нет ничего гадостнее звуков скрипки, когда на ней играет бездарь.

Я сидел с закрытыми глазами, пытаясь уловить потоки энергии, которые ощущал утром. Вместо потоков энергии ощутил голод. Пошёл на кухню, налил кофе, отломил кусок батона и стал жадно есть. Стоя перед открытым холодильником, хватал ломтики сыра и ветчины и пихал их в рот, запивая остывшим кофе. Я посапывал и, рискуя подавиться, смеялся, прихрюкивая: я был сейчас профессором Клинкусом. Он хотя и профессор, но хорошими манерами не отличался. В голове у меня складывался неплохой диалог...

И тут раздался звонок в дверь. Чёрт их всех побери! Наливаясь злостью, я рванул в прихожую и открыл дверь.

Невысокий полный мужчина расплылся в улыбке:

- Здравствуйте! Здесь проживает Арсений Миомотов?
- Это мой сын, пытаясь поскорее дожевать, пробубнил я.
- Прекрасно! Меня зовут Борис Иванович, я логопед, буду с Арсением заниматься. А вы Алексей Антонович? Очень рад!

Я вдруг вспомнил: Света говорила, что нашла для Сеньки нового логопеда; классный специалист, творит чудеса... Но я думал тогда о Делле и всё пропустил мимо ушей.

- Да-да, но ведь Сени сегодня нет они все на даче! сказал я, радуясь скорому избавлению от «специалиста». Я даже распахнул дверь в комнату сына, которая была от меня в двух шагах:
 - Вот, видите нет его!

Перед компьютером в наушниках сидел мой сын, тринадцатилетний оболтус Сенька, и покачивал головой: слушал музыку. Он вдруг оглянулся, вздрогнув, содрал с головы наушники и резко встал.

 ${\bf \textit{H}}$ чуть не застонал от досады. Мне так легко писалось сегодня утром...

- Когда я работаю, тоже не замечаю кто пришёл, кто ушёл, невозмутимо произнёс логопед. А вы, Алексей Антонович, что-то очень бледны. Нездоровится?
- Всё нормально, я изобразил улыбку. Плохо спал сегодня. Да вы проходите! Пойду поработаю!
- Не переутомляйтесь только! весело отозвался Борис Иванович, снимая плащ и пристраивая его в шкаф. Это очень опасно!

Своей непрерывной болтовнёй он не давал мне уйти.

– Лучший отдых – это переключение на другой род деятельности! – изрёк логопед. – Кстати, вы ещё не читали «Правила»? Вот интересно бы ваше мнение услышать! Вы, как я слышал, писатель? Ведь какие поразительные вещи рассказывают об этих «Правилах»! Не знаешь, верить или нет...

- Какие ещё «Правила»?
- Ну полностью это называется как-то очень длинно... Борис Иванович, сдвинув брови, умолк на мгновенье. Боюсь переврать... Что-то вроде «Правила формирования мирового информационного пространства с целью предотвращения его контаминации и перегрузки...». Дословно не помню.
- Это что, чья-то диссертация? я улыбнулся сжатыми губами. Вы мне почитать рекомендуете, чтобы не переутомляться?
- Нет! Это не диссертация! замахал руками Борис Иванович. Это... Как бы вам сказать, чтобы вы не подумали, что у меня не в порядке с головой... Есть мнение, что «Правила» это послание писателям от мирового разума. Или попытка контакта... Вы лучше сами почитайте. У меня ссылка есть. Сейчас!

Он открыл портфель и стал в нём копаться, а потом протянул мне листочек. На нём было написано название сайта.

- Так вы, значит, в интернете эти «Правила» мирового разума вычитали? спросил я. «Похоже, у него и правда не в порядке с головой. И где только Светка этого болтуна откопала», подумал я.
- Вы всё-таки зайдите на сайт, пробормотал он, слегка покраснев. Мы встретились на мгновенье глазами. Стало ясно – он догадался, что я о нём сейчас подумал.
 - Зайду, небрежно бросил я.

 ${\cal S}$ сидел в спальне перед раскрытым окном и курил. Неприятный тип, этот логопед. И до чего же не вовремя его принесло.

Уже более года, как я решился, наконец, написать роман. Я ухмыльнулся, вспомнив, как этот балабол Борис Иванович назвал меня писателем. Выдал желаемое за действительное. Наверняка, моя жена брякнула: «Мой муж сейчас работает над романом».

Два года назад я написал пару рассказов и выложил их в Интернете. Было несколько тёплых комментариев, кто-то даже посоветовал мне писать дальше. Да мне и самому хотелось. В свои сорок шесть я вдруг понял, что писательство – моё призва-

ние. Это открытие перевернуло мою жизнь. Я боялся мечтать; то верил, то не верил, что у меня есть литературный талант. Ведь многие врут сами себе, считая, что обладают талантом.

Я возлагал большие надежды на каждый день одиночества. Потому что чувствовал – когда я один, за запертой дверью, то становлюсь другим. Мне всё даётся легче, я чувствую себя сильным и одновременно лёгким. Будто вернувшимся в юность...

Не помню того момента, когда я в неё влюбился, да я и понял не сразу, что это состояние называется влюблённостью. Мне было тринадцать. Я сидел на последней парте в третьем ряду, она – на предпоследней – в первом. Свои светлые мягкие волосы она заплетала в две рыхлые косицы, лежащие на груди. Круглая отличница, тихоня с грустными серыми глазами.

Её звали Аида.

Если надо было написать на доске какой-нибудь длинный текст, то вызывали её, – у неё был красивый почерк, как в прописях по чистописанию. И тогда я мог на неё вдоволь насмотреться, делая вид, что читаю написанное. Я ни разу не посмотрел на неё так, как тот влюблённый страдалец из известного фильма, который написал: «Счастье – это когда тебя понимают». Никто никогда не заметил, что я был влюблён. Сейчас мне трудно понять, зачем я так упорно скрывал это.

Однажды за неделю до летних каникул в нашей школе проводили «атеистическое мероприятие». Я должен был на сцене декламировать совершенно незапоминающийся стих о несчастном мальчике, которого родители не пускают в школу и заставляют день и ночь молиться. Все пять параллельных классов уже переместились в актовый зал. Шли последние приготовления, как я к своему ужасу обнаружил, что забыл текст дурацкого стиха в парте. Я рванул в класс – его уже запирала Анна Фёдоровна. Она с ворчаньем впустила меня, сунув в руку ключ, и заспешила в актовый зал.

Я впервые оказался в своём классе совсем один. Взял забытый текст, но уйти не смог. Запер дверь на ключ и сел за Аидину парту, рядом с её ранцем.

Магия пустого пространства околдовала меня. Я сидел и, как идиот, улыбался от счастья. А потом вернулся к своей парте, вырвал листок в клеточку из какой-то своей тетрадки и написал всего одну строку:

АИДА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!

С тремя восклицательными знаками. Сложив листок несколько раз, я запихнул его в Аидин ранец. Потом вернулся в актовый зал – никто и не заметил, что я отлучался. Это было в пятницу, в субботу я заболел ангиной и до конца каникул не был в школе.

После нескончаемых летних каникул я узнал, что Аида больше не учится в нашем классе – переехала в другой район.

Больше я её никогда не видел.

А потом я постепенно забыл о том, что умею быть таким.

Я докурил вторую сигарету и, раз уж обещал, решил зайти на сайт, где – по мнению уважаемого Бориса Ивановича – можно прочитать «Правила для писателей». Набрал какую-то абракадабру, сайт потребовал зарегистрироваться. Вздохнув, начал заполнять анкету. В графе «род занятий» напечатал, поколебавшись, – «писатель».

Наконец меня впустили. Появилась надпись: «Пожалуйста, убедитесь, что вокруг вас нет жёстких и колющих предметов и закройте глаза!» «А пошли вы все...», – подумал я и, сняв очки, потёр глаза ладонями: и глаза устали, и не хотелось на эту ерунду смотреть. Повисла странная тишина.

Я отнял руки от лица и увидел, что стою посреди гулкого просторного зала, похожего на вокзальный. Вдоль стены располагался ряд полукруглых окошек, как в билетных кассах, и у каждого окна толпились люди. Несколько человек, подобно мне, стояли с недоумённым выражением лица и озирались по сторонам. Задев меня плечом, быстро прошагал солидный мужчина лет пятидесяти в пижаме; за ним, пытаясь не отставать, семенила женщина в домашнем халате.

– А я тебе говорила! Теперь и меня, как соавтора, тоже ... – донёсся до меня слезливый женский голос. Пара растворилась в толпе.

Теряясь в догадках, что всё это значит, я двинулся вперёд, к окнам. Мне подумалось – я просто сочиняю сцену на вокзале для моего романа и, как это часто со мной происходит, ясно представляю себе описываемое. Сейчас это прекратится. Надо подождать. Дошагал до одного из полукруглых окошек, начиная беспокоиться, что на этот раз воображение захватило меня слишком уж сильно и всё, что я вижу вокруг, выглядит по-настоящему. Наклонился и провёл пальцем по мраморному полу. Потом, задрав голову, посмотрел в высокий потолок. Яркий свет люстры заставил сощуриться.

И понял – я не воображаю этот зал, я в нём нахожусь.

В двух шагах от меня, заслоняя окно, стояли двое мужчин. Я прислушался к разговору.

- Зачем вы тут вообще сидите, если ничего не можете найти! возмущался высокий широкоплечий мужчина, вдавившись головой в полукруглое окно кассы. Да у меня уже семнадцать романов опубликовано!
- Повторяю в последний раз: нет вас в библиотеке! ответил гнусавый женский голос. Совсем ничего от вас нет! Ни-че-го!
- Да прекратите же вы толкать своим ящиком! раздраженно прикрикнул широкоплечий, отпихивая невысокого мужичка во фраке, который пытался оттеснить его от окошка. Невысокий прижимал к груди что-то вроде большой деревянной шкатулки.
- Нет, вы посмотрите получше! Я должен там быть! Повторяю медленно... и широкоплечий назвал своё имя.

Я оторопел. Неужели это тот самый, популярный и нереально продуктивный писатель, чьи книги штабелями лежали во всех книжных магазинах?

- Ну как же вы не понимаете: не всё, что было написано, может пополнить нашу библиотеку! гнусавый голос из окошка становился раздражённым. Вы правила-то почитайте!
- Ну что вы всё лезете со своим ящиком! взбесился широкоплечий и оттолкнул напиравшего на него сбоку мужичка со шкатулкой.

Тот побагровел и выкрикнул что-то на непонятном языке.

- Ты сначала по-русски говорить научись! Что это за язык? А? Тарабарский? пророкотал широкоплечий писатель, сверху вниз посмотрев на гневно заклекотавшего мужичка.
- Уйди отсюда! рявкнул писатель и отвернулся, собираясь сунуть голову в окошко, но в это время мужичок, раздув ноздри, размахнулся шкатулкой и огрел ею противника по затылку. Они сцепились и с грохотом упали на пол.

Я хотел их разнять, но вдруг заметил, что стою напротив никем не заслоняемого окошка. Черноволосая дама с царственной осанкой пристально смотрела на меня.

- Имя? произнесла дама. Я назвал себя. Она поклацала по клавиатуре и равнодушно переспросила: Миомотов А.А.?
 - Миомотов, повторил я.
 - А.А.? опять спросила дама. Инициалы ваши А.А.?
 - А.А., кивнул я.
- Ваши книги в комнате 15-25. Это там, где Сэлинджер, прогнусавила она.
- Какие ещё книги? удивился я. Сердце моё заколотилось. Я ещё ни одной книги не издал...
- Ой, мужчина! усталым голосом сказала дама. Вы тоже, что ли, правил не читали? Вот прут все сразу к окошку, а с правилами не ознакомились. У нас в библиотеке восемь ваших книг.

Широкоплечий писатель и мужичок с ящиком поднялись на ноги и, переругиваясь, начали оттеснять меня от окошка. Я сопротивлялся, как мог, уцепившись за узкий подоконник.

– Могу я на эти книги посмотреть? – крикнул я. Язык не повернулся сказать: «мои книги».

Елена **Ж**анен

- Можете-можете. Сейчас распечатаю, - процедила черноволосая дама. Послышалось жужжание принтера. Я успел схватить листок в последнее мгновенье: мужичок, словно тараном, больно ткнул меня своим деревянным ящиком в бок, оттолкнув от окошка.

На листке было всего четыре строчки:

 Π исатель – Mиомотов A.A.

Задепонировано книг-8 (восемь) штук.

Местонахождение книг – этаж 15, комната 25.

Время пребывания в библиотеке – 30 (тридцать) минут.

Я повертел головой, не зная, куда идти. На одной из стен заметил какой-то текст, похожий на расписание поездов. Подошёл ближе, присоединившись к толпе; текст походил на свод каких-то правил. Очков у меня с собой не было, и я не мог ничего прочитать.

Вдруг кто-то окликнул меня.

Дина, нарядная и намарафеченная, метнулась навстречу и, чуть не сбив с ног, повисла у меня на шее. Я обрадовался ей и даже непроизвольно сжал в объятьях. Правда, сразу же пожалел об этом: чего доброго, ещё подумает, что я собираюсь возобновить нашу связь.

- Ты опять пришёл? сияя, прошептала она.
- Почему «опять»?
- Ну как же, ты утром сказал, что уже был... Мы ведь говорили... - лепетала Дина, и я вспомнил о телефонном звонке. Она ещё сказала: «Там, где Сэлинджер».
- -Послушай, я отлепил её от себя. Я сегодня что-то не совсем в порядке... Давай, повтори быстро, что ты утром говорила, и вообще, где мы?

Дина улыбнулась и посмотрела на меня своим грустным собачьим взглядом. Она часто смотрела так в последнее время. И, зная, что злит меня этим, начинала вдруг болтать о каких-нибудь пустяках.

– Ты знаешь, у них тут полнейший беспорядок! Вот, даже где лифт в библиотеку – невозможно найти! Все бегают туда-сюда... – она выхватила из моей руки листок. – Ого – у тебя аж восемь книг! Пошли!

Дина взяла меня за руку и повела, как ребёнка, через весь зал, мимо окошек; потом мы поднимались на лифте, бежали по коридорам, и, наконец, остановились перед дверью с номером 15-25.

– Ну вот и пришли! – переводя дух, сказала она. – Здесь книги, которые ты напишешь. А потом, может быть, тебе и так всё станет ясно, где мы... Иди! Я подожду. Ой, ты без очков! Вот, возьми! – Дина сняла свои жуткие вычурные очки в розовой оправе и сунула мне в руку. Она говорила, опустив глаза, – будто избегала встретиться с моим недоверчивым взглядом.

Дина открыла дверь, и я вошёл в полутёмное помещение, похожее на привокзальную камеру хранения. Материализовался седобородый старик в полотняном балахоне до пят, и, приветливо улыбаясь, попросил «мою бумагу».

– Вон там, милый, на третьей полке твоя коробка стоит! – махнув рукой, сказал он. – Полчаса у тебя!

Я нацепил Динины очки и стал всматриваться в коробки. На каждой было написано имя. И вдруг увидел надпись: «Миомотов А.А.». Схватив коробку, я почувствовал, что она довольно тяжёлая, поставил на пол и открыл. В ней лежало восемь книг, на каждой значилось моё имя и под ним год издания. Самая ранняя – 2018 год. Это значит, мой роман напечатают только через восемь лет?!

Неподалёку от меня седобородый старик переставлял коробки, и я с лёгкой издёвкой спросил его:

- Скажите, пожалуйста, а какой тут у вас сейчас год?
- Никакой, просто ответил старик. Зачем нам?
- Что значит зачем? ухмыльнулся я.
- Дык... нету у нас времени, милый, он добродушно улыбнулся и добавил: Это вы со временем крепко повязаны поэтому тебе, к примеру, полчаса дали здесь быть... А мы просто есть, и всё...

Старик отвернулся. Вздохнув, я раскрыл книгу наугад, зачем-то понюхав её, – она не имела никакого запаха – и стал читать. Стиль был лёгок, прост и слегка ироничен. Но... это был явно не тот роман, который я пишу сейчас. И во второй книге, двумя годами старше первой, тоже не нашлось моего романа, да и во всех остальных томах, которые я, сминая страницы, быстро пролистывал.

- Ишь ты, сколько натворил! услышал я звонкий голос и оглянулся. Хрупкая пожилая женщина, похожая на мою тёщу, смотрела на меня с нескрываемой завистью. Аж целых восемь книжек! А вот у меня только один маленький рассказ сюда взяли! И я всё равно рада!
- Я тоже рад! отозвался я и брякнул: Не могу что-то свой роман найти.
- Значит плохой был не взяли они его! с готовностью ответила старуха. Зачем информационное пространство загрязнять! Я считаю раньше надо было им начинать! А то спохватились вон, когда от мусора задыхаться стали! Разум-то, хоть он и мировой, да всё равно не резиновый! Вот и твой роман если это говно, то и нечего ему тут быть!

Я отвернулся от неё: во-первых, знаю по опыту, что ввязываться с такими, как она, в спор, – гиблое дело, во-вторых, хотелось получше рассмотреть книги. Меня не покидало чувство, что всё, что здесь происходит, – это какой-то розыгрыш. Особенно насторожило, что одна из «моих» книг была сборником сказок и называлась «Хромоногий паучок Ронни». Вот уж чего никогда не тянуло написать, так это детскую сказку. Я долистал до последней страницы восьмой том.

И вдруг меня словно ударило током. Среди выходных данных книги жирным шрифтом значилось:

МИОМОТОВ АРСЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ Собрание сочинений в восьми томах

Сенька? Мой сын Сенька написал всё это?!

- Пора уходить, милый. Твои полчаса истекли, произнёс возникший передо мной седобородый старик. Он отобрал у меня книгу, положил её обратно в чёрную коробку и с поклоном указал рукой на дверь. И в то время, как он водворял коробку на место, я вдруг заметил, что рядом стоит такая же, с надписью «Миомотов А.А. старший». Я нервно засмеялся. Это что, значит, мы с Сенькой вроде как «Дюма-отец» и «Дюма-сын»?
- Стойте! Дайте взглянуть! в бешенстве закричал я и протянул руки к МОЕЙ коробке. Там мой роман!
- Милый, уже поздно! Иди с миром! ласково сказал старик. Я пытался схватить коробку обессилившими вдруг руками...

Я лежал навзничь на ковре в спальне, возле стола с моим компьютером; кто-то подсунул мне подушку под голову и накрыл пледом. Впрочем, ясно кто – Сенька. Миомотов-младший. Ну и дела. Я потряс головой, чтобы отогнать странное видение. Но тут на ковёр с меня слетели очки. Это были жуткие вычурные очки в розовой оправе, Динины очки, которые она сунула мне в руку ТАМ...

На мониторе светилась надпись «Спасибо за посещение нашей библиотеки!». Я посидел на полу, сгорбившись и оцепенев. Потом резко вскочил, метнулся к компьютеру, не забыв нацепить мои очки.

Просторный зал наполнился людьми так, что было трудно протолкнуться к полукруглым окошкам.

- Девушка! Посмотрите! Миомотов! А.А.! Старший! запыхавшись, прокричал я.
- Эй, дядя! Ты чё без очереди прёшь? ощерился кадыкастый парень, которого я оттолкнул от окошка.
- Я уже был! заорал я на него. Меня неправильно послали! Прости, брат!

На этот раз мне выделили всего десять минут. Несколько раз сбившись с пути, я всё же добрался до комнаты 15-25. У двери переминалась с места на место грустная Дина.

-Ты ещё раз пришел?! - обрадовалась она. - Я уж и не знала...

– Пришёл, пришёл! Ещё раз! – воскликнул я, распахивая дверь в заветную комнату.

Седобородый старик в балахоне беспристрастно принял мою бумагу. Где коробка с моей фамилией, я уже знал. Руки у меня дрожали, когда я её схватил. Она была невесомой.

- Соавторы-то с тобой не пришли? спросил старик у меня за спиной.
 - У меня нет соавторов! ответил я.
- Нетути, милый, два соавтора у тебя! укоризненно произнёс он. «Напутал он что-то, подумал я. Никогда бы я не смог писать в соавторстве. Не моё это».

Я открыл коробку. В ней не было ни одной книги, лишь две какие-то бумажки валялись на самом дне. В недоумении взглянул я на седобородого старика. Он развёл руками:

- Нету твоих книжек у нас, милый! Ну, может книжки-то у тебя и есть, да вот сюда их, значить, не пропустили! Вот, только то взяли, что ты с соавторами написал!
- Да. Да. Понимаю, бормотал я упавшим голосом. И всё же, почему...
- Скукоженный ты, наверное, сочувственно произнёс старик. Раскукожиться бы тебе надо, добавил он мягко, вздохнул и удалился.

Я взял со дна коробки одну из бумажек – это был листок в клеточку, вырванный из школьной тетради с моим давним признанием:

АИДА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!

...Пустой класс, её парта, её ранец и я с идиотской улыбкой на лице.

И вдруг я заметил внизу листка три слова, написанных красивым почерком, словно из прописей по чистописанию:

ЯЗНАЮ, АЛЁША!

– Милый, две минуты тебе осталось! – раздался у меня над ухом старческий голос. – Всё, что ли, посмотрел?

Тупо кивнув, я повернулся, чтобы уйти, но вспомнил вдруг, что в коробке лежал ещё один листок; быстро схватив его, развернул и увидел нарисованного зайца. Под ним очень криво было написано «ЗАИЦ», и рядом, уже ровными печатными буквами – «ЗАЯЦ СЕНЬКА». Я не мог понять, что всё это значит, не мог припомнить, видел ли когда-либо этот рисунок...

Старик отобрал у меня оба листка и бросил их в чёрную коробку.

Из Сенькиной комнаты доносились голоса и смех. Я снова лежал на ковре – на этот раз без подушки и пледа. Скрипка за стеной тупо повторяла простую мелодию, всякий раз убивая её фальшью.

С трудом поднявшись, я сел к компьютеру и стал читать свой недописанный роман. А потом стёр весь текст. Исчезли и Делла, и профессор Клинкус, и тот, которого я списывал с себя самого и который должен был выжить, несмотря на все свалившиеся на него испытания.

Борис Иванович и Сенька сидели в его крошечной комнатке. Увидев меня, Борис Иванович умолк, а Сенька перестал смеяться, но вид у него всё равно оставался весёлый. Я давно его таким не видел.

- Ну и как вам «Правила»? блестя глазами, спросил логопед. – Успели прочитать?
 - Нет. Не успел, ответил я. Хотя... кажется, и так понял...
- Как интересно! Расскажите! хлопнув в ладоши, воскликнул Борис Иванович.
- Позже, сказал я, зевнув, и обратился к Сеньке: Слушай, я тебе когда-нибудь зайцев рисовал?
- Д-да. А вон же в-висит! Т-ты меня б-буквам тогда учил и зайца на-арисовал. А «ЗАИЦ» это я на-аписал. Сенька ткнул пальцем в один из рисунков на стене. Он любил развешивать картинки, в которые я никогда не вглядывался.

Я узнал рисунок – это он лежал в чёрной коробке. Но всё равно не вспомнил, как рисовал зайца для Сеньки.

Еле передвигая ногами от усталости, я добрался до спальни и рухнул в постель. В последнее время мало спал: роман, точно бес, вселился в меня и не оставлял в покое ни на минуту. Теперь же я снова стал тем, кем был до помешательства... Никакого литературного таланта у меня не было и нет. Как я устал. Всё тело словно налито свинцом.

Спать, спать...

Свет пробивался сквозь неплотно задёрнутые багровые гардины. Я потянулся в постели, наслаждаясь потоками энергии, щекотавшими моё тело. Сенька уехал сегодня утром на дачу. Весь день в квартире никого кроме меня не будет. Я рад этому несказанно. Несказанно. Неплохое слово.

Как жаль, что я не разглядел вчера толком этого седобородого старика в полотняном балахоне. Интересный тип, не в пример моему быдловатому профессору Клинкусу. Правильно я сделал, что стёр вчера свой роман. Надо придумать седобородому имя. И сюжетную линию Аиды будет легко связать с этим старцем. Нет, имя ей придётся заменить – я же не летопись писать собираюсь. В голове начал складываться неплохой сюжет...

Теперь самое главное – придумать мне имя. Нет-нет, не одному из героев нового романа, на которого я буду похож. Мне самому. Псевдоним! Гениальное изобретение. Возможность родиться заново. Другим.

Кажется, придумал... И даже увидел это имя, моё новое имя. Золотом – на чёрной коробке.

Анатолий АВРУТИН Минск

Эту веру в надежду дает мне любовь...

* * *

Куда спешим?.. Сентябрь... Птицам – к югу. На срезе жизни кольцами – года. Всё тоньше кольца... И бредёшь по кругу, Шаги замедлив... Нехотя... Туда, Где всё конечно, даже бесконечность, Где вечно лживы Ева и Лилит... Где чёрен свет... Где временная вечность Со смертным о бессмертье говорит.

* * *

Позовите меня – Я приду... И скажу... И заплачу... Потому что дождит...

Потому что позвали меня.

Выпивохам раздам

эту скользкую, мокрую сдачу –

Пусть содвинут стаканы,

портвейном желудки черня.

И пойдёт разговор...

Про погоду... Про деньги и женщин,

Неустроенность быта

И вечный мирской неуют...

Будет вечер пустой

мировой пустотою увенчан,

Мрачно выпьют и снова

торопко и мрачно нальют...

И, отспорив своё,

Не поверят ответному слову.

И почувствуешь -

злоба у парня вскипает в груди.

Опрокинет стакан:

«Уходи подобру-поздорову...»

Опрокинет бутыль:

«Уходи поскорей, уходи...»

Покачнётся и вновь

Глухо скажет, что выпили лишку.

А всё этот... Заезжий...

Ату его, ёшкина вошь...

Скрипнет хлипкая дверь,

На крыльце приобнимешь парнишку...

И нетвёрдой походкой

Пойдёшь вдоль оврага,

пойдёшь...

А вокруг – никого...

Лишь голодный и брошенный Шарик

Подбежит на минутку,

Глазами проводит: «Иди...»

Догорает звезда...

Вдалеке остывает фонарик...

И такая тревога... Такая тревога в груди...

* * *

Маме

Ты не мама, ты – мой ребёнок... Всё в минувшем – краса и стать. Ты ласкала меня с пелёнок, Мне отныне тебя ласкать. Отвечала мне раз за разом На вопросы средь суеты. У тебя нынче детский разум И по-детски глаза чисты.

Повторяла: «Еще немножко Скушай... После – еще отрежь...» Ты кормила меня из ложки. Мама, с ложечки суп доешь.

Хвори, шишки – всего хватало. Взяв за ручку, вела к врачу. Оступилась... Почти упала... Дай царапинку подлечу.

Тяжело на диван приляжешь, Будем вместе мы ждать весны. Мама, мама, ты мне расскажешь Все свои молодые сны.

Помнишь, я прибегал спросонок, Чтобы сон тебе рассказать?.. Я – твой сын, а ты – мой ребенок, Я – твой Бог, а ты – Божья мать...

И мы оба сегодня – дети. Пусть метели ревут, слепя. Пусть кончается все на свете, Кроме истины и тебя.

* * *

Неужто придется проститься С вечерним разливом небес, Где мечется поздняя птица И перья роняет на лес?

Неужто придется прощаться С проселком, что глинист и пуст, С ручьем, где созвездья лучатся И брызжут на низенький куст?

Неужто так велено роком? И всё?.. Не увидится мне Ни росчерка в небе высоком, Ни лампы в далеком окне?

Неужто такое реально? И мне отплывать навсегда Туда, где читаешь зеркально Твое отстраненное: «Да...»

* * *

Эту веру в надежду дает мне любовь -Лживы все ипостаси иные. Пусть любовь безнадежна... Пусть горестно вновь, Пусть копытами бьют вороные... Говорливые токи идут от земли, Заставляя позвякивать блюдца... Всё с любовью слежу, как летят журавли, И с надеждою верю - вернутся. Пусть пургою январь обжигает зрачок, Пусть слова подтверждают потерю, Я всё верю с надеждой в провидчество строк И в любовь бесконечную верю. Пусть мне небо велит: «Небу не прекословь, Знай в любви осторожность и меру!.. » Но я верю в надежду... Я верю в любовь... И они возвращают мне веру...

Анна ULAФ Метманн

МИНИАТЮРЫ

* * *

1926 год. Бервиль – многонациональный бедный квартал Парижа. Каморка на пятом этаже. В шкафу форма, погоны. Он читает газету «Последние новости». Милюков поздравляет эмигрантов с Рождеством.

– Проклятый кадет! Разрушил Российскую империю! Побежал в клуб «Ла Ява», там аккордеон, танцы. Налил водки из графина... Стакан, ещё стакан...

Апоплексический удар.

- ***
 19 июля 1860. Улица Рояль. На ступенях церкви Мадлен сидит нищий. Французский фотограф и репортёр Огюст Бруно Браквейе подал крупную купюру.
 - Пойди помойся, поешь, отдохни..

Нищий растроганно:

– Ты будешь жив, когда закончится осада и пруссаки войдут в Париж. Будешь жив, когда коммунары поднимут восстание. Ты умрёшь от старости в своей постели.

Тот вскинулся:

- Ты предатель или провидец?

* * *

15 мая 1157. Боярин:

– Умер наш батюшка Юрий Владимирович, Мономаха кровинушка. Господь его успокоил.

Другой боярин:

– Больно долгорукий был, вот и успокоили его бояре киевские.

2020 год. Не в чести и теперь в Киеве Владимиры и Юрии.

* * *

Nюнь 1722 года.

– Куда прёшь? – посадский толкнул русого здоровяка в бок. – Не твоя это барка, иди себе с миром куда подальше.

Вода утекала равнодушно прочь.

– Тебя, вольно гулящего, наш царь-батюшка Петр указом в солдаты забирает. Так что за мной иди.

Посадский икнул.

– Ну уж нет! Вольному – воля, я не крепостной. Не тронь меня – плохо будет!

Прыгнул в барку, оттолкнулся веслом от берега, и унесла его речка от кручинушки. Да только не долго гулевал – на всей Руси петровский закон худо-бедно, но исполняли.

Чечня. Январь 1995 года. Наш танк ползёт по улице Ленина. На тротуаре трупы, некоторые солдаты оскальпированы. Сбоку на мгновение тень.

– Ваш грёбаный шайтан!

Башня БМП загорелась. Вылезаем, попадаем под пули. Мёртвый, падаю на асфальт рядом с земляком.

7 июня 1921 года. Спальня Александра Александровича Блока.

– Твёрдая постель... И этот хлебушек сегодня твёрдый, тяжесть в желудке. Но хорошо, что он был! Холодно. Весь Петроград холодный... Что делает сейчас Любушка? Какая ба-

нальность – она сейчас с моим бывшим другом! А что Анна со своей «Белой стаей»? Хватает ли ей хлеба или тоже с цингой? Какая тёмная ночь! Ни огонька... А как же улица, фонарь?.. Какой мрак сегодня царил на моём выступлении в Большом! Атмосфера смерти, как будто это мои поминки... Как я устал! Как всё надоело! Поесть бы сейчас сбитых сливок! Нет, нет пива с рыбкой. Рыбка... Сапунов обещал отдых в рыбацкой деревне... Мне так хотелось, но я отказал. Тот с друзьями ночью катался на лодке, она перевернулась, и мой приятель утонул. А хороший художник был! Да, так и я мог утонуть, ведь я же совсем плохо плаваю. Мог бы раньше уже уйти в мрак и вечность, но и теперь рано, мне только сорок один. Горький обещал курорт в Финляндии... Может, всё-таки выдадут визу? Надо уничтожить все бумаги, визу опять не дадут, конечно. Какая беззвёздная ночь!

Если бы он знал, что через десятилетия зажжётся на небе астероид 2540, названный в честь него, может быть, ему было бы немного легче в эту ночь?

Когда будете на Волковском на Литераторских мостках, поклонитесь праху поэта, символиста-мученика.

* * *

 $31\,$ октября 1517 года. Дворцовый двор города Виттенберга.

- Ax, чёрт! Попал себе по пальцу молотком! рыжеватый монах-профессор потряс рукой, чтобы успокоить боль.
- Что это вы прибиваете к дверям церкви, коллега? Какие-то тезисы, целых 95! Ну-ка, подвиньтесь, я почитаю. – Хмурый профессор физики регулярно посещал католическую церковь, несмотря на свои дуалистические взгляды.
- -- Давай, читай, первым будешь. А я послушаю, что ты на это скажешь. Я на латыни написал, а надо на немецком - для всех... Ничего, переведу завтра, ты читай пока, - монах выжидающе улыбнулся.

- Ого! Шокирующие заявления! Что значит: спасение души не через церковь, а через веру? 18 октября папа призвал покупать индульгенции, через них спасать христианские души. А вы хотите упразднить всю систему? И папу, и духовенство? Говорить напрямую с Богом? Смело, смело... Физик подмигнул Мартину. А не сгорите ли на костре, как Ян Гус? Не страшно?
 - Может, и сожгут, но на том стою и не могу иначе...
- Ну-ну... А дальше о безбрачии духовников, его тоже отменить? Это почему же? Так было заведено, так и будет всегда. Вы сами монах, вам, как я понимаю, примерно столько же лет, как Иисусу при распятии. Христос не был женат, и вы холосты. Почему ж вы против целибата?

Мартин нахмурился:

- Был я в одиннадцатом году по делам Августинского ордена в Риме. Насмотрелся распутства в римско-католическом клире нет там праведности. Все люди должны жить в любви и продлевать свой род. Такова природа человека, такова суть жизни.
- Ну и заварите вы, дорогой коллега, кашу! Снимите, пока не поздно, а то распри пойдут по всем христианским землям больно уж заманчиво пишете.

Монах поёжился под начинающимся дождём, заторопился в церковь:

- Правда - она дорогу найдёт.

*** 1974 год. Советский Союз. В. В. Кунин:

– Ну наконец-то, Лев Николаевич, ваша книга «Хунны в Китае» вышла в свет в Институте востоковедения.

Л. Н. Гумилёв:

– Да уж, уважаемый редактор, вы её изрядно задержали, ведь материалы для неё я начал собирать еще в лагере, куда вторично безвинно был посажен Сталиным. К изданию рукопись была готова уже в шестидесятом году.

– Ну-ну, не сердитесь, вы её перерабатывали и сокращали вследствие моих замечаний.

Вот вы, Лев Николаевич, пишете о межэтнических контактах в этнических химерах. Вы думаете, кому-то в наше время будет интересна война Степи и Китая, которая велась с третьего по пятый век в Восточной Азии? Кому надо знать о миграции степняков в это время? История такова: кочевников поразила засуха, и они стали переселяться в северные районы Китая. Они не считали себя китайцами, пользовались образованием, материальным благосостоянием китайцев. А в результате потомки мигрантов стали оккупантами. И какой же вывод из этого вы делаете?

Л. Н. Гумилёв:

– Вполне конкретный. Вот пишу: «При несовместимости стереотипов поведения и этнических традиций народов враждебность их проявляется на одной и той же территории в том, что государство и общество превращаются в химеру – образование нестойкое и опасное для людей, в него входящих».

В. В. Кунин:

– Убедили. Я поддерживаю вашу точку зрения, думаю, она действительно будет полезна для предупреждения конфликтов в следующих поколениях разных стран и народов.

* * *

7 июля 2006. Мне отчаянно хорошо здесь, на море! Оно огромное, доброе, оно переполняет меня радостью. А небо над ним такое же великолепное, как море!

Отряхиваю песок со шлёпок, иду в ближайший магазин за продуктами. Магазин маленький, ступени широкие, перила железные. Выхожу с полной сеткой. Обращаю внимание на мемориальную доску. Здесь, в этом доме в Евпатории, почти год жила Анна Ахматова. Белая стая её стихов кружит надо мной! Уютный, невысокий город на берегу моря – он давал ей радость, какую теперь даёт мне! Она тоже улыбалась этому морю, этому небу...

Анна Шаф

37

Анна любила воду. И не только тёплого Чёрного моря, но и итальянскую ласковость живых волн. Хорошо было ей, стоя на жёлтом берегу Адриатики, прикладывать руку любящего мужа к растущему животику и смеяться навстречу солнцу, горящему в высоте.

- Коля, Коленька! Хорошо жить...

А впереди – война, революция, разлука, гибель мужа, страшная судьба сына, страх, преследования, замалчивание таланта, стихи, стихи, стихи и непреходящая память многих поколений.

* * *

Весна 1913.

– Какой ветер с Невы! Но мне же недалеко, напротив дома... Где накидка тёплая? Схожу в храм Святой Екатерины, поставлю свечку за здравие, за нашу непростую с Колей любовь, за наше уютное гнёздышко в «Тучке». Свекровь не мешает, как раньше, отдала ей ребёнка, пусть растит внука... А Коля молодец: когда вернулся из Аддис-Абебы на Благовещенье, с первых строчек, прочитанных мной, признал меня не просто сочинтельницей, а большим настоящим поэтом. Я ему не только любимая, не только жена, не поэтесса, я ему – талант и поэт.

Хорошо, что он сегодня утром перед уходом поцеловал меня. Уже взялся за ручку двери, но оглянулся, прошел вглубь комнаты и поцеловал так крепко, как будто уходит надолго. Я благодарна ему за многое, многое не прощаю, какое-то тайное единоборство с ним... Что-то дрожит во мне, словно говорит: «Дорога долгая, разлука скорая...»

*** 13 декабря 1905. Москва. Пресня.

– Братцы! Вот заживём! Свобода! Равенство! Никаких толстых задниц попов и интеллигентных хлюпиков с их умствова-

ниями! Никаких тунеядцев-помещиков – все богатства народу! Мы их заработали! Мы, рабочие заводов и фабрик, – настоящие хозяева всего, что есть в России. Довольно быть рабами богачей – построим новый мир!

Харитон завороженно слушал. Потом они с мужиками, в таких же рабочих робах, перевернули коляску и бросили её на хлам баррикады. Лошадь отпустили шагать вдоль по Лобазному переулку. Ямщик прикурил от харитоновой скрутки. Натаскали досок из ближайшего двора. Дворник не давал растаскивать господское добро, и его саданули по голове лопатой. Сыщик Сидоров отметил этот удручающий факт в маленькой записной книжке.

Харитона переполняли незнакомые волнующие чувства. Он влез на тумбу, с которой только что под аплодисменты сошёл очередной оратор. Кажется, это был студент. Харитон сплюнул, поднял руку и закричал:

– Товарищи! – Мужики смолкли. – Товарищи! – опять закричал Харитон.

Все выжидающе смотрели на него. Слова не шли.

– Вот так! Вот так вот! – он потряс кулаком и стал слезать с тумбы.

Народ дружески засмеялся.

Пошел снег. Лёгкие красивые снежинки тихо ложились на баррикаду, на картузы фабричных и цивильных. Ждали. Ждали. Из соседнего дома раздавалась музыка – играли Мендельсона...

Когда Машенька вышла на балкон, а надо сказать, что дом её родителей располагался на Кудренской, она, набросив тёплую шаль на плечи, наблюдала, как полыхало небо над Пресней. Там семёновцы, присланные государем из Петербурга, прямой наводкой били по баррикадам.

Харитон упал на припорошенную снегом каменную мостовую. Яркая кровь задымилась, глаза его увидели горящее огромное небо.

– Что же это я? А как же свобода и всеобщее счастье, новый мир? Без меня-то не построят...

* * *

Александр Иванович Скрябин увлекался мистикой и эзотерикой. Тонкий и чуткий пианист, великолепный композитор, мечтающий соединить Мировой Дух с косной Материей в космическом эротическом акте, он считал себя Мессией, а на положение женщины в обществе имел интересные взгляды. Он считал её не личностью, а помощницей человеку.

Скрябин так увлекся мистикой, что Хозяин потустороннего чёрного мира увлёк его к себе. В сорок три года композитор, будучи вполне здоров, умер от фурункула на верхней губе. Но Хозяину показалось этого мало, он забрал к себе и обеих его жён – Верочку и Таню. Умерли они одинаково: обе упали со стульев и получили инфаркт. Поневоле вспомнишь Ницше: «Если долго всматриваться в бездну, то бездна начинает всматриваться в тебя»...

*** Как много разного можно сделать второпях!

Утром я долго слушала «Патетическую ораторию» Свиридова. Увлеклась, захотелось просмотреть все двадцать девять проектов о нём. Но склонилась только к музыке: «Грустным песням» по Блоку, прослушала «Отчалившую Русь» по Есенину и «Пушкинские романсы». Тут и обед, а ничего не готово!

С наскоку сварганила котлетки. Пришли мои домашние и есть котлетки не стали – непрожаренные.

А вот Георгий Васильевич Свиридов, народный артист и Герой Соцтруда, самую свою известную вещь, потрясающую сюиту «Время вперёд» написал как бы мимоходом, второпях. Его основные музыкальные интересы были гораздо сложнее. Амы, советские люди позднего социализма, слушали эту музыку ежедневно на вставках новостей по телевизору.

Такова ирония судьбы.

11-13 декабря 2019

Жанох ФАШЕВСКИЙ Иерусалим

Из романа о Холокосте

Поэзия любви и смерти

* * *

Я раньше не писал тебе стихов, Моя любовь, мой друг, моя опора! Как лунный свет, твоё мерцанье взора Не возносил до самых облаков.

Но вот, освобождаясь от оков, Морями разливаются озёра. Под яростью весеннего напора Выходят воды рек из берегов.

И я свои стихи тебе несу, Как гроздья распустившейся сирени, Как на заре медовую росу.

А прошлой жизни скользкие ступени Останутся за мною – и в лесу Клубящиеся сумрачные тени.

* * *

Когда мерцает жёлтый лик луны И распускает ночь над миром крылья, Когда сияньем небеса полны От звёздного ночного изобилья,

Прильни ко мне в молчании Земли, И обними, как только ты умеешь!

Какие горы высятся вдали, К которым ты приблизиться не смеешь?

Какая непонятная тоска Тебя насквозь, как лезвие, пронзила? Вот на твоём плече моя рука – Её не сбросит никакая сила.

А над тобою – свет высоких звёзд, И лунный диск, таинственно манящий. Любовь моя, взойди на тонкий мост, В неведомую бездну уходящий!

* * *

Покажи мне мираж на границе песков, Покажи очертания сказочных гор, Чьи вершины парят в небесах без опор И несут синеватый туман облаков.

Там, где ровный и тихий колеблется свет, Настоящее гаснет, и прошлого нет. Там пространство мечты, там иные миры Открываются в тайне волшебной игры.

Там порог, за которым – глубины глубин, Но войти в эти двери не может любой – В золотое сияние звёздных долин, В голубой океан, где не слышен прибой.

Там, как тайна из тайн, на мерцающем дне Притаилась янтарною каплей слеза, И над вечным простором, в алмазном окне, Изумруды горят, и цветёт бирюза.

Это чудо чудес – твой единственный взгляд, Где восходит рассвет и не виден закат, Где струится вино из серебряных чаш... Это мир, где становится явью мираж.

* * *

Нет ничего печальнее любви, Когда она приходит слишком поздно. Забудь меня и, как цветок, живи: С луной играй под крышей неба звёздной.

А я уйду. И унесу с собой Твои глаза в предутреннем тумане. И будет этот сумрак голубой Напоминать о незакрытой ране.

Сойдутся дождевые облака, И в день ненастья, в грустный день осенний Увижу я тебя издалека, Но не смогу обнять твои колени.

* * *

Настанет утро, и взойдёт звезда Над лесом, где безмолвие царит, И всё пространство инея и льда Она мерцаньем тусклым озарит.

И побредёт унылая толпа, Скользя по снегу из последних сил, И встанет там, безгласна и слепа, Где ангел смерти крылья распустил. И раздеваться будут, словно в зной, И обрести наследный свой удел Они пойдут, сверкая белизной Ещё живых, ещё дрожащих тел.

И после них не запоёт певец Пернатый в этом про́клятом лесу, И если солнце выйдет наконец – То лишь собрать кровавую росу.

Ребёнок, мать за руку теребя, Через секунду с нею рухнет в ров. Любимая! Сегодня и тебя Я вижу на развалинах миров.

Я вижу, как идёшь по снегу ты Далёкая и чуждая всему, И прижимаешь мёртвые цветы К ещё живому сердцу своему.

Я не могу помочь тебе никак, Не перейду невидимый порог. Один, всего один неверный шаг – И бездна раскрывается у ног.

И ты уходишь. Время истекло. Мы ничего не можем изменить. И прошлое разбито, как стекло, И не связать разорванную нить.

Проснутся сосны в утренней смоле, Появится и не исчезнет свет – И только брызги крови на земле Останутся, как брошенный букет!

* * *

Любимая! Я увидал тебя не в тот последний день, когда кровавый вас гнал топор, кромсая, и рубя, и удобряя вашей кровью травы.

Не в те часы, когда могильный лёд в своих обьятьях стиснул купол звёздный и каменный застывший небосвод обрушился на сгорбленные сосны.

Не в пору торжествующего зла, когда по хляби тающего снега одежды ваши в город повезла скрипучая и шаткая телега,

чтобы раздать их семьям, чьи отцы ловили вас, как ловят зайцев сетью, и красные печатали рубцы на голом теле кожаною плетью,

которою измученных секли, пока от вас остались только тени... Почувствуй, как тепло твоей земли ласкает загорелые колени!

Открой глаза, чтоб увидать холмы и лилии в долине, и оливу. Любовь моя! Сейчас с тобою мы на пляж сойдём к вечернему приливу.

Какой покой, какая нега тут! Лишь рокот моря слышен монотонный. Сюда твои убийцы не придут – на их пути скалистые заслоны.

Дорогу эту им не одолеть, обречены враги твои отныне. Железо гор поглотит их, и медь, и чёрный смерч неведомой пустыни.

Твой облик тает. Нет! Не уходи! Давай продлим счастливое мгновенье! Увидим благодатные дожди, услышим горлиц радостное пенье.

И этот мир волшебный я отдам, Тебе одной, тебе – моей невесте... Ты не со мною. Ты сегодня там, где наша кровь течёт и жаждет мести.

* * *

Когда ворота открывает ад, Как на костры горящие взглянуть, Как превратиться в птиц и упорхнуть, Когда закрыты все пути назад?

Когда, как тени, стражники стоят, Чтоб нам с дороги смерти не свернуть, И даже искре малой не блеснуть, И только кости мёртвые хрустят.

Мелькнёт ли в ту минуту на пути Волшебная серебряная нить, Чтобы за нею с верою идти?

Или вовеки суждено нам гнить, Сердца ногтями чёрными скрести И в норах змей невидимых дразнить?

ОРДЕН ПРАДЕДА

Дочка позвонила поздним вечером, когда я, по давно заведенной привычке, отправилась спать почти засветло – вставать-то в четыре утра! – и видела уже не первый сон...

– Мам! А ты говорила, что в России есть такой сайт – «Подвиг Народа»? И ты еще говорила, что нашла там описание подвигов и орденов дедушки Яна?

Я с трудом соображала спросонья: какой сайт, какие подвиги?

- -Десять вечера ну что ты в самом деле...
- Мамочка! не унималась моя младшенькая, ну очень нужно! Ты только вспомни название сайта, а я сама дальше найду дедушку! Понимаешь, завтра в школе Михаэль хочет рассказать об орденах его прадеда!

Сон – как ветром сдуло! Бросилась к компьютеру, каким-то сверхчутьем в течение считанных секунд вышла на нужную страничку. На скопированном оттиске пожелтевшей от времени бумаги – синими печатными буквами и скупыми словами военной сводки из музея военно-воздушных сил рассказана нехитрая история первого папкиного Ордена Красной Звезды – бои 42-го, бессонные ночи, боевые вылеты, форсированные атаки на самолёты противника...

Мои внуки – Михаэль, Эйтан и недавно родившаяся Ана – типично израильские дети. Когда я перехожу в разговоре со старшими на русский, они говорят:

– Бабушка! Ну не надо! – нам так трудно, говори на иврите! Михаэль – серьезный восьмилетний парень, высокий, развитый не по годам, «компьютерный» ребенок. Эйтан – голубоглазый красавец блондин, умеющий найти дорогу к сердцу любого и умеющий добиться своего. Ана – белокожая красавица с васильковыми глазами...

Ах, папка, папка, если бы ты знал, какие замечательные у тебя правнуки! Погоди, сколько бы тебе сейчас было? Ого! Приближаешься к 100? Я – твой поздний ребенок, «лебединая песня», как ты любил говорить... Вы с мамочкой выжили в той войне. Вы любили друг друга безумно! И во время авиационных налетов фашистов прикрывали друг друга собой, приняв по «сто граммов фронтовых», чтобы не было так страшно. Пара фронтовых моих голубков... Военные песни за столом с однополчанами, бесконечные рассказы о боях с конкретными датами, именами, цифрами, намертво впечатанные в феноменальную память моего «уникального» папульки, в жизни не пользовавшегося записными книжками. Знать бы тебе тогда, милый, что правнук твой в далеком для тебя и «нереальном» Израиле будет спрашивать о подвигах своего прадеда и просить маму и бабушку перевести для него непонятный русский текст!

Я храню семейный архив с фронтовыми фотографиями родителей, их друзей – летчиков и механиков – друзей, опаленных войной и проверенных дружбой до конца, до последних земных дней. Пересматриваю военные удостоверения на ордена и медали папы и мамы. Сами ордена мне не дали вывезти на таможне Украины – «не положено».

На следующий день я еле дождалась звонка от дочки:

- Ну как прошел урок? Как Михаэль справился?
- O, мама! Все замечательно! Дети слушали, открыв рот, о далеком прадеде летчике из России!

Папочка! Понимаешь, он справился, твой правнук! Он хорошо все рассказал о тебе и о той войне!

- Доченька, скажи ему, что бабушка очень благодарна! А почему он не подходит к экрану скайпа?
- Мам! Он занят! Он рисует мальчиков из концлагеря в полосатых пижамах...

Александр **З**АСИЛЕНКО

ЗЕРКАЛО ВЕДЬМЫ

Велик Урал. Рожден он в Начале Времен, и многие народы считают его своей прародиной. От некоторых же остались только певуче-гортанные названия горных вершин, многочисленных рек и озер. Жили там, говорят сказания, когда-то чудь и дивьи люди. В легендах остались они великими мастерами, что поклонялись могущественному богу Дыю. Предания же говорят, что однажды показалось Дыю мало почитания только тех, кто предался ему, и восстал он против брата своего, бога Сварога. И сразилось войско Сварога с дивьими людьми и чудью. И заточил Сварог дивьих людей под Уральскими горами. А чудь простил.

Восход малиновым соком напитал небосвод. Утреннее солнце купалось в багровых волнах, как в казане с ягодным вареньем. Фиолетовые тени неспешно уползали, словно свирепые драконы в расщелины. Таниза, ежась от утренней свежести, вышла из хаты. Летом в селении работа начинается с восходом. Накормить живность, подоить коз, да мало ли каких дел навалится за длинный летний день. Отец сегодня непременно отправится к дыевым детям, обменять что-нибудь на их изделия из металла. Будь Таниза мальчишкой, непременно напросилась бы с ним посмотреть, как живут дивьи люди. Но у настоящих людей девице ее возраста уже не положено бегать, словно малое дите, где попало. Отец будет тщательно отбирать самое лучшее из того, что может приглянуться дивьим людям. Не больно-то они жалуют наши скромные изделия. Они великие мастера, знают толк в драгоценных камнях, выплавляют золото и серебро, не говоря уж о бронзе. А еще говорят, будто бы Дый обучил их магическому искусству, оборотничеству и другим темным делам.

- -Отец! кличет Таниза. Возьмете полотно, что я наткала?
- Ткешь ты, дочка, хорошо, нет в селе ткачихи лучше тебя, но больно уж переборчивы дивьи люди. Труда и старания ты много вложила, а дадут они совсем мало. У них свои полотна тоньше наших и окрашены ярче, он задумался. Разве что Юрма придет ей иногда требуются наши ткани. Хотя зачем ума не приложу.
 - Ой, отец! А правда, что Юрма ведьма?
- Да посильнее она ведьмы. Те из людского племени. А она... Ни к людям, ни к чуди, ни к дивьим людям не принадлежит она. Да и помощники ее тоже...

Юрма включила коммуникатор. На экране замелькала лесная неразбериха. Повинуясь команде, птица поднялась вверх, панорама сплющилась и превратилась в подобие карты. На огромном пространстве безбрежного леса лишь изредка тянется к небу дымок. Редки, очень редки здесь селения. Жители занимаются в основном охотой да скотоводством. Козы да лошади. И этим охотникам чересчур уж самоуверенный Таганай пытается привить тягу к знаниям. Опасное дело, однако, давать дикарям знание. С огнем играет! Слышала Юрма, как называют окрестные племена его любимцев: дыевы дети! Дый – не очень-то почитаемый здесь бог. Знала же, если в экспедиции дети или близкие родственники высокородных, жди беды! Она положила коммуникатор, поднялась с лавки. Скудная обстановка, скудный быт. Хорошо, что вот-вот откроется портал и ей уже не надо будет довольствоваться этой темной землянкой.

В дверь постучали.

- Войди! голос Юрмы, как всегда, груб и властен.
- День добрый! по растоптанным земляным ступенькам спустилась Уреньга. И с ходу начала требовательно. Выдели мне в помощь кого-нибудь из твоей чуди.
 - А что, Таганай опять у своих дивов?
- Тебе можно работать с чудью, а ему нельзя с дивами?! вскинулась Уреньга.

- Можно-нельзя! вскипела Юрма. Погубите вы дивов! Вы знаете, за кого их другие племена считают?! За колдунов и оборотней! Голову даю на отсечение: откроются порталы, мы уйдем, а дивов ваших в одну прекрасную ночь вырежут те, кто называет себя настоящими людьми!
 - -А что, твою чудь не вырежут?
- Чудь не считают колдунами и оборотнями. Для остальных охотников и пастухов чудь это народ подневольный, она хрипло засмеялась. Угнетаемый злобной ведьмой Юрмой.

Народу на торгу совсем немного. Меняют в основном вяленое мясо и рыбу на искусные поделки дивов. У чуди покупают соль, веревки, резную кость. Отец Танизы все-таки прихватил дочкино рукоделье, и, как всегда, приценилась Юрма. Однако дело вел чудский парень: он поменял полотно на металлические изделия и полученный сверток с подчеркнутым почтением преподнес ведьме. Та что-то прокаркала ему грубым властным голосом, он в ответ залебезил, как щенок, только что руку не стал лизать... И что делает ведьма с полотном? Шить она из него ничего не шьет. Берет без разбору: грубое, тонкое ли. И на каждом торге. Живет ведьма в землянке, как все чудские люди. Точно такое же неказистое строение, чуть в стороне от поселения чуди. Да и чего ведьме бояться? За свою жизнь она успела внушить такой страх окрестным жителям, что любой честный человек семь верст кругаля даст, лишь бы не попалось ему на глаза это страшное место. Не зря же «Юрма» и «не ходи» - одно и то же. Лишь отдельным чудянам, как тому парню, что менял товар, разрешен вход в жилище ведьмы. Но поди спроси у него, как там у ведьмы? Сразу испугается, побледнеет, заикаться начнет. Ясен пень - лихое место!

Юрма встала засветло. Предстоял тяжелый день. К вечеру откроется грузовой портал, и надо как можно больше образцов переправить на родину. Она отодвинула грубую занавеску, открыла потайную дверь склада. Вот они, результаты трудов

экспедиции, лежат на полках завернутые в холсты, перевязанные, пронумерованные, подписанные.

В дверь робко постучали.

- Да входи же! опять, наверное, Уреньга.
- Госпожа! в землянку буквально свалился Вуолек, любимый ученик Юрмы. Беда!
- С кем?! Где?! голос Юрмы, и без того хриплый, заскрежетал, словно камень по камню.

Вместо Вуолека ответила Уреньга, вваливаясь в землянку следом.

– Там! – она от отчаяния не могла набрать в грудь воздуха. – Там Таганай и его люди!..

Юрма уже хлопотала с коммуникатором. Птица висела высоко, и, что происходило внизу, понять не было возможности. Вот она спустилась, поймав нисходящий поток воздуха, и наконец стало видно, что дела действительно плохи. Таганай и его отряд из дивьих людей попали в засаду. Юрма предполагала, что когда-нибудь жрец местного бога, злобный и властный старик, организует нечто подобное. Давно хочет он порадовать уродливого деревянного истукана свежей человеческой кровью. Да не дите или какую-нибудь молодайку, а вождя ему подавай!

Дивьи люди полегли почти все. Но Таганай стоил десятка лесных охотников. Он и трое оставшихся в живых дивов отступили на островок в болоте, где их не так-то просто было взять.

- Я к нему! воскликнула Уреньга, и не успела Юрма и рта раскрыть, как девчонка оседлала белого коня и помчалась, не разбирая дороги.
- Проклятие! проскрежетала Юрма. На погибель свою полетела...

Приказав птице спуститься еще ниже, Юрма включила генератор низкой частоты, предполагая нагнать на атакующих ужас. Но, видимо, страх перед жрецом был сильнее, и нападавшие продолжали обстреливать попавших в засаду из луков.

Портал открылся в расчетное время. Крепкие чудские парни начали загрузку образцов. К полуночи подошел Таганай с тремя дивами – все грязные, в крови.

– Уреньга, она что, не с вами?! – вскричала, побелев Юрма. Таганай беззвучно открывал рот, словно рыба, выброшенная на лед.

Юрма, не таясь, на глазах у чудских парней выхватила коммуникатор и начала разыскивать девчонку. Помчались птицы! На экране в инфракрасных лучах мелькают белесые сучья – адские кружева леса. Словно раненая рысь, взвыла Юрма – нашлась Уреньга. В хаосе изломанных линий – остывающее тело. Сработал чей-то самострел.

– Я не оставлю ее на растерзание диким зверям! – в голосе Таганая было столько боли, что начальник экспедиции, старая Юрма, властная женщина, которую в окрестностях все боялись, как настоящую ведьму, не нашлась, что ему возразить.

Много чего с тех пор произошло: люди забывают, лес помнит. Подросла Таниза, младшенькая. Взял отец примака в дом – кто останется хозяином, если рождались одни дочери? А тут случай подвернулся. После исчезновения ведьмы немало лихого было. Племя дивов погибло, а чудь, потеряв лучших охотников, откочевала. Подобрал Танизин отец юношу, раненного в битве. Хороший паренек, ничего, что из чуди. И Танизе стал он мил, пока ухаживала за ним.

Со временем ушел Танизин отец в мир предков. И Таниза с Вуолеком постарели. Длинными зимними вечерами рассказывает старый Вуолек внукам про битвы богов и людей, про волшебное зеркало Юрмы.

Пролетели годы, из уст в уста переходила легенда о ведьме и возлюбленных. И начала она звучать совсем иначе, совсем не так, как рассказывал ее Вуолек.

Жила в незапамятные времена ведьма Юрма, и было у нее волшебное зеркало. Показать оно могло все, что делается где-то далеко-далеко с любым человеком, о ком подумает хозяйка зеркала. Будто бы не любила ведьма великана Таганая

и красавицу Уреньгу. Чтобы насолить ему, задумала ведьма погубить его возлюбленную. С коварным подвохом подарила она девушке белого коня. И вот однажды прибежала ведьма к девушке с известием, мол, увидала она в своем волшебном зеркале, что погибает Таганай. Вскочила Уреньга на коня и помчалась, не разбирая дороги. Сбросил ведьмин конь ее в дремучей тайге, где она и погибла. Убил будто бы богатырь Таганай ведьму, а зеркало ее волшебное разбил, и стали его осколки озерами. И пошел богатырь хоронить свою возлюбленную, да не дошел – умер по дороге от горя. Так и лежат все трое в виде гор: на западе – Уреньга, севернее – ведьма Юрма. А между ними – окаменевший от горя Таганай.

Анна *ЖРЕСЛАВСКАЯ* Харлем

* * *

год умирает в декабре.
и краски мира замирают.
легко по утренней поре
строкой, бегущею по краю,
витает сказка Рождества,
взлетает детской каруселью...
и все обычные слова,
что крестиком нательным тлели,
теперь висят, как кружева
из бус, подвешенных на ели.
и оживает, как молва,
младенец в беззащитном теле.
и богородица жива...
и эта канитель права,
ведь чуда все давно хотели.

но год, но год уже погиб! в слиянье мрака и сиянья меж ним и нами расстоянье все ширится, его шаги и голоса все глуше, глуше. и ни на море, ни на суше не отыскать его... ни зги не видно. может, лучше нам без него, но в этой гуще о нем ты память сбереги.

* * *

мы поживём и за нами придёт пирога ну не пирога так какая-нибудь гондола в старости веришь не столько в доброго бога сколько в безропотного старца иова

и мы поплывём вестимо куда любимый смолоду было все у нас бестолково ласточка зрелость стрелой пролетела мимо и ничего уже не начать ab ovo

знаем куда плывём хоть маршрут неясен хочется по добру раз не по здорову снова как смолоду мир вокруг нас прекрасен в старости полегчало даже иову

* * *

как бабочка что в тишине в ночник мой крыльями колотит так сердце бьётся в глубине оно такой же сгусток плоти и от него не утаишь когда в ребро стучится глухо что вся ночная эта тишь обман для зрения и слуха что жизнь как молния и гром сердец и крыльев боль сплошная и жаркой мысли «что потом» трепещет бабочка шальная

* * *

на старой фотографии зима на первый взгляд пейзаж вполне привычный стоят рядком кирпичные дома но свет оттуда льётся необычный

на старой фотографии вдвоем влюблённые бредем мы без печали там где-то рядом светится наш дом сияющий как новогодний шарик

там внуков и в помине нет ещё в том мире есть еще живая мама там розовость морозных наших щек и новый год звенит над нами прямо

он нам сулит прогулки и весну и поцелуи в комнате старинной постели и посуды белизну и радостные сполохи камина

там англия старинная и сплин там редкий снег и частые туманы а окна магазинов и витрин такие как у диккенса в романах

неспешный этот мир ещё вокруг и мы им околдованы в ту зиму ещё полно соседей и подруг мы счастливы и так неутомимы в своей хоть поздней но лихой любви но как ты это время не зови оно промчалось мимо мой любимый а мы с тобой пока еще бредём судьбой своей заснеженной не так ли и новый год как дети снова ждём и Рождества спектакли и миракли

но мир так изменился с той поры в нём поселились золотые внуки и принимая правила игры вдоль старости бредем держась за руки

и отступает немощь и тоска и новый год над нами проплывает мы счастливы походка так легка что смерть в лицо нас просто не узнает

Зладимир **ДВЦЕН** Вупперталь

НЕ КАК У ЛЮДЕЙ

После очередной тяжёлой ссоры с женой отлёживаюсь в селе на даче у друзей. Просыпаюсь от громкого воркованья горлиц.

Голубь на высоченной ели за моим окном – томно:

- Рукуку́куку, рукуку́куку, рукуку́куку! Рук?
- -Я люблю тебя, я хочу тебя, я лечу к тебе! А?

Голубка на соседнем разлапистом дубе – строптиво:

- Руку́ку, Руку́ку, Руку́ку! Рук!...
- Неправда, не верю, не надо! Вот!

Голубь на высоченной ели за моим окном – томно:

- Рукуку́куку, рукуку́куку, рукуку́куку! Рук?
- Я люблю тебя, я хочу тебя, я лечу к тебе! А?

Голубка на соседнем разлапистом дубе – строптиво:

- Руку́ку, Руку́ку, Руку́ку! Рук!..
- Неправда, не верю, не надо! Вот!

Диалог этот длится и длится, кажется, ему не будет конца, но после очередного отказа строптивицы в разговор вмешивается возмущённая ворона:

- Кырр-а, кырр-а, кырр-а!!!
- Ты зря, ты зря, ты зря!!!

Голубка раздумчиво:

Ру-ук?..

Hy-y?..

Ворона:

- Кырр-а, кырр-а, кырр-а!!!
- Ты зря, ты зря, ты зря!!!

Голубка смиренно:

- Руку́ку, руку́ку, руку́ку. Рук...
- Ну ладно, ну верю, согласна. Да...

Голубь блаженно:

- Руку́, руку́, руку́. Рук...
- Ну вот, ну вот, ну вот. Вот...

И перелетает к горлице на дуб.

Звоню жене:

- Рукуку́куку, рукуку́куку, рукуку́куку! Рук? Доброе утро!
- Чего-чего?! Совсем спятил? взвивается она.
- Кыр-а, кыр-а, кыр-а!!! вмешивается ворона.
- Ты права, милая, соглашаюсь я.
- С каких это пор я милая?! интересуется жена.
- Да эт не тебе. Есть тут одна мудрая особа...
- Вот и целуйся со своей особой! бросает трубку жена.
- Кыр-а, кыр-а, кыр-а!!! комментирует ворона.
- Да, милая. Это тебе не горлиц мирить... вздыхаю я. И отправляюсь поливать дачные цветы. Хоть какая-то польза отменя.

Пожелание

…Не диво, что в награду мне за такие речи своих ног никто не кладет на плечи. И. Бродский

Пока душа трепещет в теле, пока рассвет теснит закат, пока совсем не одряхлели тела, что взяты напрокат, пока о нас клубятся сплетни, завистникам тараня слух, пока не прокричал последний, не клюнул жареный петух, драгие девы, не за речи (словам, увы, цена пятак) кладите ноги нам на плечи за ни за что, за просто так...

Елена МОРОЗОВА Донецк

КНИГА

Товорят, займёшь деньги, считай, потерял человека. А я подметила: стоит мне книгу свою кому подарить...

С Петром Никитичем мы раньше тепло раскланивались. Село у нас не маленькое, но только дворов девять соседей держат связь, с остальными уже как придётся.

-А что ты, Петр Никитич, молчишь про мои рассказы, избегаешь меня? Книгу дала прочитать, уже год прошёл! - застала я его как-то врасплох, шёл человек с торбой в руках в магазин.

Тот сделал правдивые глаза и сказал твёрдо:

Читал!

- Ну и? не отступала я.
- Умная книга. Ничего не понял! Нет, вот про рыбу понравилось, подольстил он.
 - И всё? нажимала я.
 - Я и жене дал почитать.
 - И что? Она тоже?
 - Да! Умная, говорит, книга, читать трудно.
- Ну и что же в ней трудного? обиделась я. Вампиры, ангелы, рисунки есть, шрифт крупный.

Петр Никитич переминался с ноги на ногу.

– A знаешь, Петя, кто не читает книг в старости, маразмом болеет, – применила я запрещённый приём.

Он сузил глаза. Но не сдавался. Я совсем расстроилась:

- Ладно. Неси книгу назад. Сосед сразу оживился:
- Тебе сейчас занести?

А может, подарить книгу соседке слева? Что-то зачастила через мой огород.

Евгений ЖАГАН Бохум

Дитя века? (или: К вопросу о многожёнстве)

Я – жил. И жизнь была... не полем брани, но... походила чем-то на футбол. Не превышая домогательств грани, я даже уважал прекрасный пол. Не знаю, как у двери – ада ль, рая, – но стоя – в тупике ли, на ветру, – и крупно понемножечку играя, я применял лишь честную игру.

Не обнимаясь бурно с первым встречным, я не переходил стремглав на ты, гоним стремленьем к близости извечным.

A... всё ловил прекрасные черты. ...Век не приемлет никакого риска.

Жить жаждет публика свободно и легко. Коль что-то вас затронет слишком близко, – заходит это слишком далеко.

Я вроде не юла иль непоседа (хоть позволяли это позвонки). Чудовищно толста стена соседа, а стенки сердца больно уж тонки.

Всех поражая скромностью отменной, став бдителен и чувствуя подвох, – я рад бы был дружить со всей Вселенной. Но близких женщин... хватит четырёх.

Менталитет: рецензия, или Языковой барьер

(ещё раз о проблеме перевода)

В оригинале Деррида за деревами - лес: двусмысленностей череда и остроумья блеск. Переводимость идиом с другого языка напоминает вывод в дом... фабричного гудка. Что говорить про каламбур! («Буренье – бур – бура»...) Едва ль его отыщет МУР в словах: мурло, мура... Как заявил Бернар Тапи: «Едва ли я пойму герасимовский утопизм тургеневской Муму». Плюя на опыт СССР, на Рим, Иерусалим, высок языковой барьер, едва преодолим. ...Когда беседует с тобой художник тет-а-тет, не даст ли - в переводе! - сбой -«его» – менталитет?

Дортмунд, 2001

Карьера, или Психиатр

А.Б. (и иже...) Я в госпиталь (не помню, чей) зашёл – в запомнившийся день тот, когда там не было врачей, а были только пациенты.

Да что – врачей!.. Ни медсестёр, ни – нянечек, и... ни «медбрата». Хлыщ «буйный», – «на язык остёр», – мешал мне выбраться обратно.

Но – вышел я, – преодолев сопротивление в прихожей. Я – на свободе! – вольный лев!

Где, впрочем... пациенты – тоже!

«Детектив»

(Шутка-загадка: посвящение ревнителям полной ясности в поэзии)

M.H., A.T., $T.\Gamma.$, $C.\Pi.$...

С моря дул замысловатый, но отъявленный норд-ост. Заложил я уши ватой: простудиться б не пришлось. Прямо в брошенной лодчонке без руля и без ветрил задирал твою юбчонку пьяный боцман-гамадрил. Но подробностей – не будет: забредя на огонёк (помогать ведь надо! – людям), я – обоим! – и помог...

Фая ЖАЙС Эссен

ШЛЯПА

Человек только воображает, что он беспредельно властвует над вещами.

Н. Тэффи

Она завладела моим вниманием еще до того, как я вошла в шляпный отдел.

По правде говоря, я зашла в этот магазин совсем за другими покупками и никоим образом не думала ни о каких шляпах. И вообще приверженность к аскетически-спортивному стилю в одежде предполагала для меня береты или облегченные шапочки. К тому же в последние годы в моем вкусе всегда доминировал зеленый цвет. А эта шляпа была аспидно-черная и почему-то с двумя козырьками, над одним из которых, как потом выяснилось – спереди, торчала какая-то загогулина наподобие лампы на шахтерской каске.

Честно сказать, лет десять назад я приобрела модную белую шляпу с полями, но так ни разу ее и не надела. И вот теперь эта черная Шляпа настойчиво требовала моего внимания.

Сначала я примерила несколько шляп своего любимого зелёного цвета.

Выглядела я в них, мягко говоря, никак и... наконец, подошла к ней.

Надев ее почему-то а-ля Бонапарт – с козырьками по бокам – я взглянула на себя в зеркало и расхохоталась. Я собралась было водрузить Шляпу на место, но подошедшая продавщица быстро повернула ее на моей голове так, что козырек с загогулиной оказался спереди, а другой, без ничего, сзади.

Снова повернувшись к зеркалу, я не сразу сообразила, что произошло. Там была совершенно другая женщина. Все поку-

пательницы вместе с продавщицей молча смотрели на меня. Потом раздался общий возглас восхищения.

Подбоченясь, Шляпа торжествовала свою победу.

Заплатив приличную сумму, я принесла ее домой, накрепко упаковала и поместила на шифоньер. Но не тут-то было. Не успела я толком поужинать, как Шляпа призвала меня к себе и потребовала показать вещи, с которыми ее будут носить.

Я достала вполне приличные когда-то перчатки со сломанным замочком на одной из них, длинное темно-зеленое пальто-букле, бывшее некогда предметом моей гордости, и черные полуботинки на низком каблуке не первой свежести.

Шляпа была в шоке. Прежде всего она решительно заявила о необходимости купить сапоги, за которыми я и отправилась на другой же день. Новые сапоги Шляпа одобрила и даже высказала предположение о существовании у меня приличного вкуса. Перчатки было решено отправить в ремонт. Перебрав все имеющиеся в наличии сумки, мы со Шляпой пришли к выводу, что надо купить новую.

Съёжившись от страха, я показала Шляпе пальто, заранее ужасаясь мысли, что придется заняться поисками другого. Так и есть, она презрительно молчала, по-хозяйски сидя у меня на голове. Явно испытывая неприязнь ко всему зеленому, Шляпа и в отношении пальто втайне, конечно, предполагала черный цвет. Но я была непреклонна, и она смирилась.

Шляпа забраковала все мои шарфы и платки, даже новый черный шарф с блестками, на который я особенно возлагала надежду. И мы с ней отправились покупать новый.

– Не жадничай при покупке, – назидательно «говорила» Шляпа перед выходом. – Смотри, я ведь натуральная, из прессованного кролика, такая вся прямо бархатная, – хвасталась она.

Перебрав добрую дюжину шарфов, мы выбрали наконец то, что понравилось Шляпе. Уже дома, когда мы опять стали примерять шарф, Шляпа вдруг спросила, что это за пучки волос торчат у меня на месте бровей.

– Да они же всю мою красоту портят! – фыркнула она.

Взяв косметику, я подрисовала и выпрямила брови. Согласно кивнув, Шляпа как бы между прочим намекнула на визажиста. Но, стрельнув взглядом из-под загогулины и прочитав нечто угрожающее в моих глазах, примирительно сказала:

– Ну-ну, это, конечно, можно сделать и позже, когда у тебя будет свободное время.

Успокоившись, мы подошли к окну. Там из-под снега уже начинала медленно пробиваться весна. Радостно тряхнув козырьками и обдав меня сладким теплом, Шляпа заговорщически шепнула:

– Вот увидишь! Мы с тобой будем совершенно неотразимы этой весной.

Татьяна **Ш**ВЛЕВА Эссен

Непредсказуемый календарь Северного Рейна-Вестфалии

* * *

ЯНВАРЬ ландшафт не опушает снегом, Он ранит Рейн простуженным дождём, Которым напрямую связан с небом... А мы – развязку дома подождём.

* * *

ФЕВРАЛЬ. Долгожданная оттепель! Сушу на балконе бельё. Сосулька подтаяла – вот тебе! – И сердце пронзила моё.

* * *

Звонят! – Но нет, не Марта, это – **МАРТ**! Непредсказуемый, как захмелевший бард: То солнечным аккордом прозвенит, То знак минора выведет в зенит.

* * *

АПРЕЛЬ – двоюродный мой брат, Твоих деревьев руки гибки. Смелее, брат! Здесь каждый рад Апрельской солнечной улыбке!

* * *

Светлый **МАЙ** – с серьгами вишен, С раскудрявой головой, Воспаривший выше крыши, От восторга сам не свой!

* * *

Середина золотая – Мой **ИЮНЬ**! Mein König! King! Я отцом тебя считаю – Я ведь твой Geburtstagskind¹.

* * *

Балкон. Забыт Ремарк на стуле, Цикорий на столе забыт... – Закат волшебного **ИЮЛЯ** Мой скромный украшает быт.

* * *

Тихий **АВГУСТ**, не грусти! Всё проходит, Августин... Всё исчезнет – без следа, Как во рту кусочек льда.

* * *

СЕНТЯБРЬ кареглазый – олень золотой! – Пленяет мой взор неземной красотой. Вестфалия-мать – Рейн и Рур через край, Твои сентябри – мой нордический рай.

 $^{^1}$ Geburtstagskind (нем.) – празднующий день рождения, именинник.

* * *

Учили нас не лгать ещё с пелёнок, И я на склоне жизни не солгу: ОКТЯБРЬ, я твой печальный октябрёнок С пятиконечной звёздочкой во лбу.

* * *

НОЯБРЬ... Листопада тиражи Унылыми заплатами пестреют... Пустеют дом и сад. Пустеет жизнь. И – точно в банке счёт – душа пустеет.

* * *

ДЕКАБРЬ зол, неистов, Он лют и нелюдим... Нет, мы не декабристы – Мы дома посидим. Приедут гости званы: Принц Будда – в сонмах грёз... И Мухаммед – с Кораном... И с Библией – Христос...

Евгений ОБУХОВ Дедовск

Родился 1 июня 1954 года под Москвой. В 1976 году окончил Московский пищевой институт, три года работал инженером. Служил в армии в Заполярье. С начала 1980-х годов — в журналистике. Был сотрудником районной газеты, редактором отдела в журнале «Филателия СССР» (затем «Филателия»). Около десяти лет — спецкор журнала «Крокодил». С 1999 по 2005 годы — зав. отделом юмора (четвёртый Главный администратор «Клуба 12 стульев») «Литературной газеты» (с перерывом на год — главный редактор журнала «Аншлаг»). С 2005 по 2019 годы — главный редактор журнала для коллекционеров «Филателия». Член Союза писателей России.

В юморе и сатире — с середины 1970-х. Автор дюжины личных сборников прозы и стихов, составитель и редактор полутора десятков коллективных сборников юмористической прозы, участник томов «Антологии сатиры и юмора XX века», двухтомной антологии «Книга любви», а также более сорока коллективных сборников сатиры и юмора. Автор полутора десятков книг по филателии, в том числе каталогов «Государственные знаки почтовой оплаты».

Лауреат премий «Литературной газеты» («Золотой телёнок»), «Крокодила», «Московского комсомольца» (годовые премии) и др. Лауреат и дипломант фестивалей «Ёрш» (Большой золотой Ёрш и Малый золотой Ёрш, звание «Глыба юмора»); дипломант фестиваля «Русский Гофман»; победитель, лауреат и дипломант фестивалей «Умный смех»; неоднократный дипломант фестиваля «Песня Булата» и др.

Живёт в подмосковном Дедовске.

РЫЖАЯ, С ВЕСНУШКАМИ...

1.

Ей всех на свете жалко.

Веснушки у неё покрывают щёки и нос не полностью, а лишь сверху до середины лица. Поэтому издалека кажется, будто это золотистая вуалетка. Персты у неё тонкие, нервные,

со странным кольцом в виде змейки, которая кусает себя за хвост. Кольцо день ото дня кочует с пальца на палец без всякой системы. На указательном и среднем оно сидит туго, а на мизинчике болтается, и потому его приходится страховать серебряным перстеньком с красным стёклышком. Он старинный, от бабушки. При царизме такие делали и продавали за копейки на ярмарках. Бабушку ей жалко – прожила всего девяносто семь лет. А могла бы все сто, кабы не случайная простуда...

Если нам куда-то надо, мы выходим на полчаса, а то и на час раньше. Потому что по пути она, задержавшись, ловит падающие осенние листья и бережно укладывает с ладони на газон:

- Бедненькие, падаете! Больно вам!

Не дай бог, где-то в сквере попадётся кошка. Тогда она остановится выяснять, куда несчастному, затюканному городской суетой животному надобно, и, оставив меня ждать, может перенести кошку по пешеходному переходу на ту сторону магистрали или, например, через большую лужу. А если кошка потом проявит недовольство – то и обратно на прежнее место.

Наличных денег я ей не доверяю. Никаких. Она любую сумму мгновенно раздаёт нищим. Особенно ей жалко тех нищих, которые явные мошенники и профессионалы своего дела:

– Горемычные... Вынуждены врать и прикидываться целый день. Ещё и на дожде с ветром...

Рестораны мы посещаем иногда, когда мне совсем встают поперёк горла её домашние исключительно вегетарианские блюда. Но выбираем только те заведения, где из колонок в уши бузует нечеловеческая музыка. Благодаря чему стенания моей рыжей с веснушками никому, кроме сидящего рядом меня, не услышать...

А в гости с ней ходить нельзя. Последним был юбилей Павла Петровича, моего начальника. Прелюдию торжества в виде массы закусок мы ещё как-то выдержали. Она лишь понуро сидела на своём стуле и негромко бурчала, катая вилкой по тарелке чудесных подкопчённых маринованных осьминогов, креветок и мидий:

– Несчастненькие... Поймали вас сетью... А ракушек обманули – они на морской ферме росли, росли, а их отскребли и повезли за миллион километров варить и продавать!..

Но потом, после всех здравиц и подарков, супруга юбиляра Алевтина Яковлевна, сияющая от гордости за совершённое кулинарное чудо, вынесла на подносе целого зажаренного поросёнка. Народ за столом ахнул, задвигал тарелками, набросился резать и кромсать.

А моя заговорила совсем печально и совсем громко:

– Миленький! Бедненький! Такой малепусечка розовый такой! Бегал за мамкой – хрю, хрю, хрю! А дядька небритый в вонючем фартуке пришёл, вколол тебе ножик прямо в сердечко – кровушка у тебя вся-вся вытекла, у маленького. Кричал небось. А мамка твоя из-за ограды смотрела и вся исплакалась...

В общем, в конце её монолога женщины из числа гостей употреблять поросенка категорически отказались, а мужики уныло подцепили на вилки по огурцу и набузырили себе полные фужеры водки...

Недели через две она подошла ко мне на кухне, потрепала ладошкой вихры, больно цепляя отдельные волоски своей золотой змейкой:

– Несчастненький мой! Обездоленный, горемычненький! Ждал, что тебя повысят, а начальник тебя не повысил! Бедный начальник Павел Петрович, у него столько забот и столько подчинённых!..

Ещё про что?.. А-а, про футбол. Была с моей стороны такая глупость – не хотел её в субботний день одну дома оставлять. Потому что по подъездам как раз ходят всякие субтильные субъекты в тёмных костюмах и галстуках и предлагают купить разное барахло... Ну, вы понимаете.

В общем, повёз её на стадион. Места оказались в самой гуще.

- Мы за кого? спросила она.
- -Конечно, за «Спартак»! Видишь, вокруг все в красно-белом.
- А те другие на поле кто, жёлтенькие?
- Это команда «Ростов».

- -Ау кого сейчас меньше очков?
- Ясный перец, у «Ростова» меньше...
- Бедненькие «Ростовы»! Всё проигрывают и проигрывают. Им тогда надо сегодня выиграть. Или лучше пусть ничья, чтоб никого не жалко...

На нас стали коситься с соседних рядов. А вскоре «Ростов» вдруг забил. Трибуны ахнули и обмерли. Лишь она одна в этой пустоте звонко захлопала в ладоши:

- Вот как хорошо-то! Теперь у них будет побольше очков!..

Со стадиона нас выводили, укрывая со всех сторон, несколько заботливых полицейских. А спартачи кидали вслед нам скомканные газеты, пластиковые стаканы и мокрые пакетики чая на ниточках и кричали:

- Мы вас запомнили! Мы вас найдём!

Я купил второй телевизор, чтобы впредь смотреть по нему футбол дома в то время, когда она в другой комнате рыдает над своими многосерийными мелодрамами.

Иногда она тихо подходит, садится мне на колени и, взяв за плечи, внимательно смотрит в глаза:

– Как ты думаешь, кто из нас первый умрёт?

Отвечаю без раздумий:

– Конечно, я. Ведь я же старше. И у меня уже болит коленка. Порой хочется вдобавок завопить: «И, кроме того, столько лет мучаюсь с тобой, а это ведь даже не как на войне год за три, а – год за пять!!!». Но я себя сдерживаю.

Её зеленоватые глаза становятся строгими и печальными:

- Нет, лучше я сперва. А то, если ты, мне станет тебя так жалко, что я погибну от жалости!
 - А так мне тебя будет жалко. Тоже плохо.
 - Что же делать? растерянно спрашивает она.
- Можно вместе, в один день, шучу я. Например, купим путёвку на старенький теплоход, и он вместе с нами напорется на айсберг в Рыбинском водохранилище...
 - Почему в Рыбинском?
 - Какая разница. Можно в Куйбышевском...

- Нельзя, уверенно решает она. Теплоходик жалко. И капитана. Его же накажут, если мы вместе потонем, а он выплывет... Ведь он выплывет?
 - Да выплывет, выплывет!

Я уже начинаю нервничать и перехожу на повышенные тона, сердито пытаясь снять её руки со своих плеч. Она изгибается, сопротивляется. И вдруг впивается своими губами мне в губы.

Я дёргаюсь, слабею и сдаюсь.

Уже в сумерках она выныривает из неги и дрёмы, улыбается, не открывая глаза, водит рукой по одеялу и, наткнувшись на моё ухо, принимается его мять и крутить.

Соседи бедолажечки, жалко соседей... Стенки вон какие тонкие...

Я дёргаю головой, пытаясь высвободить ухо, и принимаюсь хохотать.

2.

Меня всё-таки повысили. Но уже в другом учреждении на другой работе.

Туда от дома чуть дальше, чем на прежнее место. Приходится ездить на электричке, платформа от нас в паре кварталов.

Зимой и в сухую погоду я выхожу из дома в семь пятьдесят, чтобы попасть на нужную электричку восемь ноль семь утра.

А вот в дождь и сразу после дождя я выхожу на эту самую электричку минут за сорок, а то и за час.

Дождевые червяки выползают на асфальт, а обратно на газон попасть не могут, натыкаясь на каменные бордюры. В молодости я ездил на рыбалку и насаживал таких на крючок.

Но рыжая с веснушками где-то вычитала, что они из подотряда малощетинковых отряда напиотаксид и живут до десяти лет. И я их зауважал.

Утром по пути на платформу я собираю их с асфальта и переношу горстями на мягкую землю.

Были бы какие-нибудь щитомордые, не так бы жалко. А то ведь просто «щетинковые», да вдобавок ещё и – «мало». Бедненькие!

3.

Про дождевых червяков я ей не рассказываю. Пусть у меня от неё будет хоть одна тайна.

Markape Ja

Здравствуйте! Вы пишете стихи или прозу? Проходите! Мы вам — виртуальную чашечку кофе, вы нам — свое реальное стихо-или прозотворение.

Здравствуйте! Вы любите стихи или прозу? Проходите! Мы вам — виртуальную чашечку кофе, реальные стихи и рассказы, вы нам — ваше доброжелательное внимание: ведь авторы, даже очень самоуверенные с виду, всегда волнуются...

Согласно Уставу, в кафе каждый раз будут приглашаться всё новые и новые авторы. Прежним остаётся только место встречи. Его, как мы помним, изменить нельзя.

Добро пожаловать!

Сегодня у нас в гостях участники «Международного конкурса «Гомер», организованного осенью 2019 года на Крите в рамках Международного творческого фестиваля «Визит к Музам».

Анатолий **ЖЕРШИНСКИЙ** Россия

Дипломант Международного творческого конкурса «Гомер 2019».

Восемь витков путеводной нити

1. В уходящем свете

Коридор за коридором – не видать конца пути. Круг за кругом – на котором выход я смогу найти? Кто пошлёт проводника мне? Чья незримая рука начертает знак на камне, выводя из тупика?

Вижу ход; не знаю, что там: я давно к тому привык, что за новым поворотом новый кроется тупик. Упуская суть событий, в уходящем свете дня как свяжу обрывки нитей, обронённых до меня?

Злопыхатели, остыньте, мы же с вами не враги: вы в таком же лабиринте нарезаете круги. Кто-то чает пущих выгод, кто-то бедами гоним. Лабиринт откроет выход. Надо лишь взлететь над ним.

2. Терапия

Уши промою водою морской. Сколько же было усвоено дряни ими за долгие годы ныряний в тихие омуты жизни мирской!

Чувствовать, как прозябает лоза, как небеса содрогаются глухо, – мало для этого тонкости слуха. Спелой росой уврачую глаза.

Ночью беззвёздной не видно ни зги, словно зашиты суровою нитью веки. Иду наугад, по наитью... Зельем сомнений прочищу мозги.

3. Явление зверя

Соберите листья лавра для почётного венка: победитель Минотавра – эта слава на века!.. Минотавр, искусный воин, гордый баловень молвы, был доспеха удостоен в виде бычьей головы.

Заслонив лицо личиной, критский ратник-старожил со свирепостью бычиной чужеземцев потрошил. Вулканические бомбы меньший вызвали б урон. От возмездья в катакомбы зверь бежал, но был сражён...

В героических поэмах ждёт конец исчадий тьмы. Въявь – громил в рогатых шлемах урезонивали мы. Подыщите ствол осины, подходящий для кола, и проткните труп звериный, чтобы тварь не ожила!

4. Социум

Путного сделать не может никто в одиночку. Ежели в том сомневаешься, лично попробуй сына без пары на свет произвесть или дочку. Мы изначально приязнью сильны, а не злобой.

Выследив зверя и выкрикнув первое слово, став пастухом, землепашцем, жнецом, дровосеком, лишь перед явленным ликом Отца Всеблагого умный двуногий себя осознал Человеком.

Космосу кажется жизнь микрокосма мгновенной. Звёзд не видать, коль своим ослеплён молодечеством. Только лишь перед лицом необъятной Вселенной люди Земли осознают себя Человечеством.

5. Тревога

Вдруг припомнил эту фразу – в соцсети свою же запись: «Человек разумный – с глазу на глаз с миром – хомо саспенс».

По-английски suspense – это напряжённость ожиданья. То ли счастья – вспышки света. То ли схода тьмы – страданья.

Ну а русская тревога – не найти пути прямого, ведь расшатана тренога у топографа хромого...

6. Вместе

За праздник лыжню раскатали до блеска. Я обок по снежной иду целине. Моя колея на краю перелеска – как шов на белёном льняном полотне.

А спутница следует прямо за мною. Мы вместе – без малого сорок годков, но вышли кататься лишь этой зимою и кружим поодаль от скользких катков.

Насмешливый лыжник проносится мимо. За колкое слово его не виню, ведь он же не знает, что я для любимой в январском снегу пробиваю лыжню.

7. Права

Не на Крите, не под Кноссом пролегает Лабиринт, а вот здесь, над самым носом, в тканях, скомканных, как бинт.

Может, эта вязь извилин – отражение путей, троп, которыми обилен суматошный мир людей?

Словно солнышко в зените, горделива голова, но распутать эти нити лишь у сердца есть права.

8. Капля

Quod licet Jovi, non licet bovi.

Грустно быть затерянной в дожде каплей, обречённой на забвение. Вот бы удержать судьбу в узде, вымарать – ни более ни менее – символ смерти в коде естества, будто дореформенную литеру. Но не зря пословица жива – вспомним: «Что позволено Юпитеру, то не позволяется быку». Времени пожизненная пленница, капля, пав, себя отдаст ростку – и судьба Вселенной переменится...

Жиктория **ПЕВИНА** Израиль

Дипломант Международного творческого конкурса «Гомер 2019».

Тель-Авивская соната

Я – в Тель-Авив! Прости мне эту блажь! Обожжены жарою выше меры, Сидеть в берлоге с кондиционером И пить послеобеденный купаж -Не лучше ли, чем ехать в Тель-Авив В свой выходной, под солнцем плавя шины В разгар невыносимого хамсина, Рюкзак с водой в дорогу прихватив? Но Тель-Авив, особенно дневной, С домами тесными, «периода мандата», И с Яффским портом, встроенным когда-то В легенду Андромеды, – якорь мой! К театрам первым, в тень библиотек, К домам, где родилась литература, – Не ради развлекательного тура Стремились поселенцы. Новый век Влетал в окно, топорщил парус штор, Рождал иврита перепев гортанный Под плеск и говор моря неустанный И – розой полз на каменный забор! В твоих аптеках, барах, кабачках Жила душа хмельного Тель-Авива, Что похотью «марсельскою» кружила Во взглядах проституток и в стихах... Там, вдалеке, бурлит высотный центр – Гламур, богатство, биржи и алмазы, А здесь – на эмигрантскую заразу Заплачен шекель и отпущен цент...

Давай закажем ледяной абсент К обеду с припортовою барбуньей, Оставим tips¹ бармену и певунье За ягодиц вихляющий акцент. А темнокожий шумный эмигрант Уже собой заполнил переулки И продает фалафели и булки, И кажет на там-таме свой талант. Прощай, мой Тель-Авив! Закончен день. Звучит во мне рыбацкая соната. И пахнет розой, что цвела когда-то, К старинной башне прислонивши тень.

У меня межсезонье...

У меня межсезонье. Как птица, навигацией снятая с мест, мое сердце в пределы стремится опрокинутой чаши небес!

Опрокинуты воля и мысли – все лететь бы куда-то, лететь... И не важно, что тучи нависли, и не страшно в грозу умереть!

Я, как птица – приказана лёту, как рожденью приказана смерть. Безраздельно присвоена квота мне куда-то стремиться и – сметь!

У меня межсезонье. Трепещут руки-крылья, предчувствуя высь. И зазывными далями блещут расстояния. Сердце, уймись!

¹ Tips (англ.) – чаевые.

Полупустыня

Не каждому по нраву эта стынь, Дневному жару в пару – холод ночи. И марсианским таинством морочит Меня полупокой полупустынь, Которые – то холод, то теплынь, То яркий свет, то темное пятно На склонах гор, что с ночью заодно.

Я примеряла жизнь, на перевал Взбираясь бодро, по судьбе катила По серпантину, красные картины Полуденный мираж мне рисовал. Окружность солнца плющило в овал. Вдали сверкало море, но порой Мешали горы разглядеть прибой.

Так, полумерой, в профиль и анфас, Моя полупустыня ворожила. А плазмы солнца золотая жила Жгла куст последний – тот, что про запас Зверью и птице в самый жаркий час. Его полузавявших листьев сок Пьет тот, кто от безводья изнемог.

Я видела, как яростно цветет Апрельский склон, как пьяно пляшут змеи, На теплый камень возложив камеи Чешуек изумрудных. В месяц тот Живет ручей – часы наперечет. Затем – жара, и кажется – навек! Растресканы до крови русла рек.

Пейла ФЕГИМ Чехия

Участница Международного творческого конкурса «Гомер 2019».

* * *

Не обессудь беснующийся день, Безликий август, ускользнувший вором, бессонной ночи под глазами тень, И месяц – медяком, блеснувшим в море, Морящий стих и хрупкое «прощай», Штормящую безбрежность под крылами, Пылавших губ безмерную печаль, Всё то, что вспыхнув, стихло вместе с нами...

* * *

Бродячий театр ночью в старой Праге. На Староместской дремлет фаэтон. В нём режиссер, артист – герои саги Читают роль, а город видит сон. Всё повторяют сцену давней драмы – И падает признаний первый снег, Под светом тая на губах стихами, Как тишины звенящий саундтрек... И знают: впереди их ждёт потеря, Разлука затрубит в свой верный рог. Но наш артист во встречу свято верит, И роль свою он не играть не мог. Хоть зрителями были – только Бог Да осень, опустившая портьеры.

* * *

Незваной гостьей осень забрела... И вечер негодует в непогоду... То ль Богу, то ли дьяволу угодно, Что мысль уже не слово, а стрела...

И реет недосказанное... Свет Неспешно разливается в бокалы... Горчит июльской осени шербет – Не выпитый за встречи и закаты...

* * *

Шорох крадущейся ночи, Шелест листвы за окном, Шарканье памятных строчек, Шаг ускоряющих днём.

Шрифт моросящего утра, Шум ещё сонных машин, «Шшшш» – так и слышится всюду... Шепчет не осень, а жизнь.

* * *

Пока судьба раскидывает карты и звёзды шепчут кроткие стихи, ступаю я по млечному канату, над городом раскачиваясь, и тяну ладонь к мерцающей Венере, вдыхаю запах осени сырой и пью глотками ночь, которой верю, лишь ей вверяя голос тихий свой.

* * *

Похолодало и дождит весь день,
Зонты пестрят напротив на вокзале,
Их купола напомнили сирень,
Соцветия которой увядали
Под знойным солнцем и от жажды жить,
От межсезонья майского и, знаешь,
Я даже в этом вижу встречи нить
И открываю окна в спальне настежь –
Пусть снова наблюдаю я одна,
Как солнце скрылось в серой альмавиве,
И одиночество твоё кляну ревниво,
Хотя не в нём, а в осени вина...

* * *

В сонливой паутине миража Сквозное время, в нем возня людская. Сплошное мельтешение дождя – Так, словно бесконечность расплескала И впрыснула живительный поток В гортань земли под песнь Аллилуйи... А на щеках смертельный холодок – Предательских прощаний поцелуи...

* * *

Мне приснится когда-нибудь остров штормящего моря, Где песок обжигает ладони, впитавшие соль, Там, где в шрамах камней – лабиринты и счастья, и горя, Горизонт – золотой, но горчит молодое вино... Я услышу ту песнь – колыбельную вечного ветра, Вереницы стихов, хороводы античных гетер, И как пахнут дождями грехи Ипполита и Федры, Как о нас Одиссею слагает оживший Гомер...

Анна МАМАЕНКО Россия

Участница Международного творческого конкурса «Гомер 2019».

* * *

Поэт, воспевающий дерево, пишет карандашом, пока его совесть качается в петле сигаретного дыма... Он мечется в поисках выхода, думая, что вошёл. А сам до того задумался, что просто протопал мимо.

Он тридцать три года с лишним сидел на своей печи, не замечая, как ветер под ним раздувает пламя... И даже среди пожарища он повторял: «Молчи! Ибо, всё, что ни делается – делается не с нами».

При каждом удобном случае ему объясняют жизнь, и применяют санкции, и принимают меры... А для него без разницы – что кома, что коммунизм, лишь бы в пивную очередь пристроиться самым первым.

Он спит, когда вдохновение просится на постой. Он ни во что не вмешивается, не думает, не гадает. Он счастлив, что ружья мира его обошли стороной, не зная – в последнем акте и карандаш стреляет...

* * *

Ночь – паучиное время. Ящеричный июнь. Лунная падалица раскатится по траве. Выйди в чистое поле, перекрестись да сплюнь. И поклонись корням – ворону да сове.

Встань на траву примятую, молча прими рассвет. Долго ли, коротко, путь катится из-под ног. Вышел на край земли, а там ни рожна нет. Только дуб на цепи круглый мотает срок.

Вот тебе трын-трава, перекати-район. Душу свою усмири, да подальше упрячь. Здесь, где в ночи полёг наших теней батальон, если сумеешь – пой, если не можешь – плачь.

Прошлого не вернуть, хоть головой об стол. Ежели на себя с рогатиной не ходил, Сирином не запел, папоротником не цвел, и ни одной, дурак, сказки не сочинил.

Полно искать концы, где и начала нет. Завтра тебя убьют или же пощадят. Вороново молоко твой заполняет след. Испившие из него сказками говорят.

Большой

Я ушиблена солнцем, упавшим на мою кудлатую голову. Бестолково на перекрёстках смеюсь по любому поводу. А вокруг щебечет весна, чирикают зайцы трамвайные. Я люблю, когда всё – запущено, всё - не по правилам. Мой приятель вышел из дома вверх ногами, без головного убора. Он держит в руке хвост осла и пишет «мир» на заборах. А следом – мраморный дог с поводком в мраморных лапах, не даёт ему убежать, смыться в сиреневый запах. От щебета разных птиц вокруг становится тесно. Мой приятель срывается с привязи и всё ему интересно. А следом идёт Большой с большим ведром белой краски. Он закрашивает слово «мир» и из книг выдирает сказки.

ВСТРЕЧА НА ОКРАИНЕ МИРОВ

...Юный Единорог, прикрыв мягкими пушистыми ресницами голубые добрые глаза, нюхает Розу Ветров, растущую на каменистой пустынной планете на отшибе Вселенной. Он тихонько дует на ее грозные лепестки и улыбается влажными глазами. «Почему ты такая колючая? Протяни мне руку, погладь по белоснежной шелковистой доверчивой голове. Я потерплю, не бойся. Я залижу раны и другом стану твоим или кровным братиком младшим. Буду тебя защищать от хвастливых комет, дочерей Пустоты многоликой. Хочешь – я навсегда останусь с тобой, прекрасная незнакомка. Забуду о странствиях, о Млечном далеком пути и лунных тропинках, где в серебристых ручьях пляшут ящерицы и ангелы вьют на деревьях светлые гнезда. Мы будем вместе смотреть на закат, когда бесконечность дрожит от взмахов невидимых крыльев и звезды из гнезд выпадают одна за другой. Я смогу приносить тебе их осколки, чтобы ты любовалась своей красотой, Безымянному ведомой только...»

Роза головку склонила. Солнечные ветра шелестели печально, тревожно и просто. Единорога язык был ей неведом. Короткий и верный удар гордых надменных шипов. Кровь на камнях. Удивленье и нежность во влажном тускнеющем взоре.

Роза Ветров по-прежнему смотрит туда, откуда приходят кометы. Теперь ей не страшно, с новым шипом на груди. Только взгляд, окаменелый и нежный, все не дает ей покоя. Зачем приходил он?.. Откуда?.. Падая, звезды молчат.

Фоберт **Ж**УР Карлсруэ

Родился в 1963 году в Ленинграде. Окончил Челябинский государственный институт физической культуры в 1984. Первую свою песню написал в 1981 г. В 1987-90 гг. участвовал в концертах «Студии камерной авторской песни» вместе с А. Деревягиным, Н. Якимовым, М. Митяевой. Место работы — Дом Детского Творчества «Остров». Руководил юношеским клубом, водил детей в горы, в патриотические, экологические и др. экспедиции местного и международного уровня, организовывал с детьми юношеские фестивали авторской песни. Песни пишет с 1981. Лауреат Ильменского фестиваля (1987), победитель конкурса среди лауреатов Ильменского фестиваля (2009), дипломант Грушинского фестиваля (1987). Увлечения: горные лыжи (инструктор международной категории); альпинизм; горы; лес; музыка; гитара и всякие экзотические инструменты. Уверен, что музыка способна реально влиять на окружающий мир.

Лесенка

Анне Л.

Мне привычно с утра заниматься Мира нашего реанимацией... Начинаю с себя – пою песенку, Словно ставлю небесную лесенку, И карабкаюсь вверх, там за тучками Вдруг появится тоненький лучик...

Я, прищурясь, ловлю его в сеточку И посылочкой шлю тебе весточку; Лучик нежно к тебе прикоснется, И улыбка, быть может, проснётся На губах твоих, чуть уловимо Ты прошепчешь во сне: «Мой любимый...»

Мне привычно с утра заниматься Мира нашего реанимацией.

Ночная песенка

Эта летняя ночь, Тёплый ветер далёкой звезды, О нездешней любви Незнакомая песня сверчка... Как он днём одинок С этой песенкой тихой своей, В суете городской Эта песенка еле слышна.

Но, дождавшись ночи,
Он поёт её дальней звезде;
О нелёгкой любви
Он стрекочет всю ночь напролёт...
Между ними иду,
Звёздный ветер ласкает лицо,
Одинокая песенка
Старой загадкой зовёт.

Эта летняя ночь, Незнакомая песня сверчка, О нездешней любви Тёплый ветер далёкой звезды...

Песенка Домовому

Домовой наш, Домовой, Думай, думай головой, Чтобы домом стал нам дом, Чтоб повеяло теплом.

Чтоб в камине был огонь, Чтоб печальный чёрный конь Обошёл нас стороной, Думай, думай, Домовой.

Чтобы звёзды различать, Чтобы слёзы замечать, Чтоб спокойно засыпать, Чтобы соль не рассыпать.

Чтоб голодных накормить, Можно каши наварить; Чтоб заговорил немой, Что нам сделать, Домовой?

Чтоб глаза открыл слепой, Чтоб прислушался глухой, Что нам делать, Домовой, Думай, думай головой.

Чтобы петь и чтоб молчать, Чтобы шёпот различать, Чтобы слышать ветра вой, Что нам делать, Домовой?

Домовой наш, Домовой, Думай, думай головой.

Посвящение фламенко

Пена морская, Губы солёные, Ветры горячие В танце твоём. Веки прикрытые, Отблески пламени, Крылья незримые В танце твоём.

Топот быков, Острие бандерильи, Солнце кровавое В танце твоём. Сны о потерянном, Сны о несбыточном, Вой над равниною – Песня твоя.

Ночь под каштанами, Губы горячие, Руки любимого В танце твоём. Сердце влюблённое, Сталь леденящая, Плач над могилою – Песня твоя.

Бубен серебряный В ночь полнолуния – Сердце над бездною – Песня твоя. Пальцы надрывные, Струны жестокие, Песня неспетая В танце твоём.

Наивная песенка

Сыну

Все, что не любовь, из нашей жизни Вычищаем без суда и следствия, Остаются птицы и дельфины, Остаётся музыка и детство.

Мы оставим ножик перочинный И кораблик из коры сосновой С парусом – осиновым листочком Для большого плаванья построим.

Этот парус – листик в форме сердца, Трепетное сердце над кормою Будет чутко слушать голос ветра, И ветра подхватят нас с тобою,

Унесут в объятья океана, Мы услышим, как поют дельфины, Будут звезды вечные под нами, Будем мы, счастливые, над ними.

И однажды в этом звездном танце Я останусь, а твоя забота – Выстрогать ещё один кораблик И отправить в плаванье кого-то,

Всё, что не любовь, из нашей жизни Выгнать прочь, не глядя на последствия, Чтоб остались птицы и дельфины, Чтоб осталась музыка и детство...

20.01.2019

Фламинго

Фламинго, Откуда ты здесь, В этом северном небе, Фламинго... Нездешняя птица с печалью заката на крыльях.

Фламинго
Вечерней порою
Покинула стаю, Фламинго,
Искать в этой лунной пустыне пропавшее Солнце
И розовый след проложить от заката к рассвету.

И ветер холодный Ласкает горячие крылья Фламинго, И тонкая шея не выдержит тяжести ночи, И Солнца не видно, и к стае не будет возврата.

Фламинго, Откуда ты здесь, В этом северном небе, Фламинго... Нездешняя птица с печалью заката на крыльях.

Стрижи

Серпокрылые стрижи за окном Что-то пишут для меня в синеве, Что-то радостно свистят с высоты, Сообщить пытаются мне Что-то важное – что Солнце взошло, Что прозрачен воздух и чист, Что ещё один на Земле Начат день и перевёрнутый лист Ждёт узора, танца, строки, Взгляда, звука, пения пчёл, Нежного касанья руки, Слова, что ещё не прочёл В этой книге, потому что она Не написана ещё, на листе Белоснежном, почти голубом, Что-то вижу, и чудятся мне

Серпокрылые стрижи за окном. Что-то пишут для меня в синеве, Что-то радостно свистят с высоты, Сообщить пытаются мне Что-то важное – что Солнце взошло, Что прозрачен воздух и чист, Что ещё один на Земле Начат день и перевёрнутый лист Ждёт узора, танца, строки, Взгляда, звука, пения пчёл, Нежного касанья руки, Слова, что ещё не прочёл В этой книге, потому что она Не написана ещё, на листе Белоснежном, почти голубом, Что-то вижу, и чудятся мне

Серпокрылые стрижи за окном...

Лена **Ж**УПРИЯНОВА Штутгарт

Стихи и песни

Октябрьские зарисовки

Брожу по этим сказочным местам. Встревоженный, чуть скрипнет под подошвой Зачем-то притворившийся ладошкой Ажур изжёлто-красного листа.

Вдыхаю подрумяненный слегка Октябрьским солнцем горьковатый воздух, Как детства пью колодезную воду До самого последнего глотка...

О, сколько будет в жизни октябрей? Загадывать нелепо и не стоит... Пусть усмехнётся крепко-мудрый стоик, Любитель чётких схем-календарей.

Кленовую «ладошку» подержу. Прекрасное мгновение единства, В котором и любовь, и материнство... Жаль, осень поспешает к рубежу.

Зимний-презимний вальс

Так, музыкально – так, Манна кружила небесная. Пам – паба – пам – пам – пааа ... Белых мгновений звон. Сердце забилось в такт, Шубка вдруг стала тесною, Мне бы теперь Петипа Хоть на один сезон.

Мне б на пуанты встать, Ножку о ножку – и с легкостью (Пам – паба – пам – пам – пааа) Быстро порхать, как снег. Чудо-секрет достать, Как пролететь над пропастью, Где завивается пар, Где исчезает свет.

Зимний-презимний вальс Ночь поглотила тёмная. Пам – паба – пам – пам – пааа – Вот и окончен бал. Манны иссяк запас, И над землёю сонною, Выполнив сложные па (пам-па), Выплыл луны овал...

Утопия накануне Нового года

Да, утопических сюжетов На этом свете много так. Шедевр запишет на манжете Поэт-чудак.

В окно мое стучится ветка, Очередной даря сюжет. Есть под рукой моей салфетка, Манжета нет.

Стащил салфетку кот-проныра, Так быстро в клочья разорвал, Что мой сюжет спасенья мира, Увы, пропал!

Возможно, обращусь к гадалке, Пусть растолкует этот мем: Мы ёлки превращаем в палки... Ну и зачем?

По снежным следам возвратиться к истоку

По снежным следам возвратиться к истоку, Морозною пылью дышать. Казалось, что толку, Что толку, что толку – Хрустальной ледышкой душа.

Казалось, что ей никогда не согреться, Не хватит в подвалах вина. Лишь ласка, как в детстве, Как в детстве, как в детстве, Пробудит её ото сна.

И та, что неслышно в мечтах прикасалась, Вернётся, обиды забыв. Какая же малость, Великая малость – Молчания тёплый мотив. Вдруг сердце, оттаяв, уронит слезинки (Как в сказке прочтёте любой). Той ниткой, что тоньше лесной паутинки, Две жизни сшивает любовь.

* * *

Я ныряю в постель, словно в воду, Льнёт волною морской простыня, Что усталому телу в угоду Дарит тихо покой и свободу От шальной дискомфортности дня.

В мире том, где царит невесомость, Где фантазий причудливых сонм, Вне пространства, времён и сезонов, Жизнь течёт по особым законам, Что диктует сегодняшний сон.

А когда сон меня отпускает, Снизу вверх выплываю на свет, Остаётся печаль ли, тоска ли По теням, что меня отыскали, И на влажной подушке их след.

Исповедь парикмахерши

(шуточная)

Ви не толкайте мене, Гирш, на авантюру, Я даже очень предостойная девица. Предпочитаю рыбу жарить во фритюре, С гефилте-фиш мне просто некогда возиться.

Ви не толкайте мене, Гирш, на энто дело, Я не желаю с вашей мамой породниться! Ведь у кого когда чего и подгорело, Она же будет только жутко веселиться.

Ой, не пытайте вы меня за этих поцев, Конечно, ходют на поправить свои пейсы. Ну я имею им чего-нибудь покоцать, И мои ножницы сами выводят песни.

Ну да, вы, Гирш, мужчина очень уж солидный, И даже свадьбы подготовили вы дату? Не вышли ростом? Да, немножечко обидно, Исправит дело бриллиант на три каратов.

Учтите, Гирш, я – предостойная девица, И вообще большой я спец на маникюре. А если съедем мы от мамы – за границу, Для вас – форшмак, и секс, и латкес во фритюре!

Марина ФЕЛОЦЕРКОВСКАЯ Дюссельдорф

Из цикла «Игрушки»

1. Бумажные кораблики

Когда произошло это – неважно. Десятка два корабликов бумажных Затеяли регату на часок. Они себя считали кораблями И бредили бескрайними морями – Так что им там какой-то ручеёк!

Всех обогнал и вышел на стремнину Кораблик под названьем «Бригантина» – Оснастку он удачную имел. И корабли ему «Ура!» кричали, А за спиной завистливо ворчали. Но наш кораблик к финишу летел.

Не дотянул до финиша бедняга – Не выдержала скорости бумага. Он «SOS!» тревожно слал на корабли. И корабли его не обминули – Кильватерной струёю захлестнули, А задние по клотику прошли.

Бумажный такелаж – стальные нервы! Недавнишний второй теперь стал первым И смелости ему не занимать! Несётся он вперёд по водной глади, Плевать хотел на пересуды сзади. Но, кажется, он начал подмокать...

2. Петрушка

В королевстве тридевятом Очень сильном и богатом, Что прославилось когда-то Непочтеньем к мудрецам, Жил да был один Петрушка – Очень славная игрушка. С колпаком и погремушкой Он шатался по дворам.

О тупицах в аксельбантах, О министрах-диверсантах, О поэтах без таланта Он куплеты сочинял. Пел их в замках и притонах, Был объявлен вне закона, Но народ, в него влюблённый, От петли его спасал.

Грыз король свою подушку: «Это вовсе не игрушки! Надо бы убрать Петрушку, А не то нам всем конец!» И тогда министр Совета Закричал: «Так просто ж это!» И опального поэта Пригласили во дворец.

Обласкали, накормили И шарманку подарили, И куплеты разрешили Принародно исполнять. Ликовало королевство: «Разрешили наконец-то!»

А король шептал:
 «Вот средство
Непокорных усмирять!»

И вошел Петрушка в моду, Под шарманку пишет оды, Ездит отдыхать на воды И представлен ко двору... А в лачугах и в избушках Ждут и дети, и старушки – Может, снова погремушка Где-то звякнет поутру?..

1987

3. Калейдоскоп

Жил калейдоскоп на свете – Всем известный фантазёр. Он умел на радость детям Смастерить любой узор. Изумрудный цвет травы, Цвет небесной синевы, Ярко-алый цвет зари, Цвет метели, цвет земли – Всё в себя по мере сил Наш калейдоскоп вместил.

Но сказали в худсовете, Повертев его в руках: «Это ясно даже детям – Вы напутали в цветах. Чёрный цвет – пессимистично, Белый – слишком романтично, Изумрудный цвет – банально, Голубой – сентиментально, Красный очень режет глаз. А вот серый – в самый раз!»

И решив, мол, служба службой, За приказ приняв совет, Наш калейдоскоп послушно Всё покрасил в серый цвет. Стала серою трава, Стала серой синева, Стали серыми улыбки, Стали серыми ошибки... Но остался мир цветным: Жёлтым, красным, голубым. Не погасли краски вдруг – Алы розы, зелен луг, Сине море, чёрен хлеб... Жаль, калейдоскоп ослеп!

1987

Ностальгия

Нет и не было фанфар, труб, Заглушить струну могли чтоб. Не кривлю в презреньи я губ И, конечно, не спешу в гроб. Просто хочется о том петь, Как бежит волна в венке брызг, Но сфальшивила струны медь, И разбились зеркала вдрызг.

Мы не резали на лук тис, К нам спускался синих звёзд рой, Приходили корабли в Лисс, Приводил их юный Битт-Бой, И летал над морем день-мяч... Но надежда вдруг дала течь, И пожрал огонь леса мачт, И дотла спалил страну мечт.

Я не верю в этот злой сон, Я отдам надежде блеск звёзд, И гитара чистый даст тон, И хрустальный зазвенит мост. Ну и пусть Гель-Гью вообще нет, И умчалась Фрези Грант вдаль! Мы зажжём еще мечты свет. Только время не вернуть. Жаль.

Кошка

Вот и кончились дрова и уголь, Сквозняки продули тёплый угол, Надоела будней маета. Не согреть ни душу, ни ладошки – Видно вышла дальняя дорожка, Потому что всё-таки я – кошка От ушей до кончика хвоста.

Неуютно мне в холодном доме, Где в камине ничего нет, кроме Нашего сгоревшего моста. Опрокинулось мое лукошко, Ухожу совсем, не понарошку, Потому что всё-таки я – кошка От ушей до кончика хвоста.

Грустно дождик шлёпает по крышам. Обо мне ты больше не услышишь – Видно ты – не тот, и я – не та! Зазвенит разбитое окошко. Не звони в ноль-два и неотложку И запомни: всё-таки я – кошка От ушей до кончика хвоста!

Ф Зал переводчика \$

Павел ШАДУР (1913 – 1999)

Иван Драч (с украинского)

Балада о ведре

Я-форма.

А суть во мне – спелые вишни, Матово пыльные, пьяные ядра, Зарёй запивавшие летние ливни, Лежат, пламенея багрово и яро.

Я - форма из цинка.

А суть во мне – груши. Соперницы солнца, светильники сада, Республики соков заблудшие души, На землю упавшие в ночь грушепада.

Я - срезанный конус.

А суть переменна. Она – то, что входит в меня то и дело: Дыни-дубовки,

лучики хрена, Ботвы буряковой зелёное тело. Я - форма.

А суть создаётся не мною. Зивисит она от потребностей быта. Когда ж я свободно,

когда я пустое,

Я небом

до самого края налито.

Антонина Цвид

(с украинского)

* * *

Любимый Вы,

любимый, но не мой.

Не Ваша я любимая.

Не доля.

И нам страдать от близости довольно – Уста мои сковало

немотой.

Я обниму обугленный каштан, Мы оба тленны,

оба без защиты,

Нетающим снежком виски покрыты,

Что с заморозков новых

нарастал.

•••••

А я была криницей ледяной, Несущей воды чистые согласья. Ты мною плыл.

Ты был со мной, Пока не обломал крыло о счастье.

Георгий Кайтуков

(с осетинского)

Джавское ущелье

Я бросил писать, о дороге мечтая,

О Джавском ущелье,

Где ветры шумят и орлы пролетают.

И вот я у цели.

Вон дуб, как чабан над овечьей отарой.

Немного в сторонке

Смешные березки разбились на пары,

Шумят, как девчонки.

Лесные народы на пир меня просят.

Я вырезал посох.

И вот я брожу от селения сосен

К селенью березок.

Дорога вначале казалась короче

И легче казалась.

«Пей воду мою, – говорит мне источник, –

Исчезнет усталость».

И мне показалось, что стал я моложе

Среди великанов.

Из мягкой травы мне готовили ложе

Лесные поляны.

Сегодня я сплю на зеленой постели,

Под звездною ширью.

Мне рады деревья. Я в Джавском ущелье,

Я в сказочном мире.

Жанох ФАШЕВСКИЙ Иерусалим

Фредерико Гарсия Лорка

Неверная жена

(с испанского)

Увёл я её к потоку, и, ей поверив на слово, решил, что она – девица, а был я с женой другого.

Случилось то наважденье под ночь Сантьяго, в июле, и лишь фонари погасли, вокруг светляки блеснули. Дремавшие груди тронул я возле межи, в туманах, и страстно они раскрылись, как два гиацинта пряных. Её крахмальные юбки, дразня мой слух, трепетали, как шёлк под змеиным блеском ножей из калёной стали. Сдвигали кроны деревья, луну в свой круг не пуская, и нёс горизонт заречный тревожное эхо лая.

Где видит сны ежевика, где льнут тростники к обрыву, смешал я с песком и глиной волос её жгучих гриву.

Я галстук сорвал нарядный она на платье с корсетом четыре скинула юбки, а я – ремень с пистолетом. Как перламутр её кожа была, тубероз нежнее; так свет не сияет лунный, хрустальную россыпь сея. А бёдра бились, как рыбы попавшие в сеть беспечно; то знойным пылали жаром, то стыли прохладой млечной. И звёздной ночной дорогой, прекрасней которой нету, без шпор и узды скакал я до первых лучей рассвета.

Я вёл себя с ней достойно, ведь красит гордость мужчину. Следы моих поцелуев она унесла – и тину. И я не скажу, какие слова с её губ слетали; как лезвия, стебли лилий речной туман рассекали.

Совсем не под стать цыгану рассудок терять от страсти; я ей подарил шкатулку, браслет надел на запястье. Но я в неё не влюбился, не стал с ней встречаться снова – напрасно в ту ночь я верил лукавой жене другого.

Жадя ДНТОН Бохум

Татьяна Ивлева

Птица на стекле

Сыну Рудольфу

 ${
m B}$ день рождения сына мо́ю о́кна – до́чиста, чисто-пречисто,

Чтобы стёкла прониклись

надежды светом лучистым,

Чтобы в них, как в зеркало,

гляделось Вестфалии редкое солнце – Предпочитает оно широкий формат окна,

а не овчинку оконца.

Вот, на прозрачном экране

жизнь разноцветно струится,

Мчатся, фыркая, автомобили,

пестреют рекламы, лица.

В парке напротив резвятся зайцы,

мелькая хвостами,

Бродят собаки и голуби,

курят гашиш бомжи под кустами.

В небе ни облака,

зато плывут киты-дирижабли.

Можно, высунув руку,

взять дирижабли за жабры.

А можно сорвать печальные,

слегка увядшие розы,

Чтобы спасти их от жажды –

от передоза угрозы.

Но лучше – выплыть в проём окна, как в младенческих снах бывало,

Taniana Ivleva

Ein Vogel an dem Fensterglas

Putz die Fenster am Geburtstag des Sohnes – sauber, rein, makellos,

Dass die Scheiben sich sichtbar füllen

mit der Hoffnung des strahlenden Spross',

Dass Westfalens seltene Sonne,

wie in den Spiegel blickt.

Sie bevorzugt doch breite Fenster,

kein kleines Oberlicht.

Strömt durch die transparente Leinwand

das bunte Leben,

Rasen schnaufend die Autos.

Werbeplakate schweben,

In dem Park gegenüber hoppeln

lebhaft die Hasen,

Laufen Hunde und Tauben,

kiffen die Penner im dichten Wrasen,

Keine Wolke am Himmel,

die Zeppelin-Wale schwimmen,

Strecke die Hand aus,

und greif' sie an ihren Kiemen.

Willst du? – schneid' ab die tristen,

leicht welken Rosen,

Rette sie vor dem Durst

und dem Drohen der Überdosis.

Doch besser ist es durch den Fensterspalt,

wie im Kindertraum zu schweben,

И витать в перьевых облаках –
в обнимку с ангелами Шагала.
С ними молча смотреть,
как мимо проходит лето,
Дыханьем которого крыши домов
и стёкла в окнах согреты.
А когда – напоследок – облетающий август
в окне отразится,
Нарисовать на запотевшем стекле
устремлённую в небо птицу.
Подадутся на юг дирижабли,
бродяги-бомжи, перелётные стаи...
И только птица перезимует со мной –

8 июля 2017 - Эссен

Александр Соломонов

на стекле под ставней.

Кончается лето

Ты утолила мою жажду тремя словами – «Я тебя жду!»

Вот и это кончается лето И пора собирать урожай. Если б это для встречи примета Шепот губ моих: «Не уезжай!» Если б это надежда на встречу – Глаз прощальное – «Не уходи!» Напиши мне письмо, я отвечу! Как прощаюсь я с летом один.

Und in den Cirren schwebend

Umarmung der Engel Chagalls zu erleben.

Schweigend,von oben mit ihnen

das Schreiten des Sommers begleiten,

Sehen, wie letzte Atemzüge der Wärme

über die Dächer und Fenster gleiten.

Wenn sich der August in seiner letzter Passage

im Fenster spiegelt,

Male auf die vernebelte Scheibe den Vogel

nach oben fliegend.

Ziehen nach Süden die Zeppeline,

alles mit sich einladend ...

Nur dieser Vogel, der überwintert auf meinem Fensterglas

unter dem Fensterladen.

Poetische Übersetzung von Nadja Anton

Alexandr Solomonov

Der Sommer endet

Du hast meinen Durst mit drei Worten gestillt – »ja, ich warte!«

Muss der Sommer dem Herbst wieder weichen. Und die Erntezeit ist auf dem Weg. Wäre es für Begegnung ein Zeichen – Mein Geflüster: »fahr bitte nicht weg! « Gibt es Hoffnung auf eine Begegnung! Blicke sagen – geh bitte nicht, bleib! Schreibe mir, ich beantwort' die Meldung. Wie vertreib' ich den Sommer allein. Ах, лето, лето, душно и жарко! А как закончится скучно и жалко! Вот и еще одно кануло в Лету. Так и живем с тобой – от лета к лету.

Все проходит, я знаю, и всё же Я не все разменял по рублю! Бьется тоненькой жилкой под кожей «Я люблю, я люблю, я люблю!» Я люблю неуступчивость звезд тьме, Все от гор и до тайных глубин. Я тебе написал, ты ответь мне! Я прощаюсь тут с летом один!

Припев:

В небе ни журавля, ни синицы, Холод, снег, проливные дожди. Нанижу я дождей вереницы На простое «надейся и жди!» И, услышав сквозь зимнюю стужу Пару слов, утоляющих жажду, Сердце птицей весенней наружу Полетит из груди – «Я тебя жду!» Ach, dieser Sommer, heiß ohne Gnade! Doch wenn's, vorbei geht ist es oft schade! Schon viele Jahre unter der Sonne Leben wir beide vom Sommer zum Sommer!

Es vergeht alles, das weiß ich auch, Doch die Hoffnung verliere ich nicht. Es pulsiert mir noch unter der Haut Liebe ich, liebe ich, liebe ich! Ja, ich liebe die standhaften Sterne Liebe Berge und tiefes Gestein. Ich schreib dir, bitte antworte gerne! Nehm' ich Abschied vom Sommer allein!

Refrain:

Weder Kranich im Himmel, noch Meise Wechseln Regen sich ab mit dem Frost. Knüpfe ich grauen Regen zu Kreisen. Mit dem einfachen – warte getrost! Kaum seh ich die Worte wie früher In dem Brief oder einer Postkarte. Fliegt das Herz wie ein Vogel im Frühjahr Aus dem Brustkorb heraus – »ja, ich warte!«

Nachdichtung von N. Anton

Павел Фахртдинов

Слушай, сынок

Слушай, сынок, и запоминай – Так вышло, что жизнь одна. Каждая тварь изначально пуста, Каждая тварь вольна Выбрать, чем заполнять пустоту, Чем прикрывать наготу, Какую в себе развивать черту, Как перейти черту.

Так уж устроено – Мы не пристроены ни к одному из домов. Строим кто по одиночке, кто строем Сами себя из томов Книжек и мебели, школы и дембеля, Дружбы у этих, веселья у тех, Предостерегаем быть Каином и Каем, Но предполагаем успех.

Всегда будет тот, кто тебя сильней, Потом это станет ясней, Всегда будет тот, у кого камней За пазухой больше вдвойне, Всегда будет, кто, осознав вину, Забудет тотчас о вине, Всегда будет, кто, объявив войну, Не готов погибнуть в войне.

Это не правда, это правило, Но не от слова «правильно», Кто перепишет это набело – Тянется к табельному.

Pavel Fahrtdinov

Höre, mein Sohn

Höre, mein Sohn, und merke es dir – Wir leben nur einmal hier.
Jedes Geschöpf ist grundsätzlich leer,
Jeder ist frei darin
Die Leere zu füllen womit er mag,
Womit er die Nacktheit hüllt,
Welche Linie er verfolgt,
Welche er übertritt.

Es ist so geordnet –
Wir sind ungeordnet, gehören zu keinem Haus.
Allein, in Kolonnen wir bauen und ordnen
Sich selbst aus dem wilden Chaos.
Aus Büchergemengen, Möbel in Mengen,
Freundschaft und Freude mit and'rem Folk
Mahnen davor weder Kain noch Kaj zu sein,
Doch hoffen auf den Erfolg.

Immer gibt's einen, der stärker ist, Es tritt etwas später ans Licht, Jemand legt Steine mit doppelter List In deine Wege für dich, Immer wird Einer sich schuldig bekennen, Der gleich seine Schuld vergisst, Immer wird Einer den Krieg erklären, Der bereit nicht zu fallen ist!

Das ist keine Wahrheit – die Norm, die bleibt, Aber das ist nicht »normal«, Wer das schwarz auf weiß sich schreibt – Greift zu der Waffe schonmal. Всегда будет тот, кого надо везти, Всегда будет тот, кто везет, Всегда есть тот, кого надо спасти, Всегда будет тот, кто спасет.

Слушай, сынок, и запоминай – Так вышло, что жизнь одна. Не важно, какие сейчас времена, Не важно, какие страна, Не важно, какие слова изо рта, Есть ли в них глубина, Важно не то, как дорога длинна, Главное – что одна.

Мгновенья, секунда, минута, час, Невозвратимая часть. Строгий рыбак на любого из нас Уже заготовил снасть. Выловит, спросит: где тебя носит? Что делал минуту назад? Что ты ответишь, когда он посмотрит В заспанные глаза? Что ты ответишь, когда он посмотрит В твои шерстяные глаза?

Вот и теперь целый час своей жизни Я писал тебе этот совет. Надави посильней, и глаза мои рыбьи Брызнут. Хотя тебя даже нет.

Immer gibt's den es zu fahren gilt, Und Einen, der fahren wird, Immer gibt's den es zu retten gibt, Und den, der zum Retter wird.

Höre mein Sohn, und merke dir fest – Wir leben nur einmal hier. Egal, welche Macht und Zeit jetzt herrscht, In welchem Land leben wir, Egal, welches Wort dem Munde entfließt, Ob es einen Sinn ergibt, Egal, wie weit dieser Weg noch ist, Da es nur einen gibt.

Momente, Sekunde, Minute, Jahr, Ein unwiderruflicher Blick.
Der strenge Angler hält für uns ja
Längst seine weite Gliep.
Fängt er und fragt dich :wo warst du g'rade?
Was machst du im Augenblick?
Was wirst du sagen, wenn er in deine
Verschlafenen Augen blickt?
Was wirst du sagen, wenn er in deine
Wolligen Augen blickt?

So auch jetzt eine Stunde des Lebens Schrieb ich dir diesen Rat. Dich gibt's nicht, doch drücke noch fester eben Und meine Fischaugen spritzen es raus.

Höre, mein Sohn, und merke es dir – Wir leben nur einmal hier. Höre, mein Sohn, und merke es dir – Wir leben nur einmal hier.

Poetische Übersetzung von Nadja Anton

Mope

Вдаль летит мой кораблик скоро, Лишь вперёд успевай смотреть. Я матрос, и не нюхал порох, И надеюсь не нюхать впредь.

Пусть тельняшка была надета, Словно фантик вокруг пустоты, Но теперь там два ЧУДА СВЕТА: Это море и это ты!

Я испытывал жуткий город, Под ногами не чуя твердь. И я слышал попутный голос, И я понял, что НАДО ПЕТЬ!

Потому что, возможно, вскоре Связки связей придётся рвать. Даже море уходит в море, Даже время уходит спать.

Независимо и отдельно, Кто какую играет роль. МИР КРИСТАЛЕН ТЕПЕРЬ И БЕЛ, НО Из него высыхает соль.

Смена ночи и дня семафорит, Но за леер держись не держись... Даже небо уходит в море, Там, где море уходит в высь!

Die See

Schwebt mein Schiffchen flott in die Weite, Halte nur deine Augen auf. Roch kein Schießpulver ich vom Weiten Und ich hoffe, werde 's nie auch.

Hab Matrosenkittel getragen Wie Bonbonpapier um etwas Nichts. Zwei Weltwunder gibt's heutzutage, Diese See und hier gibt es Dich!

Wilde Stadt wollte ich erklimmen, Festen Boden unter dem Fuß. Und ich hörte die ferne Stimme, Und begriff, dass ich singen muss!

Bald womöglich, sagt mir mein Bauch Die Beziehungssehne zerreißt. Selbst die See sticht in See und auch, In dem Schlaf selbst die Zeit vereist.

Unabhängig davon und trennbar, Wer von uns welche Rolle spielt. Kristalweiß ist die Welt, doch merkbar Wie beim Trocknen sie Salz verliert.

Wie die Himmelsampel auch schaltet, Halten Schiffsseile lange dich nicht. Selbst der Himmel, der sticht in See dort, Wo die See in den Himmel sticht!

Poetische Übersetzung von Nadja Anton

Небесный глазок

Если на нас скоро взглянет в небесный глазок Тот, кто развёл полюса и скроил континенты, Мы перевяжем себя следом от тормозов, Как траурной лентой.

Дождь зарядил так, что кажется, будет потоп. Чешется шея, она превращается в жабры. Нам с тобой в общем не важно, что будет потом, Пусть хоть пожары.

Нам с тобой в общем не важно, что будет пожар. И превратимся мы в чёрный и слипшийся пепел. Мы отделяли, поскольку нам дан такой дар, Зёрна от плевел.

Если у нас кто-то долго по-свойски гостил, Знал все пароли, расшарил все тайные нычки. Мы отделяли любовь от привязанности Или привычки.

Горе туманом могло нам глаза заволочь. Или гордыня горела во лбу, как тиара. Мы отделяли заботу и жажду помочь От самопиара.

Так каждый день проживали, чтоб равен был трем, Так прижимались друг к другу, в конце концов слиплись. Нам всё казалось, что мы никогда не умрём, И мы не ошиблись.

Мы будем вечно жить реликтовым пластом Под толпами машин на каменном плато. И упадём с вершин, как лавовый поток В одно из тихих утр.

Der Himmelsspion

Schaut auf uns herab durch seinen Himmelspion, Er, der die Erde erschuf und auf ihr Kontinente, Legen wir um unsere Schulter ein Bremsspurenband, Wie Trauerbänder.

Dauerregen in Strömen, als käme die Flut. Kratzt in dem Nacken, dort werden die Kiemen durchbrechen. Uns ist im Ganzen nicht wichtig, was nachher sich tut, Soll alles doch brennen.

Uns ist im Ganzen nicht wichtig, dass alles verbrennt. Lässt uns zur schwarzer und klebriger Asche verschweißen. Nutzten wir unsere Gabe und wagten zu tren'n Spreu von dem Weizen.

Hat bei uns jemand vertrautes zu lange gehaust, Kannte die Pins, konnte alle Verstecke benennen. Schaften wir unsere Liebe von Bindung und Gunst Sauber zu trennen.

Hat uns benebelt der Kummer das Augenlicht. Brannte der Hochmut am Haupt, wie eine Tiare. Trennten wir stets die Bereitschaft und Fürsorgepflicht Von der Eigenreklame.

Lebten wir so jeden Tag, dass er drei Tagen gleicht, Lehnten uns eng aneinander und klebten letztendlich. Dachten daran, dass der Tod uns bestimmt nie erreicht, Und wir lagen richtig!

Wir werden ewig sein, wie die Reliktenschicht Auf steinernem Plato, unter Maschinenlicht. Und fallen von dem Piz als lavaheißer Splitt Sobald der Tag einbricht. Не важно, где лежать, мы пепел – это факт, Хотя немного жаль, что не увидим, как На нас построят дом, в котором будет дверь С дверным глазком вовнутрь.

Если на нас скоро взглянет в небесный глазок Тот, кто развёл полюса и скроил континенты, Мы перевяжем себя следом от тормозов, Как траурной лентой.

Окно

Слепое окно смотрит на круг двора. В этом дворе гладиаторы-дети ведут войну. Родители-судьи решают, кому пора бесславно окончить бой, уйти в тишину,

He столько Валгаллы, сколько сначала в ванну Мыть руки, а после залатывать в латах брешь.

- Мама, когда я вырасту, я обязательно стану...
- Станешь, станешь, только сначала доешь!

А в это время Серёгу ранили, Вовку убили, Трусливый Виталик спрятался вовремя в домике. Окно помнит всех гладиаторов, что здесь были, И тлеет по ним фонарик физалиса на подоконнике... Egal wo jemand liegt, nur Asche sind doch wir, Ein wenig tut es leid, dass wir verpassen wie Auf uns gebaut wird, ein Haus mit der Tür Und Türspion nach innen.

Schaut auf uns herab durch seinen Himmelspion, Er, der die Erde erschuf und auf ihr Kontinente Legen wir um unsere Schulter ein Bremsspurenband, wie Trauerbänder.

Nachdichtung von Nadja Anton

Das Fenster

Ein lebloses Fenster schaut zum Hof herab. Gladiatoren-Kinder führen dort einen Krieg. Schiedsrichter-Eltern entscheiden und führen ab ruhmlos vom Feld, die Krieger, ganz ohne Sieg.

Doch nicht in die Walhall, sondern erstmal ins Bad Zum Händewaschen und schauen, ob heil die Rüstung ist.

- Mama, wenn ich groß bin, werde ich bald ...
- Wirst du natürlich, wirst du, jetzt aber, iss!

In diesem Moment wird Sergej verwundet und Wowka kommt um,
Der feige Vitalik versteckt sich im Häuschen bang,
Das Fenster kennt alle Gladiatoren um diesen Hof herum,
Und glimmt ihnen nach das Physalis-Lämpchen
auf einer Fensterbank...

 $Nach dicht ung von \, Nadja \, Anton$

Жатерина **А**НТОН Бохум

Павел Фахртдинов

Mope

Вдаль летит мой кораблик скоро, Лишь вперёд успевай смотреть. Я матрос, и не нюхал порох, И надеюсь не нюхать впредь.

Пусть тельняшка была надета, Словно фантик вокруг пустоты, Но теперь там два ЧУДА СВЕТА: Это море и это ты!

Я испытывал жуткий город, Под ногами не чуя твердь. И я слышал попутный голос, И я понял, что НАДО ПЕТЬ!

Потому что, возможно, вскоре Связки связей придётся рвать. Даже море уходит в море, Даже время уходит спать.

Независимо и отдельно, Кто какую играет роль. МИР КРИСТАЛЕН ТЕПЕРЬ И БЕЛ, НО Из него высыхает соль.

Смена ночи и дня семафорит, Но за леер держись не держись... Даже небо уходит в море, Там, где море уходит в высь!

Pavel Fahrtdinov

Ocean

My boat flees into the distance As my boat flees into the distance, Keep your eyes open for a thrill. Sniffed no gunpowder in existence And I hope that I never will.

Wore a sailor suit in the old days Like an empty wrapper I threw Now the world has two stunning wonders: There's the ocean and then there's you!

In the surly town I was fighting, Steady ground never was a thing. And I heard a voice lightly calling, And I knew that I had to sing!

Because possibly on short notice Gotta cut off all strings attached. Even oceans flow into oceans Even time goes to have a rest.

Independently and regardless, Of what seem to be each one's role Crystal white is the world, however When it's drying it's losing salt.

And as day and night stay in motion, There's no use holding onto the rails... Even oceans flow into oceans, Where the ocean flows into space!

Katerina Anton

Жладимир **А**ВЦЕН, **Е**лена **Ж**АНЕН

ИЗ КНИГИ «НЕМЕЦКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ» / »DEUTSCHE SPRICHWÖRTER«

(стихотворный перевод Владимира Авцена, подстрочники Елены Ханен)

Предисловие составителя, или Три причины, зачем нужна эта книга

Зачем вам, дорогой Читатель, эта книга? Зачем нужны немецкие пословицы и поговорки, да еще в стихах?

Во-первых, чтобы улыбнуться (и) или понимающе кивнуть – ай да немцы! Метко сказано! Так и есть! Какие-то пословицы наверняка позволят вам вспомнить русский аналог, а какие-то – удивиться новизне и точности формулировки... Мы старались включить в книгу не расхожие, а редко встречающиеся пословицы и поговорки. Да не возмутится наш Читатель фривольностью иных изречений!

Во-вторых, чтобы проще было разговаривать на немецком языке. Смею вас заверить, дорогой Читатель, что знание пословиц очень облегчает общение с немцами: одной меткой фразой можно сказать так много! И главное – правильно, не переврав окончаний и не запутавшись в падежах. (Это я про себя. Вспомнилось, как трудно было в первые годы жития среди немцев говорить без ошибок – то артикль не тот брякнешь, то словцо не то ввернёшь...)

И наконец, в-третьих, чтобы лучше понять немецкую культуру, разрушить привычные клише о немцах, вникнуть в дух и суть германцев и обогатиться мудростью народной...

Читайте и перечитывайте немецкие пословицы и поговорки как в оригинальном варианте, так и в замечательных стихотворных переводах поэта Владимира Авцена!

Елена Ханен

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ФОРМЫ И ХАРИБДОЙ СОДЕРЖАНИЯ

Предисловие переводчика

«Стихи не пишутся – случаются». С этой замечательной формулой Андрея Вознесенского о неведомо откуда приходящих к поэту строках (зачастую самых лучших!), думаю, согласится любой пишущий.

Но, уважаемый Читатель, когда речь идет о переводах, тут ничего с неба не падает. Переводчику нужно сначала прочитать, понять, почувствовать, прожить чужой текст, сделать его практически своим. И лишь потом пытаться по возможности адекватно переложить сопротивляющийся всеми фибрами формы и содержания оригинал на родной язык. У переводящего поэзию задача, по понятным причинам, еще сложнее. Вы, дорогой Читатель, уже успели меня пожалеть? И зря! Потому что, когда в результате на свет является, «случается» удачный перевод, я испытываю мало с чем сравнимое счастье...

В книге, кроме 160 пословиц и поговорок, представлены также переводы старинных немецких песен: двух детских, одной эмигрантской и двух застольных (все они до сих пор поются на родном языке, при желании их можно послушать на YouTube). Что касается пословиц и поговорок, то большинство из них, смею надеяться, переведено близко к тексту, в некоторых ради приближения к смыслу первоисточника приходилось отдаляться от конкретики оригинала, иногда в процессе перевода предпринимались попытки что-то усилить в русском содержании по сравнению с немецким и что-то по-своему интерпретировать. Подобные вольности допустимы в переводческой практике. Главное, чтобы при этом не ушла из перевода поэтическая прелесть чужого высказывания... Насколько это удалось, судить вам, Читатель. А чтобы облегчить вашу задачу, мы с Еленой Ханен, автором точных, дотошных подстрочников, пошли на эксперимент, пригласив вас в святая святых – нашу творческую лабораторию (она же писательская кухня!). Для этого мы печатаем здесь и подстрочные переводы. Благодаря им, даже тот, кто не владеет немецким языком, сможет наблюдать процесс перетекания содержания и формы из оригинала в подстрочник, а затем из оригинала и подстрочника – в поэтический перевод... Что из этого получилось, повторяю, судить не нам, но, конечно же, мы будем рады вашему одобрению. Ибо, как сказано в мудрой немецкой пословице:

Самобахвальство пахнет плохо, хвала от ближних кривобока, и лишь чужая похвала в твои звонит колокола.

С уважением ваш Владимир Авцен

P.S.: Предлагаем здесь вашему вниманию несколько полюбившихся нам немецких пословиц и 5 песенок.

B.A.

* * *

Ein freundlich Gesicht das beste Gericht.

Приветливое лицо – лучшее блюдо (еда).

Приветливость всегда и всюду вкуснейшему подобна блюду.

* * *

Ist eine liebe Frau im Haus, so lacht die Freude zum Fenster hinaus.

Когда в доме любимая (милая) женщина, то радость льётся из его окон.

Коль в доме у тебя любимая жена, струится радость в нём из каждого окна.

Wo nicht im Haus sind Kinderlein, da ist als leucht' kein Sonnenschein.

Дом без детишек – всё равно что без солнечного света.

Если в доме деток нету – дом без солнечного света.

* * *

Es kann keine Ehe sein, wo nicht fahre der Teufel hinein.

Не бывает брачного союза, в котором бы не погостил чёрт.

Нет такой семьи, поверьте, в которой бы не погостили черти.

* * *

Wohl dem, der sich mit Ehren an eigenen Herd mag nähren.

Хвала тому (мужу), который с благоверной от своего очага насыщается.

Тот муж, кому его супруга дорога, не станет у чужого греться очага.

Was nicht will gehen, das laß stehen.

Что не желает идти, то оставь стоять (на месте).

Что не хочет уходить, не пытайся уводить.

* * *

Arbeite gern und sei nicht faul, gebratene Tauben fliegen keinem ins Maul.

Люби работу и не будь ленив, ведь жареные голуби сами в рот не залетают.

Чтоб не страдать от голода, не бегай от работ, ведь жареные голуби не залетают в рот.

* * *

Also hat Gott die Welt geliebt, und der Pfaff seine Köchin.

Бог любит весь мир, а пастор – свою кухарку.

Господь всевышний всех нас грешных любит, а пастор лишь свою кухарочку голубит.

Der Teufel ist artig, wenn man ihm schmeichelt.

Даже черт становится внимательным (дружелюбным), если κ нему подлизываться.

Ласка нежит, ласка греет, даже чёрт от ласки млеет.

* * *

Wenn wir alle wären reich und einer wär' dem andern gleich und wären all' zu Tisch gesessen, wer trüge dann uns auf das Essen?

Если бы мы все были богаты и равны друг другу и сели бы вместе за стол, то кто бы нам подавал еду?

Все богаты, все сильны, поголовно все равны, если б сели пировать, кто б стал блюда подавать?

* * *

Gesund hat zum klagen kein Grund.

Уздорового нет причин для жалоб.

Коль здоров, то воздержись всуе плакаться на жизнь.

Erziehst du einen Raben, so wird er dir zum Dank die Augen ausgraben.

Вырастишь (воспитаешь) ворона, так он тебе в благодарность глаза выклюет.

Ворон, вскормленный у вас вам самим и вырвет глаз.

* * *

Eile mit Weile, nicht übereile!

Торопись медленно, не суетись!

Для пользы тела и души – совет наш: медленно спеши!

* * *

Die Katze liebt den Speck und die Sau den Dreck.

Кошка любит мясо, а свинья – грязь.

Почему – не ясно, но, едва родясь, кошка любит мясо, а хавронья грязь.

Ist der Wein im Manne, ist der Verstand in der Kanne.

Вино в мужике, разум в кувшине (то бишь утонувший).

Когда вино из кувшина во мне, тогда мой разум в этом кувшине.

* * *

Wer mit den Hunden zu Bett geht, steht mit Flöhen auf.

Кто с собакой спать пошёл, утром встанет с блохами.

Кто ложится спать с кабсдохами, тот на утро встанет с блохами.

* * *

Jedes Land hat seinen Tand.

В каждой стране есть своя ерунда (бессмыслица, глупость).

В любой стране живут всегда и дурь своя, и ерунда.

Bleib daheim bei deiner Kuh, willst du haben Fried und Ruh.

Оставайся дома со своей коровой, коль хочешь мира и покоя.

Если ты войны не хочешь новой, оставайся дома со своей коровой.

* * *

Die Wahrheit ist ein selten Kraut, noch seltener, wer sie wohl verdaut.

Правда – редкая трава (овощ), ещё реже – те, кто её хорошо переваривает.

Правду, редкую траву, мало кто отваривает, ещё реже тот отвар кто-то переваривает.

* * *

Auf fremden Arsch ist gut durch Feuer reiten.

На чужой заднице хорошо через огонь прыгать.

Любой из нас при случае востёр на заднице чужой скакнуть через костёр.

Dem Hahn, der zu früh kräht, dreht man den Hals um.

Петуху, что слишком рано закричал, сворачивают шею.

За то петух и в суп попал, что слишком рано прокричал.

* * *

Tugend besteht.

Всё проходит, добродетель остаётся.

Всё минуется, уймётся, добродетель остаётся.

* * *

Ärgere dich nicht, dass die Rosen Dornen haben, sondern freu' dich, dass die Dornen Rosen haben.

Не злись, что розы с шипами, а радуйся, что шипы с розами.

Ты на шипы у розы не шипи, а радуйся, что с розами шипы.

Старинные немецкие песни

Der Kuckuck und der Esel

Der Kuckuck und der Esel, die hatten einen Streit, wer wohl am besten sänge, wer wohl am besten sänge, zur schönen Maienzeit, zur schönen Maienzeit.

Der Kuckuck sprach: »Das kann ich« und fing gleich an zu schrein.
»Ich aber kann es besser, ich aber kann es besser« fiel gleich der Esel ein, fiel gleich der Esel ein.

Das klang so schön und lieblich, so schön von fern und nah; sie sangen alle beide, sie sangen alle beide: Kuckuck, Kuckuck! I-a! Kuckuck, Kuckuck! I-a!

Кукушка и осёл

Осёл сказал кукушке:

– Ведь мы с тобой поём, давай устроим конкурс, давай устроим конкурс погожим майским днём, погожим майским днём.

В ответ ему кукушка со всех запела сил.

– Но я могу получше, но я могу получше, – осёл ей возразил, осёл ей возразил.

И следом очень мило запели оба два, им вторила округа, им вторила округа: – Ку-ку, ку-ку! И-а! Ку-ку, ку-ку! И-а!

In meinem kleinen Apfel

In meinem kleinen Apfel, da sieht es lustig aus, es sind darin fünf Stübchen grad wie in einem Haus.

In jedem Stübchen wohnen zwei Kernchen schwarz und fein, die liegen drin und träumen vom lieben Sonnenschein.

Sie träumen auch noch weiter gar einen schönen Traum, wie sie einst werden hängen am schönen Weihnachtsbaum.

В моём яблочке

(Слова народные, исполняется на музыку Моцарта)

Есть в яблочке, я знаю, сокрытые от глаз пять маленьких коморок, как в домике у нас.

Живут в коморке зёрна, они сказали мне, что все они мечтают о будущей весне.

Ещё они признались, что более всего хотят висеть на ёлке у нас на Рождество.

Kommt ein Vogel geflogen

(Karl von Holtei, 1798-1880)

Kommt ein Vogel geflogen, setzt sich nieder auf mein Fuß, hat ein Zettel im Schnabel, von der Mutter ein Gruß.

Ach, so fern ist die Heimat, und so fremd bin ich hier; und es fragt hier kein Bruder, keine Schwester nach mir.

Hab mich allweil vertröstet auf die Sommerzeit; und der Sommer ist kommen, und ich bin noch so weit.

Lieber Vogel, flieg' weiter, nimm ein' Gruß mit und ein' Kuss, denn ich kann dich nicht begleiten, weil ich hier bleiben muß.

Прилетела птица

(Карл фон Холтей, 1798-1880) (По мотивам австрийской песни. Музыка народная)

> Птица рядышком села, в клюве держит конверт – мне от мамы родимой на чужбину привет.

Моя родина, как ты от меня далеко, без сестры и без брата здесь мне жить нелегко.

Было тяжко вначале, верил – лето придёт, и оно наступило, и теперь мне везёт.

Разлюбезная птица, в край родной улетай, всем, кто там меня помнит, поцелуй передай.

Застольные песни

Unsere Väter sind gesessen

(August Heinrich Hoffmann von Fallersleben, 1798 – 1874)

> Unsere Väter sind gesessen auch vor vollen Gläsern hier; unsre Väter sind vergessen, und vergessen werden wir.

Wer kann alles auch behalten, was geschieht und nicht geschieht? Ob sich hier die Stirn in Falten, dort der Mund zum Lächeln zieht?

Leer' und volle Köpf und Taschen werden nach uns auch noch sein, nach uns gibt's noch Krüg' und Flaschen, Gläser mit und ohne Wein.

Und wenn diese gehen zu Scherben, neue Gläser werden draus; wenn die alten Gäste sterben, kommen neue Gäst ins Haus.

Könnten unsre Väter sprechen, sprächen sie: Stoßt an und zecht! Leben war noch nie Verbrechen, und der Lebende hat Recht.

Здесь отцы когда-то пили

(Август Генрих Гофман фон Фаллерслебен, 1798–1874)

Здесь отцы когда-то пили точно так, как мы сейчас, их давно уже забыли, точно так забудут нас.

Не дано в юдоли зыбкой смертным знать своей судьбы. Будем там лежать с улыбкой или здесь морщинить лбы?

Впрочем, поздно или рано каждый в свой уходит час, и налитые стаканы здесь поднимут, как при нас.

А стаканы разобьются – сразу целые найдут, стары гости разойдутся – тут же новые придут.

Коль могли б, то наставленье дали предки, смерть поправ: «Пейте, жизнь – не преступленье, ты живой и этим прав!»

Wenn ich einmal der Herrgott wär',

Wenn ich einmal der Herrgott wär', mein erstes wäre das: ich nähme meine Allmacht her und schuf ein großes Fass; ein Fass, so groß als wie die Welt, ein Meer göss' ich hinein, von einem bis zum andern Belt, vom allerbesten Wein.

Wenn ich einmal der Herrgott wär', mein zweites wäre das: ich nähme meine Allmacht her und schuf ein großes Glas; ein Glas so hoch bis an den Mond und wie die Erde rund, dass sich das Trinken auch verlohnt, setz' ich es an den Mund.

Und hätt' ich nach so manchem Tag das Fass so rein gefegt, dass drin bei noch so starkem Schlag kein Tröpflein mehr sich regt, dann würf ich auf die Knie mich und fing' laut an zu schrei'n: »Laß mich, o Gott, ich bitte dich, noch einmal Herrgott sein!«

Когда бы я Всевышним был

Когда бы я Всевышним был, то в мощь во всю свою я б первым делом сотворил огромную бадью. В бадью размером в целый мир, налил бы я вина и, пригласив себя на пир, всю выпил бы до дна.

Когда бы я Всевышним был, пусть даже в стельку пьян, вторым бы делом сотворил огромнейший стакан. Стакан до самой до Луны и круглый, как Земля, вы это тоже знать должны — его бы выпил я.

И если бы в похмелья час я возжелал вина, но сколько бы бадью ни тряс, не булькнула б она — я на колени бы упал и Бога б стал молить, чтоб он ещё разочек дал Всевышним мне побыть.

ПСатьяна €ЛЕШКЕВИЧ Иркутск

Участница Международного творческого конкурса «Гомер 2019».

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тот, кто имеет за плечами долгие годы работы в определённой профессиональной сфере, в какой-то момент, как правило, начинает ощущать подспудное желание систематизировать и проанализировать накопившийся опыт, чтобы с пользой поделиться им либо с коллегами, либо просто с зачитересованными и понимающими людьми. Так произошло и со мной. Я бы хотела поделиться собственным переводческим опытом, прибегая к конкретным примерам и некоторым обобщениям.

Я работаю переводчиком с английского в Институте земной коры Сибирского отделения РАН, город Иркутск, Россия. Образование - Иркутский институт иностранных языков. Основная тематика переводов – геология и геофизика. Ситуация по сути своей расхожая, но, как правило, возникает вопрос о том, можно ли заниматься переводом в той или иной специализированной отрасли, не имея при этом соответствующего базового образования. Теоретически - нецелесообразно, практически - выполнимо. К тому же сама ситуация, при которой специалисты (в моем случае это геологи и геофизики) не владеют иностранным языком, не оставляет выбора. Первый этап переводческой деятельности при таком раскладе - это перевод с иностранного на русский, в процессе чего начитывается и нарабатывается ключевая терминология. При выполнении переводов очень полезно периодически консультироваться у специалистов. Идеальный вариант - если кто-то из специали-

стов, для которых, собственно, и выполняется этот перевод, прочитав его, сделает предметные замечания по всему тексту. Mне в своё время в этом плане повезло, у меня был такой наставник. Следующий этап означенной переводческой работы – это перевод с родного языка на иностранный. При посредничестве словарно-справочной литературы и обязательной сверки с соответствующим контекстом, который, пожалуй, в плане достижения адекватности перевода в чём-то важнее, чем словарь. Есть смысл при необходимости задавать вопросы на переводческих форумах. Я в этих целях небезуспешно пользовалась сайтами http://www.multitran.com и http://www.proz.com. В моём случае в плане усвоения терминологии очень полезными оказались выезды с иностранными геологами на полевые экскурсии. Такие поездки дают возможность воочию соотнести тот или иной геологический феномен с его общепринятым лексическим обозначением, что в значительной степени способствует запоминанию и усвоению термина. Но, как я уже отметила, перевод – это не только терминология, но и контекст. И вот тут мы вплотную подходим к очень существенной и, боюсь, становящейся все более глобальной проблеме родного языка. Дело в том, что, начав в определенный момент переводить соответствующие материалы на английский, я вынужденно занялась русским, причем занялась очень плотно. Должна сказать, что я никогда не страдала ни неграмотностью, ни косноязычием, но при соприкосновении с переводом в паре русский – английский мне открылись просто неимоверные глубины русского языка. На первых порах, получая из редакции того или иного зарубежного журнала правки и замечания по поводу выполненного мной перевода, я искренне принимала их исключительно на свой счет. Теоретически ситуация и в самом деле выглядит именно так. И только значительно позже мне стало ясно, что уязвимые места в моём переводе в немалой степени вызваны несовершенством русского языка исходного авторского текста. А именно: зачастую плохим синтаксисом и неточностью формулировок. Приведу пару примеров. «Белая

мраморная крошка со следами линейного и площадного ожелезнения вскрыта на глубину 0,2–1,2 м». Начинаю автоматически переводить выражение «мраморная крошка» в авторской редакции и вижу, что у меня ничего не получается. Начинаю для себя выяснять почему. И понимаю, что «мраморная крошка» – это вообще-то из другого контекста, имеющего отношение к строительству или декору. А в геологии это скорее природный мраморный щебень. Скорректировав должным образом формулировку, я тут же без труда подобрала и соответствующий эквивалент: marble detritus. Ещё пример: «Расположенность погребенных почв и их четкая стратификация позволяет делать экспресс-выводы о возрасте той или иной части разреза». Что касается т.н. «экспресс-выводов», то суть здесь понятна и, признаюсь, есть немалый соблазн пойти следом за автором и автоматически написать что-то вроде «express-conclusions». Но на самом деле выражения такого в английском нет. Как, впрочем, нет его и в русском в том смысле, в каком употребил его автор. Поскольку термин «экспресс-вывод» является принадлежностью почти исключительно финансовой сферы (когда речь идёт об экспресс-выводе средств). А в нашем случае это не что иное, как выводы, сделанные в короткие сроки, - conclusions made within a short time, т.е. перевод здесь может быть только описательным. Не возьмусь обобщать, но в моей практике примерам таким несть числа. Адресуясь к сторонникам машинного перевода, ответственно заявляю: ни одна машина проделать именно такую работу не в состоянии. Машинный перевод приемлем разве что в паре иностранный – родной, когда полученный вариант, при всех его несуразностях, позволяет уловить хотя бы общую концепцию текста.

Второй аспект моей работы с иностранным языком – это поэтический перевод. Увлеклась им ещё в студенчестве, темой моей дипломной работы стал перевод лимериков Эдварда Лира. В целом же среди наработок переводы как классической, так и современной англоязычной поэзии. Также пробовала переводить по подстрочнику, с немец-

кого и с финского, оба этих моих опыта опубликованы, но особого удовлетворения перевод по подстрочнику мне не принёс. Предпочитаю переводить рифмованную поэзию, она мне ближе и интереснее. Тем не менее, есть у меня переводы и белых стихов, поскольку игнорировать современную тенденцию к нерифмованному стиху, наверное, всё же нельзя. Своеобразными вехами этой моей деятельности стали выход в финал Фестиваля «Пушкин в Британии», Лондон, 2009 г., Фестиваля свободного стиха в Новосибирске, 2019 г., Фестиваля «Эмигрантская лира», Льеж, 2019. Соответственно имею публикации в фестивальных сборниках. Что касается каких-то отдельных, наиболее значимых для меня моментов, связанных с поэтическим переводом, то одним из них стала, пожалуй, работа над переводом «Лодорского водопада» - «Cataract of Lodore» - Роберта Саути (1774-1843). Довольно большой текст этого стихотворения почти полностью построен на деепричастных формах глаголов, в частности глаголов движения, ни один из которых, при их большом количестве, не повторяется. Передо мной стояла задача не только подобрать соответствующие эквиваленты, но и суметь их зарифмовать. Признаюсь, что я пыталась подступиться к переводу этого стихотворения ещё в студенчестве, но та попытка оказалась безуспешной. Видимо, мне тогда просто не хватило системности мышления. Справиться с этим переводом я смогла, уже занимаясь переводом профессионально. Для того чтобы избежать нечаянных повторов деепричастий, я составила таблицы синонимических рядов всех используемых в стихотворении глаголов. Работа на самом деле была проделана очень большая, и мне искренне хотелось поделиться полученным результатом, но опубликовать этот перевод удалось только в 2018 г. в альманахе «Иркутское время» – это ежегодный альманах Международного фестиваля поэзии на Байкале. Ещё один момент связан с выходом фотоальбома «Байкал. Мелодии года» (Иркутск, 2004). Авторы, мои знакомые фотохудожники, решили сопроводить отдельные фото строчками из стихов русских поэтов. Стихи предстояло перевести на английский, поскольку альбом был изначально задуман как билингвальное издание. Понятно, что в идеале поэтический перевод на т.н. целевой язык выполняется носителем этого самого языка. Но такового не нашлось, и сделать перевод попросили меня. Я сразу приняла решение, что буду искать консультанта среди носителей языка. В данном случае это была непростая задача, потому как такого рода консультант должен сам знать толк в поэзии. Мне неожиданно повезло: такой человек нашёлся в среде уже лично моих знакомых. Ирландец, по роду занятий – эксперт по медицинскому оборудованию, интеллектуал, любитель поэзии и страстный поклонник Уильяма Батлера Йейтса. Я отослала своему консультанту перевод стихотворных строк, он сделал кое-какие правки, в каких-то случаях дал отдельные советы. Любопытная ситуация возникла с фрагментом стихотворения нашего иркутского поэта Владимира Максимова:

Еще белеет битый лёд По синеве байкальской шири, Но что-то изменилось в мире... В. Максимов

Some needles of ice may drift at will On the Baikal blue cold widening, And everything is now brightening... V. Maksimov

Здесь предстояло поработать со словом «ширь». Дело в том, что в данном случае «байкальская ширь» – это именно то водное пространство, которое по весне уже освободилось ото льда. Т.е. не ширина как таковая, а постепенно увеличивающийся участок воды при расхождении льдин. В итоге я остановилась на widening. Консультант со мной согласился и даже заметил, что этот языковой нюанс ему чем-то напоминает У. Б. Йейтса... Не скрою, мне было очень приятно. Вторая приятная неожиданность состояла в том, что авторы альбома решили включить в него несколько строк и из моего стихотворения о Байкале. Так что в довершение ко всему я перевела на

английский язык ещё и саму себя... Признаюсь, это было непривычное ощущение.

Красив в хорошую погоду, В шторм – сила грозная и злая, Приворожит когда угодно Байкал. Таким его я знаю.

Он величавый и безбрежный, И старый он, и молодой, И разбушуется мгновенно, И тут же обретёт покой.

А берега водою полны, Вода прозрачна, как слеза. Опять хочу потрогать волны...

Т. Лешкевич

Becalmed, it's really exciting, In storm, it is my wicked foe, But any time it is inviting, It's the Baikal that I do know.

It is majestic and impressive, It's ancient and it's ever new. It instantly becomes aggressive, Then quiets down to the view.

Deep water moves towards the shore, It is as clear as a tear. I'd like to touch the waves once more...

T. Leshkevich

Так что, несмотря на все мои сомнения и раздумья, эта работа всё-таки состоялась.

В соответствующей среде периодически возникает разговор о том, что поэтический перевод того или иного произведения заранее «обречён», так как в любом случае проигрывает оригиналу или является совсем другим, отличным от оригинала произведением. С одной стороны, на это трудно возразить, с другой – лично у меня есть пара ярких примеров поразительно точного перевода, и в ритмическом, и в лексическом плане. Это перевод всем известного блоковского восьмистишия «Ночь, улица фонарь, аптека...» на немецкий язык, выполненный Иоганнесом фон Гюнтером, и перевод «Евгения Онегина» на английский, выполненный Джеймсом Фейленом. Вообще переводов «Онегина» на английский довольно много, но Фейлену удалось сделать практически невозможное: в его переводе «онегинская строфа» безупречна.

Ночь, улица, фонарь, аптека, Бессмысленный и тусклый свет. Живи ещё хоть четверть века – Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь – начнёшь опять сначала. И повторится всё, как встарь: Ночь, ледяная рябь канала, Аптека, улица, фонарь.

А. Блок 10 октября 1912 Nacht, Straße, Pharmazie, Laterne, Ein sinnloses und trubes Licht. Leb funfundzwanzig Jahr noch gerne – Es bleibt so. Auswege gibt's nicht.

Du stribst – und lebst zum andern Male, Es wiederholt sich alles – sieh: Nacht, eis'ge Wellchen im Kanale, Laterne, Straße, Pharmazie.

перевод И. фон Гюнтера

Текст перевода «Евгения Онегина», сделанный Фейленом, можно найти в сети.

Приведу еще один любопытный эпизод. Я уже упоминала о том, что являюсь участником форума переводческого сайта http://www.proz.com Дело в том, что при регистрации на этом сайте надо конкретно указывать характер своей переводческой деятельности. Т.е. тематику специализированной литературы, с которой приходится иметь дело, и сферу общих интересов, если таковые имеются. В моём случае это геологиягеофизика и литература-поэзия. Зарегистрировавшись таким образом на сайте, начинаешь получать на свою почту вопросы соответствующей тематики от других участников форума и при необходимости задаёшь свои. Вопрос, который однажды пришёл на мою почту, был задан Екатериной Хованович. Это известная переводчица стихов и прозы с португальского и испанского. В то время Екатерина работала над переводом романа «Слоновья память» («Memória de elefante») португальского писателя Антониу Лобу Антунеша. В какой-то момент в тексте ей попалась цитата на английском, без привязки к источнику. Но никаких зацепок в сети она найти не смогла. Английского Екатерина не знает, и поэтому обратилась к сообществу с просыбой переформулировать её вопрос на английском и посмотреть, какие будут ответы. Её вопрос перевела и разместила я. Ответ не замедлил себя ждать. Пользователь по имени Чарльз Дэвис (Charles Davis) любезно сообщил, что искомая цитата – who'd think to find you in a photograph, perfectly quiet in the arrested chaff («кто бы подумать мог, что ты окажешься на фото средь вороха вещей, ненужных для кого-то») – представляет собой пару рифмованных строк из стихотворения американского поэта Нельсона Бентли (Nelson Bentley, 1918–1990) «Объектив Атже» («Atget's Lens»), посвящённого французскому фотографу Эжену Атже (1856–1927), классику городской съёмки. Стихотворение это вошло в сборник стихов Бентли Sea Lion Cave (Пещера морских львов) (1966). Но в сети текст этого стихотворения отсутствовал. Собственно говоря, полученной информации было вполне достаточно для ответа на вопрос Екатерины. Но мне уже захотелось взглянуть на эти строки в контексте всего стихотворения. Я стала смотреть информацию по Нельсону Бентли, нашла кое-какие его сти-хи. И вдруг наткнулась на блог некоей Джулии Лариос (Julie Larios, 1949 г. р.), американки, детского поэта со степенью магистра искусств, которая в своё время посещала занятия Нельсона Бентли в Вашингтонском университете. Я обратилась к ней по поводу текста интересующего меня стихотворения, и она мне его отправила. Текст оказался непростым с точки зрения и темы, и рифмовки (стихотворение написано шестистишиями, рифма aabccb). В итоге я всё же перевела это стихотворение на русский. Насколько удачно, судить не мне. Но самое интересное, пожалуй, здесь состоит в том, что вскоре Джулия Лариос подробно описала всю эту историю в своём блоге. В числе прочего там было написано следующее. «Как это всё-таки необычно вдруг получить такого рода просьбу от совершенно незнакомого человека, да ещё живущего в той части земного шара, где я никогда не была. Какой неожиданный и непредвиденный контакт!.. И если вы вдруг начинаете чувствовать, что вам слегка надоели ваши блог-посты – а это порой происходит со всеми нами, - то мне искренне хотелось

бы посоветовать вам всё же продолжить начатое. Потому что спустя годы кто-то сможет связаться с вами и сказать: «Я только что прочитал ваш блог-пост, и хочу спросить, не могли бы вы сделать мне одолжение...» И вы станете ещё одним звеном того пути, который связывает одну творческую личность с другой, а её – с ещё одной творческой личностью. А пока что вот вам стихотворение, которое я отправила через океан. В нём Бентли упоминает многие детали, связанные с фотографиями Атже. Надеюсь, оно вам понравится». И далее Джулия приводит текст того самого стихотворения Нельсона Бентли. Которое, благодаря нашему с ней виртуальному творческому общению, теперь есть в сети. По-моему, эта история, замешанная на переводе, являет собой яркий пример так называемого диалога культур.

Ещё одним таким примером, как мне кажется, мог бы стать выездной семинар «Британская литература сегодня» – «British Literature Today» – в Ясной Поляне, который в этом (2019) году проводился там уже в четвёртый раз. Я была его участницей два последних года и, по возможности, с удовольствием поучаствовала бы ещё. Семинар проводится Отделом культуры и образования Посольства Великобритании в Москве совместно с музеем-усадьбой Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Изначально организатором с британской стороны был Британский Совет, но в настоящее время деятельность этой структуры в России прекращена. Для участия в семинаре приглашаются британские писатели и поэты. Участники с российской стороны – люди, занятые в сферах образования и культуры и по роду своей деятельности тесно связанные с английским языком. Формат семинара – открытые дискуссии и практические сессии. Произведения троих британских участников прошлогоднего семинара издавались в России. Это книги Алана Холлингхёрста, Эндрю Миллера (у него в России переведено и издано уже 6 книг) и Сарры Перри. Книги двоих британских писателей, участвовавших в семинаре в этом году – Дэвида Кинана и Фионы Мэддокс, – будут переведены на русский в ближайшее время.

Также хотелось бы поделиться своим мнением о нынешнем качестве перевода в кино, художественной литературе, периодике. Оно, увы, зачастую не радует. Во-первых, довольно большой процент переводов по-прежнему выполняется явно случайными людьми. Во-вторых, большая часть переводов по-прежнему не редактируется. Нередко становится очевидным, что шероховатость текста – это результат того, что в печать просто-напросто ушёл «сыряк», т.е. невычитанный текст. А в этом случае дело уже не в переводчике: при работе с большим объёмом текста глаз, что называется, «замыливается», просто перестаёшь видеть то, что нуждается в правке. Для этой работы однозначно нужен редактор, но его участие, к сожалению, ограничивается упоминанием фамилии в выходных данных книги. Хотя по сравнению с 1990-ми, когда вдруг чуть ли не все в стране решили, что они могут быть переводчиками – впечатление, во всяком случае, было именно таким, – улучшения, конечно же, есть.

Что касается кино, то там часто возникают недоразумения с переводом названий фильмов. Нередки случаи, когда без всякой необходимости используется контекстуальный перевод. И наоборот, он отсутствует там, где явно был бы оправдан. В этом отношении очень не повезло фильму «Дрифтвуд» (Driftwood) (Ирландия, Великобритания, 1997). На всякий случай напомню, что driftwood в переводе с английского – это обломки и куски дерева, прибитые волной к берегу моря. Уединённо живущая на острове героиня фильма, скульптор по дереву, регулярно собирает их на берегу и делает из них скульптуры. Однажды она там же находит человека без сознания, находка эта оборачивается криминальной драмой, которая в итоге ставит крест и на карьере, и на судьбе героини. Название фильма на поверку оказывается очень ёмким, полностью вбирающим в себя концепцию фильма. Прекрасно помню, что в России этот фильм изначально шёл под названием «В полосе прибоя». Насколько это название адекватно содержанию фильма - вопрос отдельный, но от него вскоре отказались.

Возможно, из-за того, что в нашей стране уже имелся фильм с таким же названием, снятый в 1990 г. В итоге не придумали ничего лучшего, как прибегнуть к транслитерации названия, которое в таком виде ни о чём не говорит российскому зрителю. Или ещё один, уже недавний, фильм «Призрачная красота» (США, 2016). Оригинальное название – «Collateral beauty». Collateral – нечто существующее отдельно от нас до определённого момента. Фильм о том, что те люди, которые пережили потерю близких и испытали сильное эмоциональное потрясение, начинают по-другому смотреть на мир. И ценить то, на что раньше не обращали внимания, - простые житейские мелочи, которые, оказывается, на самом деле не так уж и просты. Потому что они по-своему замечательны и красивы. И счастлив тот, кто способен разглядеть и оценить эту красоту. Но красота их вовсе не призрачна, она реальна и осязаема. Оригинальное название отражает содержание фильма, перевод – нет. Вот тут, возможно, контекстуальный перевод был бы вполне уместен.

Курьёзы при переводе фильмов нередко возникают в связи с передачей тех или иных реалий.

Не так давно я восполнила один свой кинозрительский пробел: наконец-то посмотрела «Поющие в терновнике». Фильм, вне всякого сомнения, очень хорош. Но перевод добавил свою ложку дёття. В той серии, где Мэгги, приехав с мужем в Северный Квинсленд, живёт в доме у Мюллеров, есть, в частности, эпизод, в котором она, в силу своей неискушённости, довольно неуклюже откровенничает с хозяйкой дома, Энн. Энн в свою очередь даёт ей совет, который в переводе прозвучал следующим образом: «Мэгги, у тебя лицо ангела, тело богини, но ты не знаешь, как заставить мужчину заделать тебе ребёнка? Знаешь, есть у меня книжка. Получишь отличное образование. "Любовник леди Чаттерлей" ГЕНРИ МИЛЛЕРА. Читай, читай. И да здравствует ГЕНРИ МИЛЛЕР!».

Спрашивается: с каких это пор Генри Миллер стал автором «Любовника леди Чаттерлей»?! Немного погодя я нашла в

онлайне версию фильма в другой озвучке. Чисто книжная рекомендация Энн там звучала следующим образом: «Тебя следует хорошенько просветить: "ЛюбовникИ леди Чаттерлей". Утоли свой голод!». Теперь оказалось слегка искажённым название романа Д. Г. Лоуренса. О Генри Миллере же не было ни слова. Но поскольку имя этого писателя по-прежнему настойчиво пробивалось сквозь потуги перевода, я поняла, что не смогу жить спокойно, пока не выясню, в чём здесь дело. Нашла оригинальную версию фильма. Вот как этот короткий монолог Энн звучит по-английски: «You have the face of an angel, and the body of a goddess, and you don't know how to make a man get you pregnant? But your need is a good education. "Lady Chatterley's Lover". And Henry Miller. Separately Henry Miller!». Ну вот, наконец-то всё встало на свои места: «..."Любовник леди Чаттерлей" и Генри Миллер. Особенно Генри Миллер!». Кстати, в соответствующем кадре фильма Мэгги действительно держит в руках две книги, т.е. одну – Лоуренса, другую – Генри Миллера. Поневоле напрашивается вывод о том, что переводчик №1 никогда ничего не слышал о Герберте Лоуренсе, а переводчик №2 – о Генри Миллере. Грустно.

Боюсь, похожие примеры можно было бы приводить до бесконечности. Поэтому, подводя итог всему сказанному, есть смысл подчеркнуть роль переводчика, в т.н. межкультурной коммуникации, его значимость в правильной, неискажённой трансляции идей. Эту миссию должен прежде всего осознавать сам переводчик и стараться максимально ей соответствовать. Такое соответствие обеспечивается в первую очередь должным владением родным и иностранным языками (именно в такой последовательности, а не наоборот) и наработкой необходимого культурного бэкграунда. Плюс ко всему, хотелось бы выразить надежду, что профессия переводчика обретёт наконец адекватный социальный статус и будет оцениваться по достоинству во всех сферах деятельности.

Роберт Саути (1774-1843)

Лодорский водопад

Рассказ в стихах для детей

«Папа, как падает вода В Лодоре?» Однажды мой сын спросил С лукавым смешком в глазах, И тут же мне поручил Ответить ему в стихах. Задумался я об ответе, Но сразу же дочь пришла, За нею – другая дочь. И вот уже все мои дети Просят меня помочь Услышать, какой была Вода на реке Лодоре Стремительной и ревущей, Бушующей и сперва Для них похожей на море. Я стал рифмовать слова, Ведь я – поэт всемогущий. И чтобы детей увлечь, Занять и слегка развлечь, Я стал говорить об этом: Для них я был Королём И знатным Придворным поэтом.

От верховьев питающих Глубь озёр снеготающих, От своих от истоков И от горных отрогов, По тихим долинам и горным стремнинам, Через мхи и кустарники, То бегом, то ползком, То забудется сном В озерце своём маленьком. А потом, пробудившись, В путь-дорогу пустившись Прямо сквозь камыши, Где вокруг ни души, По полянам тенистым Мчит к деревьям ветвистым, Их листвой прикрываясь, Меж утёсов петляя, Суетясь, сомневаясь И дорогу теряя. С дном, на солнце прозрачным, Ав тени очень мрачным, Всё бежит, возмущаясь, С шумом в пену сбиваясь, Всё бежит и бежит вперёд, Добегает до поворота, Замедляет свой бег и ждёт: На пути появилось что-то.

Но, дойдя до последней черты И нырнув с большой высоты, Так вода ревёт и клокочет, Будто с кем-то подраться хочет И разбить на реке мосты. Поднимаясь скачками, Опускаясь толчками, Разлетаясь клочками, Берега омывая, Брызги метко швыряя, Всё окрест оглашая, Вращаясь в водовороте, Струясь и резвясь в полёте,

Разбрызгиваясь на излёте, Сотворяя себе на потеху Бесконечно громкое эхо! И опять идя в сраженье – Вид, достойный восхищенья, – Поражая, ошеломляя, Выдавая ну просто душераздирающий звук.

Скучиваясь, выпучиваясь, Замедляясь и убыстряясь, Возмущаясь и сотрясаясь, Вниз бросаясь и разбиваясь, Путь прокладывая не откладывая, То шипя, то хрипя, Резво прыгая, камни двигая, Ударяясь и разлетаясь, Извиваясь, переливаясь, Грохоча, бормоча, Дребезжа и дрожа, Разливаясь и сокрушаясь, Волнуясь, беснуясь, Громоздясь и сердясь, Растекаясь и удаляясь, Расплываясь, не унимаясь, Вспениваясь, накрениваясь, Жужжа и кружа, Замирая и удирая, Продвигаясь, толкаясь, Пузырясь и борясь, Пуская ко дну и вздымая волну, Треща и вереща.

Ослепляя и окропляя, Рёв усиливая, прочь увиливая, То яснея, то тускнея, С лепетом, с трепетом, Вперёд спеша, с трудом дыша, С кряхтеньем и тарахтеньем.

То нырнув, то брыкнув, то мелькнув, То журча, то фырча, то скворча, Расползаясь, вонзаясь, терзаясь, Увлекая, мелькая, сверкая, То шепча, то стуча, то скача, Горячась и дурачась, и прячась, Грохоча, бормоча и урча, И шумя, и гремя, и громя.

Отступая, лавируя, наступая, пульсируя, Спотыкаясь, плутая, запинаясь, блуждая, Продвигаясь, гарцуя, отражаясь, танцуя, Двигаясь, задыхаясь, дрыгаясь, трепыхаясь, Озаряясь и мчась, испаряясь, лучась, Проносясь, прикасаясь, торопясь и бросаясь, Колыхаясь и шлёпая, ударяясь и хлопая, Заплетаясь, вертясь, расплетаясь, крутясь, Пришепётывая и брякая, улепётывая и звякая, Прорываясь, мотаясь, бултыхаясь, болтаясь.

И так, не стихая и не умолкая, Движенье и звук воедино сливая, Всё утопив в оглушительном оре, Вниз устремляются воды в Лодоре.

Перевод с английского Татьяны Лешкевич

Clubix yx nem... &

*T*Савел *U*LAДУР (1913 – 1999)

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

« ... В 1938 году я выехал в Москву, где поступил в Литературный Институт при Союзе Писателей [по рекомендации K. Симонова $]^{1}$. B 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, я был на 3 курсе. С 1-го июля 1941 года я вступил [добровольцем] в Истребительный батальон Советского р-на гор. Москвы. 10-го октября отчислен для продолжения учёбы. В 1941 году поступил на Военный факультет связи Красной Армии при МИИС. В декабре 1942 года окончил Военфак и

получил звание старшего лейтенанта. С февраля 1943 года служил в Действующей Красной Армии [освобождение Мценска, Орла, Варшавы, штурм Берлина, контузия, орден Красной Звезды]...»

01.12.1948

 $^{^{1}}$ Здесь и далее в квадратных скобках уточнено редакцией.

B 1938 roly & line xan & discreby ye noemynere be discreby ye noemynere be discreby ye noemynere be there are be discreby ye noemynere beaute of the property of the merchange of Course of the 2 saysee. C 12 most 1941 role Cohemarion of the role of the merchant of the role of the mention of the role. I have noemynere he boernoon of the role of the member of the property of the mention of general 1942 role occurrent boen of the pochem of the property of the me before the politic of the mention of the politic of the politic of the mention of the politic of the politic of the mention of the politic of the politic of the mention of the politic of the politic of the politic of the politic of the mention of the politic of t

Военный сорок второй

От Ташкента

до Ашхабада Мы подвешивали провода, И курсантская наша бригада Маломощна была,

худа.

Сядет солнце.

Песок остынет.

Ночь короткая холодна. И огромная,

как пустыня,

Над песками висит луна.

и опять

по равнине плоской

Вполусне

и полубреду,

Не снимая когтей монтёрских, Мы бредём

от столба

к столбу.

И никак она

не кончалась – Эта линия на столбах. И улыбка

не получалась На потрескавшихся губах. Нас манили к себе арыки, Караваны

и корабли.

Возникавшие вдруг

таджики

Помогали нам, как могли. Угощали нас виноградом И бараниной полусырой. ...Шел военный сорок второй, Немцы были под Сталинградом.

Полевая почта

I

Вот и кончилась война. Мы разъехались, расстались...

Только горечь

и вина

Пред тобою мне остались. Да живёт ещё во мне, Словно от горящих зданий, Дальний свет воспоминаний Нашей встречи на войне, Нашей дружбы фронтовой, Фронтовое наше лето. Ты – живая,

я – живой...

П

Кружит снег над головой, Ночь крадётся шагом лисьим, И по почте полевой Не дождаться больше писем. Этой почты нет в помине, А девчонка-почтальон, Что ходила в батальон, Подорвалась там на мине. Нет пути для нас

назад

Через водные преграды, Через мины и снаряды – Всё засыпал

снегопад.

Ш

Пошли письмо по почте полевой И я тебе немедленно отвечу, Что я тебя люблю, пока живой, И что надеюсь я

на нашу встречу,
Что вспоминаю много раз на дню
Я с нежностью, которой нет предела,
Что свято фотографию храню,
Ту самую, что с краю обгорела.
Пускай окопы заросли травой,
Пошли письмо,

ведь ты меня любила... Ты помнишь номер почты полевой? Не может быть,

что б ты его забыла.

Германия. 1945

Германия.

Старинный городок. Я прикатил сюда на мотоцикле. Здесь был провинциальный

свой мирок,

Здесь за войну ко многому привыкли: Рабов держать,

посылки получать

Из армии,

с далёкого востока.

Потом привыкли

раненых встречать.

Когда бомбить их начали жестоко, Привыкли на ночь лазить в бункера, Таскать туда нехитрые пожитки, И на узлах молиться до утра, И удивляться, что остались живы. ... А я, пришедший в логово врага И не убитый в той смертельной буре, сидел в пустой ещё комендатуре, — Мне их судьба была недорога. Я должен был решенья принимать И отвыкать от грохота орудий. И я не сразу начал понимать,

просто люди.

Что жизнь опять вступает в колею И не ревут сирены на рассвете. Что просто человечьему жилью Нужны дрова,

Что не враги живут здесь –

чтобы не мёрзли дети.

* * *

И они поднялись в полный рост! Путь в бессмертье стометровый начат... Тот, кто этого не перенес, Не поймет, что это значит. Памятник поставить.

Высечь дату. Пусть он будет до предела прост: Бронзовые русские солдаты На врага поднялись в полный рост.

Жиктор ДГЕЕВ (1924–2014)

Виктор Агеев был командиром взвода тяжёлых миномётов в одиннадцатой гвардейской дивизии одиннадцатой армии третьего Белорусского фронта. Дивизия примечательна тем, что первой пересекла границу Германии по речке Шешупе во время наступления в октябре 1944 года. В 1946 году Виктор Агеев был демобилизован из армии в возрасте 22 лет, получил профессию педагога и впоследствии много лет проработал в сфере образования.

В 2014 году в 15 выпуске «Семейки» был опубликован рассказ Виктора Агеева «Транзит», получивший высокую оценку у наших читателей. К сожалению, вскоре автор ушёл из жизни. Его сын, писатель Вениамин Агеев, любезно предоставил нам отрывок из оставленных фронтовиком рукописей.

B.A.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ...

В тылу и на фронте

В общей сложности я был в армии менее четырёх лет. С конца августа 42-го по февраль 46-го. Из них более года на фронте и почти полтора года в тылу, в запасных частях. Сначала я расскажу о разных воинских частях. Их можно разделить на три категории.

Во-первых, дивизии, расположенные на границах. Это боевые части. Они охраняли границы и были оснащены вооружением и боеприпасами. Я о них почти ничего не знаю.

Во-вторых, штрафные полки. О штрафных мне известно лишь то, что они пополнялись после судов над военнослужащими. Могу сказать о них то же, что и о пограничных частях, – почти ничего не знаю.

А вот об учебных и литерных полках - это уже третья категория – могу рассказать. Учебный полк – часть, в которой призывникам прививают владение какими-то специальностями: пулемётчики, миномётчики, зенитчики, разведчики и так далее. А также готовят младший командный состав – сержантов. Вот в таком учебном полку я пробыл более года. И могу рассказать об этом подробно. Первое знакомство с учебным полком произошло в городе Фергане. Нас с поезда строем привели в казармы. Нам достались старые дореволюционные конюшни. Почему-то мы предполагали, что нам положены кровати с матрацами и так далее или хотя бы нары. Ничего подобного там не было. Нам указали на земляной пол. Каждому – около метра шириной. После чего повели в баню. Когда помылись, стали давать обмундирование б/у – то есть старое, бывшее в употреблении, правда, чистое. С этого момента началось объегоривание новобранцев. Выступил старшина роты. Он объяснил, что вся наша гражданская одежда должна быть положена в мешок. «Если у кого нет, можно получить у меня. Потом мешок нужно зашить. Если у кого нет иголки и нитки, можно получить у меня. Потом каждый на мешок должен пришить белую тряпочку, можно получить у меня. И на тряпочке написать фамилию, имя, отчество, год рождения и фамилию родственников. Приблизительно следующим образом: «Агеев В.И., 1924 года рождения, город Чимкент, Южно-Казахстанская область, улица Краснофлотская, дом №28. Мать – Агеева Татьяна Дмитриевна». По окончании службы вы сможете получить эти вещи сами, а если хотите, мы перешлём их из части по вашим адресам». (Специально для непонятливых – никто из наших родных эти вещи не получил. После сортировки то, что было сдано, пошло на продажу на местную барахолку, а старьё было выброшено на свалку. А мы мочили белые заплатки на мешках и химическими карандашами старательно писали эту ерунду.) Некоторых из нас остригли перед баней, других остригли позже, так что мы выглядели совсем незнакомыми друг для

друга. Первые 2-3 дня мы не особо вникали в то, какую давали еду, ещё было что-то взятое из дома, а уже на четвёртый день почувствовали, что не наедаемся. Причин было две. Первая: нормы продуктов, выделяемые на человека, были недостаточны. Вторая: то, что выдавалось, разворовывалось. Воровали по пути со склада на кухню. Воровали на кухне. А когда пища попадала в ваш котелок, то её могло быть около 80% от положенного, а то и меньше. Постоянный состав учебного полка: сержанты, инструкторы, старшины и так далее были знакомы с поварами, завскладами и не страдали от голода. Многие из них были связаны с местными жителями. Что собой представлял этот самый сержантский состав? В основном службисты. Они всячески старались подчеркнуть свою незаменимость в деле обучения подчинённых. Дело в том, что иногда прямо из учебного полка брали людей в маршевые роты. То есть направляли на фронт. В том числе брали частично и сержантов. А им очень не хотелось расставаться с учебным полком и идти на фронт. Сейчас я вижу – это, пожалуй, были умные люди, поэтому они старались держать железную дисциплину в своих подразделениях, принимая для этого все меры, включая и издевательства над подчинёнными. Например, обучение тому, как отдавать честь старшему по званию. Берётся телеграфный столб, курсант подходит к нему и докладывает: «Товарищ лейтенант, курсант такой-то прибыл по вашему приказанию!» Звучит команда: «Отставить! Повторить снова!» И так в течение часа. Если курсант чем-либо, по мнению сержанта, нарушил правила, его ждёт наказание. Это наряд на работу. После отбоя, когда все легли спать, провинившийся 2–3 часа выполнял какую-то работу. Серьёзные нарушения наказывались гауптвахтой, где солдат мог не получить и без того малую порцию еды. За время пребывания в учебном полку курсанты теряли в весе и ждали, когда им присвоят звание сержанта или специальность, после чего направят в другую часть – или в подобный же учебный полк, или в так называемый литерный полк.

Литерный полк – это часть, где солдаты обучаются военному делу и готовятся к отправке на фронт. Здесь совершенно другая обстановка. Если в учебном полку сержанты и курсанты были чуть ли не врагами, здесь ничего похожего. Мы сразу и не поняли, в чём причина. А вот то, что тут кормили лучше, сразу заметили. Воровали здесь намного меньше. Командиры – как сержанты, так и офицеры – относились к солдатам уважительно. Меньше мата, меньше ненужной обязаловки. «Почему?» – спросите вы. Вскоре до нас, тех, кто пришёл из учебки, дошло. В полку формируют маршевые роты. А в них не только солдаты, но и сержантский, и офицерский состав. Так что если вы попали в эту роту, там могут с вами оказаться и сержанты, и старшие офицеры. Командир, командующий взводом и рота – все вместе идут на фронт. Будете ли вы издеваться над солдатом, с которым вместе идёте воевать?

Меня и некоторых других сослуживцев из учебного полка после получения звания сержанта направили в учебный полк в Бухаре. Здесь обстановка была намного лучше, чем в Фергане. Лучше питание, более свободный режим. Да и всё-таки командир отделения, взвода или полка, раздав задания подчинённым, имеет возможность отдохнуть. Кроме того, мы помнили своё собственное положение во время учёбы в полку, и так не зверствовали и не издевались над солдатами. Легче было нашим солдатам, и легче стало нам. Состав постоянно менялся – одних отправляли в литерные, другие приходили. Новичкам, конечно, объясняли другие солдаты, что мы за люди, и это облегчало нам жизнь.

Месяца через три нас целыми ротами передали в литерный полк, а это означало, что вскоре нас отправят на фронт. Здесь обстановка была тоже другая. Люди старались завязать дружбу с товарищами по взводу, старались найти земляков. Особым уважением пользовались пришедшие из госпиталей фронтовики. Командный состав резко отличался от того, что был в учебных полках. Не было ненужных тренировок, таких как отдание чести телеграфному столбу. Получше питание.

И вот наконец мы пошли в баню, там нас переодели в новое обмундирование, ещё 2–3 дня – и в вагоны. Ехали на северо-запад. И оказались на окраине Белоруссии. Был конец марта 1944 года. Нас раздали по отдельным ротам и поместили в казармы. Большие землянки с железными печками. Печки топились все время. Было в землянках тепло и сыро.

Распорядок дня обычный: подъем, завтрак, политинформация и занятия. Практически не было строевой подготовки. Занятия в основном вели фронтовики, приходившие из части и из госпиталей после ранения.

Когда нас везли на фронт в Белоруссию, поезд пересекал территорию, где происходила Сталинградская битва – катастрофа со множеством убитых, которых не успевали хоронить ни немцы, ни наши. Потери с обеих сторон составили почти миллион человек. Тела разлагались, и даже на следующий год ещё стоял очень сильный трупный запах.

Последние месяцы войны. Восточная Пруссия

Почти два месяца мы в обороне. Пехота укрывается в глубоких окопах и в землянках. Позади и сбоку видны пеньки от спиленных деревьев. Редко где стоит телеграфный столб. Всё использовали для укрытий. На наше счастье, стояла тёплая осень. Вода не замерзала. И вот 13 января 45-го года наступление. Солдаты давно ждали этого дня. Некоторые прямо указывали дату начала наступления по всем известным признакам. Меняли обувь. Выдали новые портянки. Укрепляли оборону. Рыли новые окопы, чтобы обмануть немцев. Напрасно. Каждый день их самолёты летали на большой высоте и видели новые артподразделения, танки, скопления пехоты. Возможно, немцы тоже знали день и час артподготовки. Что-то подозрительно мало они стреляли и пускали ракеты в последнюю ночь перед наступлением.

Так или не так, но 13 января после активной артподготовки наша пехота пошла в наступление и легко взяла первую линию немецкой обороны. На другой день снова артподготовка, прорыв обороны. И мы пошли вперёд. Ещё через день наш полк сменила новая часть. А нас поставили во второй эшелон. Итак, кто-то впереди воюет, а мы спокойненько идём сзади. Слышатся звуки боя. Мы прекращаем движение, отдых. Невдалеке видим небольшое село. Из него давно ушли жители, так что рассчитывать на еду нечего. Солдаты идут туда и возвращаются нагруженные матрацами и пуховыми одеялами. Все на снег, и вот уже некоторые спят. Ездовые тащат вязанки сена и, если повезёт, мешки с овсом. Когда остановка бывает длительная, ломают изгороди, разжигают костры. Старшина отправляет в деревню солдат, чтобы принести дров для кухни. Тут подошло время обеда, а потом снова отдых. Красота! Прямо на ходу вливалось подкрепление. В основном легкораненые из медсанбата.

Так мы двигались под лозунгом «Вперёд на запад!» Но недолго была лафа. Через несколько дней нас поставили в первый эшелон, правда, к нашей радости, противника не было. Изменили направление движения. Пошли на север, к морю. Оказалось, мы уже за Кёнигсбергом. Здесь мы вошли в деревню Маулен. За нею вдоль берега было большое шоссе Кёнигсберг - Данциг - Берлин. Батарею разместили в школьном дворе, а людей – в школе, в двух домах рядом со школой. Естественно, жителей из домов выгнали, а мы пожарили картошку на сале и поели. Был пасмурный день. Мы с моим расчётом нагрели воды, умылись, кое-кто побрился. Разулись, помыли тёплой водой ноги. Кто-то, кажется, старшина, распорядился о карауле, и все устроились спать. Ночью пошёл снег. Ранним утром всех нас разбудили. Оказывается, немцы из Кёнигсберга отогнали нашу пехоту и заняли шоссе. Возникла угроза окружения, и батарее приказали покинуть Маулен. Без особой паники отошли на юг километра на 4 или 5 и остановились в большом дворе фольварка. Фольварк – это сельскохозяйственный двор: конюшня, коровник, какие-то склады с зерном, овсом, стога сена и так далее. Двор окружён кирпичным забором высотою около двух метров.

В батарее имелась одноконная повозка с ездовым казахом Тастайбековым, моим земляком из Тюлькубасского района. Ею доставляли снаряды из пункта боепитания, а также привозили продукты и фураж. Повозка должна была покинуть Маулен вслед за нашим расчётом. Не знаю точно, как называется эта штука, которой завязывают хомут, но в последний момент Хасан обнаружил её порванной. Он вспомнил, что в сарае видел висящий кусок сыромятной кожи. Достал нож и вошёл в сарай. Отрезал полоску. А когда стал выходить во двор, туда въехал немецкий бронетранспортёр с солдатами на борту. Что делать? Он метнулся назад, спрятался в сарае, поднялся на сеновал. Немного погодя немцам привезли еду и кофе. Потом солдаты стали брать сено. Хасан забился – ни жив ни мёртв – в угол. Что стало с его повозкой, он не знал.

Ночью двор охраняли двое часовых. Выйти и скрыться стало невозможно, а днём и вовсе. На вторые сутки Хасан ночью выбрался из сарая. Удалось выйти со двора. К счастью, был сильный снегопад. Вдруг он провалился куда-то, и тут рядом прошёл немецкий патруль. А провалился он в окоп. Его не заметили. Он скукожился и, засыпанный снегом, таился там до следующей ночи.

А наша батарея расположилась отлично: за высоким забором разожгли костёр и при обильном снегопаде устроили посиделки, сочетая приятное с полезным. Героями были самые передовые, самые сознательные бойцы, ездовые. Они ещё в Маулене сорганизовались, нашли продуктовый магазин, закрытый на замок. Вошли в него, разбив витрину, и взяли кое-какую добычу: шнапс, мешок сахара и ящик чая. Больше там ничего не было. Сейчас у костра в чайниках кипятили воду. И всё-то у них, у ездовых, было – в том числе железные чайники. А пока чай не вскипел, разливали по кружкам шнапс, пили его и оценивали качество. Похоже на самогон, но хуже – таково было общее мнение.

«Азнаете, из чего его гонят? – заявил один. – Из свежего говна!» Вспомнили Хасана, ведь уже третий день его нет. Я сидел около костра чуть поодаль на каком-то чурбачке и вдруг услышал: «Биктур!» и рыдания. Это был Хасан. Он прошёл незамеченным мимо немецкой и нашей обороны, миновал батарейных часовых и вышел прямо к костру. Радость наша была неописуемой. А ведь уже была подана сводка – пропал без вести. Утром с ним беседовал офицер Смерша, пытаясь доказать, что Хасан враг и согласился на немецкое предложение вернуться в часть и шпионить. Мне кажется, что особист и сам особенно не верил в это. Несколько дней с нашей стороны не велись боевые действия. По шоссе колоннами шли грузовики. Больше из города. Думаю, уезжали богатые люди и вообще – ушлые, знающие, что будет с городом. А его начали активно бомбить – и наши, и англичане. Люфт-мины 500-1000 килограммов.

Позже, когда я работал в Тюлькубасском районе, я у знакомых учителей-казахов пытался выяснить, не рассказывал ли кто из вернувшихся фронтовиков эту историю и что случилось с Хасаном, но никто ничего не слышал. А сам Хасан в последующих боях был ранен и отправлен в госпиталь, и мы тоже больше о нем ничего не знали. В фольварке мы блаженствовали три дня, а затем полк получил приказ занять Маулен, перерезать дорогу, выйти к морю. После артподготовки мы вошли в Маулен. Жителей там уже не было. Меня перевели в отделение управления связи. Так я стал телефонистом на наблюдательном пункте. Батарея понесла большие потери. Половина личного состава была ранена. И несколько человек были убиты. Наш наблюдательный пункт расположился на краю деревни. Полуразбитый дом, целый на немецкую сторону, с окном на чердаке. Там и находился наблюдатель. С другой стороны дома стена разрушена, дыра в проломе в подвал. Туда принесли постель, матрац и одеяло, так что не мёрзли. Провод-нитка шёл в подвал. Там стоял один телефон, а другой – на чердаке. Дом и подвал хорошо защищали от немецкого обстрела. Наша пехота была примерно в трёхстах метрах от наблюдательного пункта. Ещё 400 метров – и нейтральная полоса. А за ней немецкие окопы. Кипяток и еду приносили ночью.

Расскажу про работу телефониста. Сидит он или лежит с привязанной на голове трубкой. И время от времени бормочет: «Фиалка, я Незабудка. Как слышно меня? Прием!» – «Я Незабудка. Слышу тебя хорошо. СК (связи конец)». А часто бывает, что ответа нет. Это означает, что где-то порыв. Ждём ночи. Днём работать нельзя. Место, куда тянется провод, под прямым обстрелом с немецкой стороны. Вылазишь из подвала – на тебе катушка с проводом, телефон и два колышка. Идёшь по проводу, держишь его в руке. А вот и порыв. Вбиваешь колышек, привязываешь к нему конец провода. Присоединяешь к нему телефон и вызываешь Фиалку. При ответе ищешь оборванный второй конец, вбиваешь второй колышек и вызываешь батарею. Батарея ответила – теперь соединяешь провода. Можно возвращаться на наблюдательный пункт. Все это происходит в темноте, а когда становится светло от ракет, падаешь на землю и лежишь неподвижно, чтобы тебя не подстрелили.

Утром – обстрел наших позиций. Немцы прут. Как писал великий Мао: «Если враг наступает, мы отступаем». Оставляем Маулен. Через два дня артобстрел деревни с нашей стороны. Входим в Маулен. Так повторяется два раза. Деревня полностью разрушена, а по шоссе идут автомобили. Там и тут лежат трупы наших и немецких солдат. Их похоронили только через месяц.

Я участвовал в боях за Белоруссию. В боях по освобождению Литвы. В первых боях за Восточную Пруссию. Но таких тяжёлых боев, как на этом небольшом участке фронта, никогда нигде не видел. Не было танков. Не действовала авиация. Как только немцы освободят дорогу, начинается активный выезд из города автомашин. Видимо, им надо было вывезти из города важных лиц, какие-то грузы. Сколько людей погибло здесь! А сколько было ранено! Два случая запомнились мне на всю оставшуюся жизнь. Один раз увидел лежащего на спине уби-

того солдата. Большим осколком у него сорвало грудь, так что видны были сердце, лёгкие и другие внутренности. Другой случай. Как-то ранним утром метрах в 15 от подвала остановился капитан и что-то спрашивал у нас. Вдруг он исчез. Прямое попадание мины. Остался лишь сапог с остатком ноги...

В боях в полку проводили тотальную мобилизацию. Из трёх батальонов сделали один. Ликвидировали хозвзвод и другие мелкие подразделения. К нам попали штабной парикмахер и повар, комсостава штаба. Повар придумал идеальное по его разумению убежище. Подвешивал в колодце доску на верёвках и опускался вниз. И вот – прямое попадание мины непосредственно в колодец, а мы на наблюдательном пункте даже не успели узнать, как его зовут. Через некоторое время наш обессиленный полк сменили ночью на свежую часть. Впрочем, немцы больше не предпринимали атак в этом направлении.

Снова вместе с пехотой пошли на юг, затем на восток и на север. Мы были настолько измотаны, что засыпали на ходу, и это не метафора. Нам дали небольшой участок фронта на восток от Кёнигсберга.

Оборона на востоке от города

Под утро пришли на новое место, сменили какую-то часть. Утром огляделись – благодать! Всё готово. Окопы, наблюдательные пункты, огневые позиции для батареи. Оборона была никакой – метрах в ста друг от друга стояли наши солдатики. Позже выяснилось, что и немецкая почти такая же. Мы ещё не знали, что главной обороной были окружающие город форты. Тишина. Днём вообще никто не стреляет, солдаты перекликаются: «Эй, фриц, война капут?» – «Капут, капут!» – «Гитлер капут?» – «Капут, капут!»

Братья-славяне с осторожностью вылезают из окопа на бруствер погреться на солнышке. Но эту идиллическую картину в одночасье и навсегда нарушил какой-то высокий чин, оказав-

шийся в наших окопах. Выругав наших солдат, дал очередь из пулемёта по немцам. Несколько дней мы отсыпались и отъедались. Единственный трофей, который ездовые вывезли из фольварка, были четыре мешка фасоли. Меня и ещё двух солдат отправили в командировку в тыл за продовольствием. Покинутая жителями деревушка была в десяти километрах от фронта. А на другой день мы узнали, что из нас хотят сделать радистов батареи. Неделю учили работать на радиостанции А-7-А. Связь была голосовая. Дали позывные и диапазоны. Батарея «Кирпич», наблюдательный пункт – «Камень». Дали длины волн и позывные ещё пяти респондентов. Штаб полка, штаб батальона, командующий артиллерией, склад боепитания, соседняя батарея. Записывать не разрешалось. Нужно было запоминать. Так в батарее появились радисты. Жили мы почти в мирных условиях. Жили в домах, топили печи. Подвозили боекомплект, получали пополнение. Наш старшина Логинов Алексей Андреевич с большим послужным списком (в Польше – освобождение, в Финляндии – обеспечение обороны Ленинграда, а также Москва, Сталинград, Белоруссия и т.д.) проявил инициативу, за которую ему стоило бы присвоить звание героя. Он нашёл здоровенный деревянный сарай, его разобрали и вновь собрали на берегу ручья, сделав из него баню. На все это понадобилась одна неделя. И была у нас баня с горячей водой. И был котёл, и камни для пара, и полка париться, и окно для свежего воздуха. Набрали в баню тазов и вёдер. Первыми помылись самые передовые строители и ездовые со старшиной. Потом офицеры нашей и соседней батареи. А потом и остальные. Пришло пополнение, их тоже помыли. Потом баню передали в хозвзвод. А старшина стал знаменитостью дивизии. Жить в тепле, раздеваясь на ночь, есть досыта, мыться в бане – мечта, ставшая явью. В таких райских условиях мы прожили почти весь март.

До этого почти год отдых и сон – на свежем воздухе, на земле, в лучшем случае в землянке. Конечно, простужались. Ходили в чирьях, с высокой температурой, но никого из-за этого не

посылали в госпиталь. Когда я читаю или вижу в кино, как солдату дают отпуск на две недели для того, чтобы он поправился, я всегда думаю – зачем эта ложь? Таков и миф о фронтовых 100 граммах. Может быть, их когда-то кому-то и выдавали, но я этого за всё время в армии не видел ни разу.

Кёнигсберг. Подготовка и штурм

Слабенькая на вид оборона города порождала уверенность в будущих лёгких победах. Мы, солдаты, не знали, что главная защита города - это форты. Прямо против нас находился форт Шарлотта. После того как город был взят, мы смогли познакомиться с архитектурой фортов. Форты - это трёхэтажные сооружения. Верхний этаж – боевой. Пулемёты и пушки против щелей, а также наблюдательные посты. Второй этаж - казарма, столовая, медицинский пост, командный пункт, связь. Нижний этаж – склады вооружения, продуктов, кухня, электрогенератор. В общем, долговременная огневая точка. Форты связаны друг с другом подземными ходами. Вход в форт замаскированный. Имеются огневые точки со всех сторон. Пути отхода от форта – под землёй. Направления стрельбы из форта сделаны таким образом, что создают перед фортом мёртвую зону. Во второй половине марта 1945 года жизнь стала хуже. Пищевые трофеи - сахар, фасоль - уже доели. Перешли на наркомовский паек. Все несли караульную службу. Немцы стали воровать братьев-славян и с передовой, и из тыловых служб. Хорошо хоть, что не бомбили.

Наша территория немцами активно обстреливалась. Пришлось кухню и лошадей отправлять дальше в тыл. Солдатская почта уверенно утверждала – 1 апреля начнётся штурм. Она ошиблась на три дня. Штурм начался в конце марта. Недалеко от нашей батареи расположилась тяжёлая гаубичная и стала бить по форту. По-видимому, без толку, поскольку вскоре она уехала.

Наконец меня послали как радиста с рацией на НП (наблюдательный пункт). Я вырыл личную индивидуальную нору глубиной чуть ли не два метра. Установил первую радиосвязь «Кирпич» - «Камень». До этого мне приходилось видеть несколько артподготовок, но артподготовка при штурме Кёнигсберга в корне отличалась от тех. Несколько дней вёлся мощный огонь в глубину обороны – и артиллерийский, и миномётный. А по переднему краю противника и по фортам били тяжёлые пушки. Ежедневно бомбили. Потом мы узнали, что целью такой обработки было сделать форты слепыми. То есть взрывами тяжёлых снарядов и авиабомб переместить землю перед фортами таким образом, чтобы земля закрыла щели видимости и амбразуры. Бомбили не все форты, а только два расположенные рядом. Образовалась полоса, в которой взрывами уничтожили мины, а форты уже не могли вести огонь по наступающим танкам и пехоте. Конечно, эта территория обстреливалась пушками из Кёнигсберга, но пушки не в состоянии были вести огонь по прямой наводке. В один из таких коридоров и вошёл наш полк. И вскоре начались уличные бои.

С начала штурма и до самого конца я был радистом на наблюдательном пункте. Помню, как ночью пришлось переходить по мосту через реку Брегель. Мост немцы пытались взорвать, и только в середине что-то не сработало. С нашей стороны он опустился метра на два, а с другой стороны немного поднялся. И получилось что-то вроде лестницы из железной арматуры, по которой мы – старший лейтенант, его ординарец, два сержанта (батарейные разведчики) и я, радист – в темноте ощупью перелазили на другой берег.

Батарея осталась перед мостом и была там до конца штурма. Стреляли по команде с наблюдательного пункта. Перед боем с офицерами пехоты и танкистами проводился специальный инструктаж. Никакого танкового прорыва не было. Осторожно выдвигалась пехота. Если её обстреливали из домов, пехота возвращалась назад. После этого в дело вступали

танки и самоходные пушки и били по дому – от чердака до подвалов, пока из окон и балконов не вывешивали белые простыни или полотенца. Поэтому потери в полку были небольшие, и вскоре немцы сдались. Пленных насчитали 90 000. Говорили, что некоторые форты не сдавались, и сопротивлявшихся выжигали огнемётами. После окончания штурма наши войска немедленно вывели из города. Войска – это те, которые воевали. И ввели части Смерша, якобы пограничников. Наш полк отправили в гавань, к крепости Пилау.

Вскоре гарнизон крепости сдался. Мы остановились около пристани. На земле было набросано много различного барахла. Автоматы, противогазы, радиостанции, пистолеты, вещмешки. Последнее нас интересовало больше всего – нет ли там чего съедобного. А вот какой-то молодой солдатик засунул за пояс пистолеты. Кто-то показал ему, как стрелять из вальтера. Тот начал стрелять. Бух! Бух! – в воду. Вдруг стало тихо. К пристани подходила группа высших офицеров – полковники, генералы. И один очень высокий чин – сам Рокоссовский. Что делает толпа солдат в подобных случаях? Правильно. Солдаты быстренько отходят подальше от высших чинов. Так и мы – скорее отошли от этого золотопогонного общества. И только молодой солдатик взял очередной пистолет и продолжал стрелять, пока к нему не приблизился майор из свиты Рокоссовского: «Брось в воду! Пошёл вон, дурак!»

Несколько дней мы были в Пилау. В боях за этот форт выбило глаз командиру батареи. Прислали нового. И вместе с ним денщика. Примечательный факт: капитан никогда не был в боях, прокантовался всю войну в Москве, в каком-то штабе. С января начали заполнять вакантные офицерские должности. Не подумайте, что выпускниками офицерских училищ. Нет. Капитанами, майорами, подполковниками. Удивляются солдаты! На должность командира роты ставят майора. Командиром батальона назначают подполковника. И так далее. Почему? Потому что почуяли конец войны, вот и объявились добровольцы.

Ещё через несколько дней вспомнили наши командиры, что на Куршской косе есть немецкое войско и решили эту косу захватить. Там и какая-то наша часть была на самом хвосте косы. Коса – длинный полуостров, ширина от 200 метров до нескольких километров. Песок, лес. Несколько домиков. Ту часть, которая была на хвосте, решили отвести на отдых. А наш полк погрузили на небольшие корабли и высадили на косу. Немцев там было очень мало. А нас после пополнения – очень много. Но вот пополнение как бы обученное, да только очень ушлое. Не пацаны, а взрослые дядьки, здравомыслящие – знают, что война не сегодня завтра закончится. Зачем они пойдут на немецкие окопы? Кто-то больно умный решил начать первый бой ночью. Пробежали метров двести и залегли под кустами. Так потом и наступали – километра три за день. Хорошо, что и у немцев не было активности. А то бы они там всех положили.

Ночь с 29 на 30 апреля 1945 года. Редкий миномётный огонь. После разрывов я почувствовал какой-то удар. Но боли нет. У меня на спине рация. Осколок попал в её нижнюю часть. Покалечил все железяки и застрял в деревянном корпусе в пяти сантиметрах от спины. Так моя рация меня спасла.

Сергей САТИН (1953-2019)

УШЁЛ ТАЛАНТЛИВЫЙ И ДЕРЗКИЙ

Умер поэт Сергей Сатин.

Из нашей ватаги молодых авторов, которая лет сорок назад взялась штурмовать высоты юмористики, ему везло больше других. Одним из первых издал книжку, попал на работу в престижный отдел сатиры Всесоюзного радио... Впрочем, почему ж «везло»?.. Судьба наградила его тонким чувством юмора и ярким поэтическим даром. Не напрасно общий друг Андрей Мурай сочинил в те годы эпиграмму, в которой для колорита присутствовал «таракан-усатина» и имелся совет «если с рифмой не в ладу, поучись у Сатина».

Сергей пришёл в «литературку» на рубеже веков — мы вместе делали приложение — газету «12 стульев». Сатин немногословно и добродушно общался с поэтами, восторгался талантами, восклицая: «Умеет же, собака!», а в ответ на особо удачные строчки мог простонать: «Да что ж ты со мной делаешь-то, душу рвёшь!». Как редактор он восхищался и упорством подопечных графоманов, читал нам в «Клубе 12 стульев» их вирши нараспев. И видно, что по-своему завидовал: плохие стихи — это единственное на свете, чего он никак не умел писать. Все остальные поэтические жанры ему были подвластны. А если появлялась тема, но не подходил ни один жанр, Серёжка его изобретал «под себя». Придумал, например, «слухи в виде лимериков»... Над собою иронизировал: «Я стою среди коз и берёз, плодовитый и дерзкий, как вирус».

В 1993 году «плодовитый и дерзкий» стал лауреатом премии «Золотой телёнок», потом ему вручили малого «Золотого Остапа» на самом престижном фестивале. У Сатина (это псевдоним Сергея Орлова) тогда была самая маленькая машина, однажды он повез нас с Мураём под Смоленск на свою небольшую дачку с миниатюрными грядками, что на берегу Днепра, настоящего — только тоже маленького. Мы швыряли камешки, попадавшие аж на другой берег, и смеялись над редкими птицами, которые, как известно, могли долететь лишь до середины Днепра.

И вот из этого своего маленького мира, где поэзия и семья, Сергей стремился в мир большой. Читал свои «сатинизмы» всюду, куда приглашали, от Елеонской горы до Уральского хребта. Мог в конце недели

притащить велосипед, и прямо из «Клуба ДС» уехать на нём аж на Грушинский фестиваль. Мог явиться из отпуска и вдруг рассыпать перед нами фотографии на фоне Эвереста. «Ты видел шерпов!» – ахали в «Клубе». А я думал: «Эверест видел Сатина!»

И всё равно ему не хватало ни времени, ни пространства, ни готовой истории. Второй раз появившись в ЛГ несколько лет назад в качестве администратора 16-й полосы, Сатин уже слыл автором частушек народов мира, новой истории государства Российского в частушках, Всемирной истории в частушках. Много иронизировал по поводу космоса и вечности...

А перед глазами — всё равно его любимая машинка, небольшая дачка возле маленькой реки... Сатин однажды написал: «Здесь люблю я творить поутру. Здесь люблю я бродить вечерами. Здесь когда-нибудь я и умру. Здесь, заметьте, умру — не в Майами». Так и случилось в 66 лет — именно там, на берегу пруда возле дачи.

Теперь у Серёжки нет ни времён, ни границ — вся Вселенная! От маленького Днепра с аистом, живущим на столбе, до далёкой звезды Альтаир, которая летит «тихо в пространстве пыля»... Наверное, «пылит» прекрасными стихами.

Евгений ОБУХОВ, 4-й главный администратор «Клуба ДС» (1999–2005)

ПОКА ЗВУЧАТ СТИХИ...

О его смерти я узнал с опозданием. Осенью поэт Нара Фоминская прислала ссылку на Всероссийский юмористический фестиваль «Ерш 2019», где друзья и коллеги устроили его вечер — «Час Сатина». Именно его вечер, а не вечер его памяти... Как это здорово и правильно, ведь пока звучат стихи поэта — он жив. Я, кроме понятного восхищения искрометным талантом Сергея Сатина, благодарен ему ещё и как администратору 16-й полосы «ЛГ». После получения мной в 2017 году «Малого Ерша» он возобновил в литературке (прерванные много лет назад) публикации моих стишков. Об их появлении в очередном номере Сергей всегда сообщал письменно, что было по-особому приятно. Однажды в середине лета я задал ему по электронке какой-то вопрос и, не получив ответа, решил, что письмо ушло в спам. Оказалось, ушёл он. Жалко очень. И тоже не хочется верить. Впрочем, пока звучат стихи поэта...

Владимир АВЦЕН

Меланхолическое

Когда умрет мой старый кот (а будем все мы там), он в рай кошачий попадет, подобно всем котам.

Чудесен мир кошачьих грез! Волшебен райский сад! Там даже Дедушка Мороз усат и полосат.

От пуза «Вискас» там едят, покой там и уют. И стайки беленьких котят над головой снуют.

Пищат в траве мышей стада. Их рай – чуть дальше, но по старой памяти сюда их тянет все равно.

А грызть начнет тоска – придет к реке забвенья кот и валерьянки грамм пятьсот для тонуса лакнет.

И будет он на небесах супругом многих жен, чего внизу – увы и ах! – злодейски был лишен...

Теченье осеней и зим и шелестенье лет. А там когда-нибудь за ним и я отправлюсь вслед. Не в курсе местных процедур, растерян и смущен:

- Привет! скажу. Ты прям Амур...
- Амур-р-р, мурлыкнет он.

– Ну что, – мурлыкнет он, – пойдем? Хоть этот свет, хоть тот – а первым пусть в твой новый дом на счастье кот войдет.

САТИНИЗМЫ

Одностишия

Естественный отбор – а шуму, шуму!.. Ямб, амфибрахий... Лирика все это!.. Да, скифы мы. Не местные, короче... А в антимире есть антисемиты?.. Да, сила в правде. Правда, не всегда...

Орнитологическое хокку

Мятый червонец Нашел воробей во дворе. «Чирик!» – кричит.

Энтомологическое хокку

Бабочку я ночную Подобрал, обогрел. Как полегчал бумажник!

Частушки народов мира

Ой, тамтам, ты мой тамтам, старая хреновина! Сбацать что ли на ночь нам «Лунную» Бетховена?

С батей мы на Фудзияму как-то вздумали залезть. Я сто раз япону маму помянул, а он – сто шесть.

Частушки-футурушки

Милый служит на Луне. Я слежу за ним извне в очень мощный телескоп, не гулял налево чтоб.

Брат по разуму меня нынче клеил у плетня. Я сказала: «Нет, родной! Не положено с родней».

Слухи в виде лимериков

Говорят, Гончарова Ивана как-то дома согнали с дивана. Вроде, полный облом – но за выпуклым лбом вдруг сверкнула идея романа.

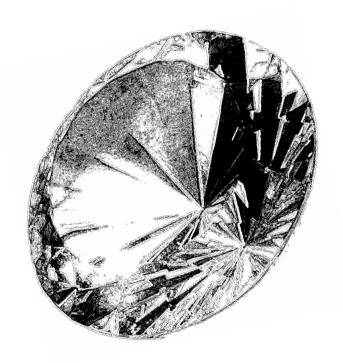
Говорят, литератор Толстой был наивный и очень простой. Тащат бабы ребят: «Это твой», – говорят; он и этой даст денег, и той...

Неизвестные рубаи Омара Хайяма

Очень Дании роль в нашей жизни важна, Мерой площади служит в России она. Сорок Даний – Якутия, двадцать – Чукотка... Эк тебя разнесло-то, родная страна.

Все там будем. Уверен процентов на сто. Отвертеться, увы, не сумеет никто. Да, конечно же, смерть неприятность большая – Но последняя самая в жизни зато.

Möd u naamehb

Ирина АНАСТАСИАДИ:

О ДЕСЯТОЙ МУЗЕ И МНОГОМ ДРУГОМ

Серьёзное интервью с легкомысленными вопросами и лирическими отступлениями

Ирина Анастасиади (Ирина Константиновна Цотадзе) — писатель, переводчик, публицист, учредитель и главный редактор журнала «9 Муз», член Международного Сообщества Писательских Союзов и других союзов писателей. Учредитель и президент Международного Творческого фестиваля в Греции «Визит к Музам», учредитель Международного форума писателей и Международного форума скульпторов, учредитель Международного творческого конкурса «Гомер».

- Mрина, мы с тобой заочно знакомы почти пятнадцать лет. С того времени, когда в нескольких альманахах «Семейка» появились твои колоритные рассказы «Неисправимый романтик», «Виктория - значит победа» и подборка белых стихов. На тот момент ты уже была известным в Греции журналистом, автором книг прозы «Рог нимфы Адрастеи» и «Любовь - как цветок на асфальте». Встретившись во время твоего фестиваля «Визит к Музам», мы на правах старых знакомых перешли на «ты», что помогло мне вести с тобой непринуждённую беседу. Первым делом я хотел услышать о твоих новых книгах. Но оказалось, их нет... Я высоко ценю твой фантастический организаторский талант и даже считаю, что древние греки чего-то не додумали: наверняка на Парнасе должна была быть ещё и десятая муза - Муза-организатор. Мне кажется, я даже знаю её имя. И всё же, и всё же... Для меня ты прежде всего интересный писатель. Обидно, если эта десятая муза мешает твоему творчеству.
- Володенька, спасибо за десятую музу. Но Ирини богиня мира, и ей трудно совмещать также и обязанности Музы-ор-

ганизатора. Именно поэтому директор-организатор нашего фестиваля – вовсе не я, а мой муж – Тасос Анастасиадис. Международным творческим конкурсом «Гомер» занимаются редакторы журнала «9 Муз» и члены жюри во главе с Николаем Черкашиным, редакторы журнала «9 Муз»: Микола Тютюнник, Владимир Спектор, Наталия Морозова-Мавроди, Владимир Эйснер, Людмила (Ника) Черкашина, и Ольга Цотадзе, которым я за их труд безмерно благодарна. Тогда как я – только научный руководитель фестиваля.

- Из нашей давней переписки запомнились твоё настороженное отношение к интернету и компьютеру и твоя уверенность в том, что писатель должен писать исключительно авторучкой. Сегодня ты не чураешься современной техники, публикуешь в эфире популярный интернет-журнал, у тебя огромная аудитория на Facebook. Слава богу, как выясняется, даже при твоей фантастической загружённости, Музы не оставляют тебя. Ты много пишешь. Но неужели до сих пор авторучкой?
- Что ты мне напомнил, Володя! Пятнадцать лет назад я действительно так считала... Блаженное заблуждение! Со временем я поняла, что всему своё время. Время писать пером, время мусолить авторучку, время печатать на машинке. Ну а сейчас время набирать текст на компьютере. Писатель должен... нет, не идти в ногу со временем, а опережать его. С тяжёлым чувством должна признать: не все понимают эту простую истину. Поясню: система WordPress, на которой «выходит в эфир» наш интернет-журнал «9 Муз», работает только с определёнными файлами, определённого размера и определённого качества, о чём наши авторы знают. Но примерно половина из 500 наших авторов, присылая свои материалы, эти правила нарушают. Каждый такой текст отнимает у меня кучу времени. В память о своих былых заблуждениях я делаю поблажку таким авторам. Самой же мне всё время приходится учиться новому. Что советую делать всем.

В противном случае велика опасность, что в наш компьютеризированный век технически подкованные бездари потеснят людей талантливых. Что нередко и происходит – ведь неграмотно оформленные тексты многие редакторы попросту не рассматривают...

- И ещё один вопрос на ту же тему. Есть мнение, что Ното sapiens как раз из-за этой повсеместной компьютеризации потихоньку деградирует. На одном из КВН процесс обратной эволюции был довольно зло представлен примерно так: человек, обезьяна, пресмыкающееся, червь, Петросян, амёба... Шутки шутками, но как ты думаешь: таится здесь реальная опасность или слухи о близкой кончине человечества сильно преувеличены?
- Ты говоришь о деградации Homo sapiens... Но, по мнению учёных, мы сегодня уже не Человек разумный как вид. Я бы назвала этот новый вид Человек Играющий (Homo Ludens). Ведь нам постоянно нужен советчик: что есть, что пить, какую сеть в компьютере использовать... Хотим ли мы этого или нет, зависимость от компьютера существует. Мы всё больше и больше зависим от системы. Подчиняемся её канонам. Учимся мыслить как рабы системы. Это всё действительно опасно. Но одновременно компьютер – друг для тех, кто хочет пополнять свои знания. Помню, как трудно было написать научную статью ещё пятнадцать лет назад. Мы зарывались в библиотеках среди тяжёлых томов чужой мудрости и листали их до умопомрачения. Сегодня в интернет-пространстве можно найти уйму нужного материала. Взглянуть на любую проблему с разных сторон. Так что конец света, конечно, от компьютера не придёт. Впрочем, я не Кассандра...
- Хочется верить, что Человек Играющий не заиграется... Но я ведь почему ещё тебя об этом спросил? Недавно ты написала роман с настораживающим названием «Три безумных недели до конца света». Он печатался в «9 Музах», каюсь, весь роман до

сих пор не прочёл. Отложил, как это бывает, на потом, позабыв японскую мудрость: «на крыльях завтра приходит никогда». Обещаю исправиться. А ты пока расскажи нашему читателю немного о нём. Но сначала о том, как случилось, что ты, автор малой прозы, вдруг задумала написать роман?

- Это было и для меня самой неожиданное решение. Накипело! Роман, в котором действие происходит в «чудесной» стране Хватляндии, изначально задумывался как сатирический ответ на реальные события в Греции, но получился он беспощадней, злей и обобщённей, чем я ожидала сама. Можно было написать, например, о том, «как обокрасть прекрасную страну Хватляндию и выйти сухим из воды», но тогда это было бы не комедией, а политическим путеводителем для пройдох всех рангов. Или о том, «как погубить планету в одночасье», но тогда он превратился бы в трагедию на манер пьес Эсхила – потому что, во-первых, нынешний век многие считают последним в истории человечества, а во-вторых, потому что люди разрушают планету год за годом всё с большим энтузиазмом. Книгу можно было бы с лёгкостью назвать «А всё-таки она вертится!», и она бы сухо поведала о нелёгкой судьбе учёных-первопроходцев, но тогда читателю пришлось бы пролить немало горьких слёз по их несчастной судьбе. Подошло бы и название «Как плести интриги в домашних условиях», и в светских кулуарах она могла бы послужить учебником... Но, так или иначе, книга сама собой сложилась в сатирический роман «Три безумных недели до конца света». Так ей, видно, удобнее всего было существовать.

О чём роман? Скажу в двух словах. Жил-был в славной стране Хватляндии на планете Зигзаг в 3012 году гениальный учёный Диагор. Был он богат, талантлив, женат. Любил ту, которую считал подругой. Помогал тому, кого считал другом. Но был предан обоими. И жизнь его превратилась в ад. А вместе с ним и жизнь всей славной страны Хватляндии, хотя эти два

события и не были связаны напрямую. Когда страна попала в беду, то власть имущие возложили миссию по спасению страны на Диагора, отчего учёный не пришёл в восторг... Чем всё закончилось, не скажу. А вот вывод, к которому я сама пришла, написав роман-откровение, озвучу. Нельзя забывать о бомбе замедленного действия, которая помещена под твоим стулом, только потому, что она ещё не взорвалась.

- Ну а теперь настало время поговорить о твоём фестивале. Фестивали дело хлопотное, нервное, нередко со взаимными обидами организаторов и участников. Я видел, как ты все дни этого фестиваля больная, с высокой температурой, руководила заседаниями, присутствовала на чтениях, ездила на экскурсии, карабкалась на горы, лазила в холоднющую Зевсову пещеру. Перефразируя Маяковского, если фестивали проводят, значит, это кому-то нужно. Например, нам, их участникам. А тебе это зачем?
- На свете существует множество писательских форумов. И каждый из них преследует какую-то свою цель. И все они нужны. Коль скоро существует их великое множество. Но, конечно, мы совсем необычный форум. Мы собираемся, делимся теми знаниями, которые успели собрать за год объявленной темы. Выслушиваем и вникаем в то, как каждый участник трактует загадки тысячелетней давности. Постигаем тайны истории мира и религии.

Мне всегда казалось важным иметь на Земле место, где бы писатели смогли свободно общаться, задавать вопросы и пытались найти на них ответы. Было бы глупо предполагать, будто культура существует для того лишь, чтобы мы водили вокруг неё хороводы. Каждый из нас владеет частицей Культуры: и тот, кто говорит «да», и тот, кто говорит «нет». Но в людях больше истины, чем в словах. И об этом следует помнить. Международный творческий фестиваль собрал вокруг себя авторов разных взглядов. Среди них – множество учёных.

Делиться своими мыслями – разве это не прекрасно? Давать пищу уму. Искать новые идеи для творчества. Пополнять свои знания о прошлом и настоящем.

Первые форумы писателей на Тиносе уделяли большое внимание русскому культурному наследию в Греции. Мне также казалось важным познакомить коллег с традициями античной и современной Греции и с её творческим и научным наследием, свести их с писателями и учёными Греции.

В 2016 году мы провели первый Международный рабочий форум скульпторов, который возглавил Янис Струпулис, известный скульптор Латвии и академик Академии науки и искусства Латвии. С ним бок о бок работали выдающиеся скульпторы: Алгирдас Боссас (Литва), Станислав Нечволодов (Эстония) и Поль Хьюбрехт (Бельгия). Надо отметить, что Алгирдас Боссас считается одним из трёх значимых скульпторов-монументалистов мира. А вот Поль Хьюбрехт является организатором Международного симпозиума скульпторов в Бельгии. Гости работали в мастерских тиносских скульпторов: Ламброса Диамантополуса, Антониоса и Янниса Хондроянниса и Макиса Тригониса.

Идея симпозиума скульпторов давно жила в моём уме. Дело в том, что Тинос с античных времён занимает в истории Греции особое место. Кроме того, что он более трёх тысяч лет является Священным островом, островом Очищения и Просвещения. Он также является родиной всех самых гениальных художников и скульпторов Греции. Знаменитейшие художники и скульпторы Греции ведут своё происхождение именно с Тиноса. Яннулис Халепас, Николаос Гизис, Никифорос Литрас, Димитрис Филлипусис, Лазарос Сохос и Андониос Сохос, Николаос Контогеоргис, Яннис Гаитис – дети Тиноса. И мне приятно объявить, что в 2016 году ЮНЕСКО объявил Тинос музеем под открытым небом.

С годами пришли новые идеи. И мы стали уделять огромное значение Знанию древнего мира. Мы задаёмся извечными вопросами человечества. Пытаемся найти им своё

объяснение. Изучаем историю человечества. Но не отстранённо, а анализируя древние тексты и исследуя древние артефакты.

В этом смысле очень сильно пополнил наши знания фестиваль «По следам Аргонавтов» 2018 года, который прошёл в Грузии при содействии Ассоциации «Диалог Культур–ХХІ» (президент – Валерий Асатиани, бывший министр культуры Грузии, профессор, доктор классической филологии и византинистики Тбилисского Государственного Университета им. Иванэ Джавахишвили).

Анализируя фрагменты из поэмы Орфея «Аргонавтика», а также восстановленный её вариант Аполлония Родосского, мы прошли по следам Аргонавтов, посетили Древнюю Колхиду, изучили различные переводы «Аргонавтики», посетили древние города, изучили артефакты, непосредственно связанные с этим историческим событием.

В 2019 году мы в рамках нового фестиваля посетили Кносский дворец – лабиринт по своей сущности. Изучили его историю, увидели следы построек более древней, чем Миносская, цивилизации. Несколько раз побывали в Археологическом музее Ираклиона, где собраны в огромном количестве загадочные артефакты разных периодов, как известных нам, так и потерявшихся на долгие века со шкалы Времени. Изучили другие древние города Критской цивилизации.

А кроме всего этого, в сотрудничестве с Благотворительным фондом «Архе» (президент – Дмитрий Михалевский, член-корреспондент РАЕН, доктор философии Российского Государственного социального университета, писатель, философ, инженер-радиофизик) мы предложили участниками нашего форума, кроме основной задачи собрать информацию научного, исторического, археологического, литературного и философского подхода к проблеме лабиринта, также разработать совместную культурную развивающую и обучающую программу, которая должна стать своеобразным трансформатором личности.

Глубоко развил тему лабиринта Николай Черкашин (председатель жюри Международного творческого конкурса «Гомер», известнейший историк, журналист и писатель-маринист, автор исторических расследований, советский офицер-подводник, председатель международного фонда «Родословие Пушкина»). Оригинально и своеобразно рассмотрели тему лабиринтов и пещер Людмила Зубанова (директор Уральского института культурной политики и проектного менеджмента при Челябинском государственном институте культуры, доктор культурологии, профессор) совместно с Натальей Зыховской (профессор кафедры русского языка и литературы, доктор филологических наук, доцент). В лабиринт человеческих взаимоотношений ввела нас Лариса Черкашина (писатель, историк, сценарист документальных фильмов, член Союза писателей России и Всероссийского Пушкинского общества, вице-президент Международного Пушкинского клуба).

Мы получили множество разработок, способствующих возвращению человечества в лоно культуры на основе знаний, аккумулированных Древней Грецией и составивших основу развития Европейской цивилизации. Мы с Димой Михалевским убеждены в необходимости выработки новой мировоззренческой парадигмы как альтернативы разрушительной идеологии современности. Основу этой программы составит синтез: опыт воспитания человека в Древней Греции с современным подходом. В этом году мы практически сформировали критическую массу творческих людей и идей, способную запустить подобный процесс.

Не знаю, ответила ли я на твой вопрос: зачем фестивали мне?

– Более чем... Ирина, я обратился к участникам фестиваля «Визит к Музам 2019» с просьбой прислать свои отзывы о нём и вопросы к тебе. Привожу некоторые из них.

Елена Ханен:

- Перед тем как задать мой вопрос, хочу поблагодарить Ирину Анастасиади. Фестиваль был замечательный! Эта неделя на волшебном острове Крит с удивительными экскурсиями останется в моих воспоминаниях как яркая, насыщенная впечатлениями и, конечно, знакомством с интересными людьми!

А теперь вопросы. Верно ли, что в каждом мифе есть доля мифа? Несомненно, многие легенды имеют реальную основу, но многое было и нафантазировано. Можно ли рассматривать мифологию как источник знаний о древнем мире? И если да, то как отличить выдумку от правды?

- Смотря как понимать само слово «миф», Леночка. Дело в том, что «миф» в переводе с греческого μύθος (мифос) – это «сказание». Тогда как в некоторых других языках его употребляют в значении «сказка». Меня как филолога это просто убивает. Занимаясь переводами, я с возмущением вижу, как вольно переводчики обращаются с древними текстами, как мало они знакомы с этимологией слов и как их ошибки превращаются в огромный снежный ком, в котором исчезает всякий смысл как слова, так и текста вообще. Нет сомнений в том, что все сказания имеют реальную основу. Но со временем над древними текстами было произведено множество манипуляций. Во-первых, никогда нельзя забывать, что сказания на то и сказания, что передавались веками из уст в уста. И весьма возможны разнообразные вмешательства в основной текст. Во-вторых, древние мудрецы зашифровали в сказаниях некие символы.

В прошлом, 2018 году мы представили в ежегоднике «9 Муз» всевозможные версии о том, чем в действительности был поход Аргонавтов в Колхиду. Установили, на примерах из текста Аполлония Родосского, написавшего «Аргонавтика», а также из документов Малой Азии и Египта, что греки во время постройки «Арго» давно уже были знакомы с судоходством и плавали по морям в дальние путешествия. А по-

сетив город-святилище (наподобие известного Парфенона в Афинах) мы своими глазами смогли убедиться, что Колхида и Греция имели много общего: это и Пантеон богов, и похожие постройки. Узнали, что в Колхиде и в других странах существовали даже древние храмы, посвящённые Ясону, а в Греции нашли Иолк, город, где правил отец Ясона.

В своих статьях на эту тему я привожу самые интересные гипотезы, переводы исторических документов разных стран древнего мира, собираю всю известную информацию, а главное, не забываю о фактах. Я не претендую на их совершенное понимание. Не всегда можно ответить, каким именно фактам доверять, а каким нет. Но одно могу сказать с уверенностью: мифы повествуют о реальных исторических событиях. И если даже на некоторых деталях есть налёт неточности, то это несущественно.

Татьяна Турбина:

- Благодаря вам, Ирина, я окунулась в неизвестное прошлое, получила массу информации для размышления, дающей пищу человеку, который находится в духовном поиске. Непросто найти тему, объединяющую миры. Удивительно, как вам это удаётся? Мне кажется, что это происходит по принципу песочных часов миры перетекают друг в друга. А вы являетесь отличным проводником их желаний.
- Милая Танечка, вы, конечно, знаете, что когда-то тайные знания передавались от духовного отца к духовному сыну. Существовали касты. Им не нужно было искать ответы на вопросы. Они являлись Хранителями знания. Мудрецами. Кастой. Каждая каста знала не только свои преимущества, но и свои обязанности. Дворянство было защитником своего государства. Мудрецы хранили Знание и Умение...

А потом касты исчезли. И вместе с ними исчезло Знание. С тех пор мы заново постигаем тайны Мироздания. Углубляемся во мглу истории и пытаемся осветить таинственный путь,

который проделывает Судьба, подготавливая для своих бесспорных героев условия в получении Света Знания.

Погружаясь в эти размышления, я не раз задавалась вопросом: а не был ли единым источник, из которого черпали знания древние мудрецы? Чтобы разобраться в этом, надо, по крайней мере, понять, что происходило в мире с обществом, а вместе с обществом и со Знанием.

 ${
m W}$ если меня называют «проводником», то я могу только гордиться.

- Любой фестиваль интересен и важен не только официальной частью, но и знакомствами с новыми авторами, взаимным общением и обогащением, вечерними посиделками, где мы пели, декламировали, общались. Кстати, кто стал победителем Международного творческого конкурса «Гомер», прошедшего в рамках этого фестиваля?
- В номинациях «Проза» Гумер Каримов (роман), Максим Менибаев (рассказ), Ирина Азаренкова (сказка); «Драматургия» Валерий Иванов-Таганский; «Научная работа» Дмитрий Ивашинцов и Евгений Слезов; «Публицистика» Кудрявцев Антон и Горина Ирина; «Поэзия» Илья Рейдерман; «Перевод» Надежда Колышкина.
- Ты владеешь несколькими языками, по призванию и своей миссии культуролог, много делающий для объединения различных культур. В том числе русской и греческой. Что это за история с медалью Владимира Высоцкого на Тиносе?
- Мне особенно приятно, что ты употребил здесь слово «миссия». Знаешь, я свято верю в предназначение каждого человека в этом мире. И если наша миссия состоит в том, чтобы нести культуру, значит, надо нести. И пусть трудно. Пусть не окупается. Не надо искать наград и оплаты. Просто делать то, во что веришь.

Когда-то в Древней Греции мыслящие люди собирались на священном холме, под Парфеноном, на площади, которая называется Агора, спорили, произносили пламенные речи... Что ж! Судьбе было угодно, чтобы я, родившись и окончив школу и университет в Грузии, большую часть взрослой жизни прожила в Греции. И к моей любви к грузинской и русской литературе добавилась трепетная любовь к истории и культуре Греции, где великие Боги вершили судьбы людей и в которой Музы поддерживали и питали таланты.

Что касается Высоцкого, то по инициативе Юрия Кайда, члена Правления Ассоциации Чаша Мира, руководителя международного миротворческого проекта «Владимир Высоцкий во времени и пространстве» и при поддержки мэрии Тиноса, в рамках Международного творческого фестиваля «Визит к Музам» в 2014 году на Тиносе была установлена совместная работа латвийского скульптора Яниса Струпулиса и тиносского скульптора Нико Десиприса – бронзовая медаль «ВладВысоцкий», оформленная в мраморе.

Латвийская бронзовую медаль ассоциация «MieraKauss» («Чаша мира») в рамках миротворческого проекта «Высоцкий и современники: во времени и пространстве» подарила острову Тинос. Напомним, это единственная медаль «ВладВысоцкий» во всём Средиземноморье. В центре медали - изображение астероида «VLADVÝSOTSKIJ» с автографом Л.В. Журавлевой. Напомню, что 22 августа 2014 года исполнилось 40 лет со дня открытия астрономом Крымской астрофизической обсерватории Людмилой Васильевной Журавлёвой малой планеты «ВЛАДВЫСОЦКИЙ» (лат. VLADVYSOTSKII) Открытие было отражено в циркуляре малых планет 5978 от 1 мая 1981 года и зарегистрировано Центром малых планет (Гарвард-Смитсоновский центр астрофизики, США) за № 7617 от 28 января 1983 года.

- Приятно, что твоя литературная, журналистская и общественная деятельность замечена и высоко оценена. Люди к наградам относятся по-разному. Что они для тебя?
- Очень приятно, когда тебя награждают. И я очень благодарна тем, кто считает мою деятельность нужной. Особенно меня поразила высокая награда орден адмирала $\Phi.\Phi$. Ушакова. Все награды мне очень дороги. Но вот такой высокой просто не ожидала.

Виктория Левина:

В каких странах и городах планируются ближайшие мероприятия фестиваля? Можно узнать (хотя бы примерно) даты. Когда и где намечается встреча в 2020 году? И хотелось бы узнать тему следующего форума.

– В 2020 году Международный форум писателей планируется провести на острове Наксос (Киклады, Греция) с 7 по 14 сентября. Тема нашего фестиваля и сопутствующего ему Международного творческого конкурса «Гомер» – «Мистерии Древней Греции. Мистерии Диониса. Орфические мистерии, а также сопутствующая им тема: «Мифология, связанная с Дионисом и с островом Наксос».

К работе Международного творческого фестиваля приглашаются все неординарно мыслящие специалисты. Многоплановый проект «Мистерии Древней Греции» предоставляет возможность проникнуть в прошлое человечества. Представить на рассмотрение свои версии о внутреннем мире людей эпохи античности. Оценить античную идею гуманизма. Рассмотреть, как идеи античного гуманизма проникли в современную науку.

Мы посетим Археологический музей Наксоса, каменоломни, где остались лежать гигантские статуи древних Куросов (юношей), которые оставила после себя неизвестная цивилизация. Увидим огромные врата «Гекатомпедона» или Пор-

тара, построенные в 530 г. до н.э. и развёрнутые в сторону Священного острова Делос. Узреем храм богини Деметры в Гирула (Сангри).

Изучим историю Наксоса – родины мистерий самого загадочного бога Древней Греции – Диониса. Дионисос имеет два образа: юноши и зрелого человека... и он един в этом противоречии. Рождён бог фиванской принцессой Семелой. И получается, что Фивы в этом случае являются отправной точкой для наших исследований. Тем более что Орфей, основатель Орфических мистерий, является потомком Кадмоса, основателя греческих Фив, также родом из Египетских Фив.

Вот такие загадки предстоит нам разгадать в этом году.

- Ответом на эти вопросы и хотелось бы закончить нашу обстоятельную беседу. Спасибо за неё!

Беседовал Владимир Авцен

Археологический музей Ираклиона на Крите с его поразительными по исполнению многотысячелетними артефактами поражает воображение и поневоле делает сторонником т.н. альтернативной истории. Начинаешь верить, что перед тобой и впрямь остатки и обломки предыдущих сверхцивилизаций, которые погибали в страшных войнах... Разгадывать эти послания и намёки из глубины тысячелетий – увлекательно, но очень непросто. Свидетельством тому – хранящийся в музее уникальный глиняный Фестский диск предположительно родом из минойской культуры (около 3 тысяч лет до н.э.). Обнаруженный на Крите при раскопках в городе Фесте 3 июля 1908 года, он до сих пор скрывает тайну покрывающих его с двух сторон, не имеющих аналогов надписей. Существует множество вариантов его прочтения, но ни один из них не признаётся научным сообществом достоверным...

B.A.

ПЕРЕМИРИЕ...

Осенью прошлого года и в феврале нынешнего в Новосибирске и в Петербурге поставлена пъеса о войне в Донбассе «Перемирие» драматурга Алексея КУРАЛЕХА.

8 февраля, придя вечером домой, я обнаружил в скайпе первый отзыв о питерской премьере от режиссёра, актёра, исполнителя бардовских песен Эдуарда Гиршова: «Только что пришли домой с премьеры. Это лучшее, что я видел в театре за последние несколько лет».

Режиссёр-постановщик Юлия Ауг, размышляя об актуальности пьесы, говорила в своих интервью, что если мы в нашем разделённом обществе не научимся разговаривать друг с другом, если мы заново не обретем навык слышать друг друга, мы можем пропасть. А ещё, что бесперспективно пытаться искусством что-то изменить, единственное, что мы можем сделать – рассказать о том, что у нас болит...

Спектакль затронул больную проблему, и кроме, как сейчас водится, отзывов в фейсбуке, на обе постановки появились рецензии, отрывки из которых считаю возможным и важным здесь опубликовать.

B.A.

Гна **У**ЛЕМБОЦКАЯ

«Петербургский театральный журнал»

«ПЕРЕМИРИЕ» ОЛЕГА ЛИПОВЕЦКОГО В ТЕАТРЕ «КРАСНЫЙ ФАКЕЛ»

Это спектакль о войне, но это взгляд на войну глазами интеллигентного, образованного человека, живущего в «большом времени» и хранящего в своей памяти все войны, начиная с Троянской. Тема «войны из-за бабы» как нечто курьезное и нелепое упоминается в тексте; позывные бойцов, посланных и с украинской, и с донецкой сторон на восстановление дома беременной женщины Марии, конечно же, имеют самое простое, бытовое объяснение, но не только. Че Гевара зачитывается книгами про реального Че Гевару; Шумахер – водитель газели-тихохода, доставляющей груз 200 по домашним адресам; Ахилл – поклонник фильма «Троя» с Брэдом Питтом в главной роли; и, наконец, Ной – тот, кто всех спасет, построив символический ковчег. Ковчег-дом, на борту которого написано одно только слово – «Прощение».

Ключом к пьесе оказывается внутренняя, неосознанная религиозность героев, так или иначе «прорастающая» в каждом из них в минуту смертельной опасности. Удивительным образом пьеса соединяет в себе обобщающий, метафизический взгляд на происходящее и черты документальной драмы: написать такие диалоги и монологи для героев можно, только живя в эпицентре событий, каждый день слыша шум и гомон толпы и общаясь с участниками боевых действий.

Вся история с ремонтом дома, разрушенного непонятно чьим артобстрелом, происходит в измененной реальности. Что это? Мысленный эксперимент драматурга в историческом сослагательном наклонении, или герои уже умерли и находятся в Чистилище? На этот вопрос нет однозначного ответа, тем и хороша пьеса, и этим же прекрасен спектакль

Олега Липовецкого, сохранившего онтологическую двойственность сценической жизни. Здесь все работает на художественную правду: на планшете сцены парни тянут платформы со зрителями навстречу друг другу, а по сюжету пьесы они заняты тяжелой работой – восстанавливают крышу. В итоге мышечное усилие перед нами самое настоящее, а не упражнение на «память физических действий», и это бьет по нервам. Перехватывает дыхание: вот они, на расстоянии вытянутой руки, молодые, сильные, красивые и смелые. И все они, скорее всего, будут убиты или уже мертвы.

«НЕ СТРЕЛЯЙ!»

Пьеса драматурга из Донецка, Алексея Куралеха, вошла в программу «Большой Ремарки» – 2019 и уже была поставлена организатором конкурса, режиссером Олегом Липовецким, в новосибирском «Красном факеле». Ее посыл, разумеется, антивоенный, и разрешение конфликтной ситуации в ней – мирное. И хотя действие организовано таким образом, что кровь, по всему, не может не пролиться, финальный поворот ведет к урегулированию ситуации – мимо человеческой логики, мимо логики «человека войны». Эта авторская интенция по-человечески очень понятна: зачем лить кровь на бумагу, ее в жизни льется слишком много.

Действие происходит в Донбассе. В пьесе пять персонажей. Два солдата-«укра» и два солдата-«сепара» по таинственному совпадению отправлены чинить крышу дома в простреливаемое орудиями село. Но сейчас объявлено перемирие. И четверо солдат, преодолевая взаимную неприязнь, общими усилиями чинят крышу для молодой беременной женщины по имени Мария. Происходит сближение, в ходе которого солдаты узнают друг друга не как противники, не с политической, а с общечеловеческой стороны.

Окончательное примирение людей, между которыми уже пролилась кровь, невозможно. Но в той недвусмысленной жанровой системе, не предполагающей серьезных режиссерских разночтений, которую создает драматург, возможно чудо. И потому гремят не взрывы, а гром, начинается дождь, и конструкция превращается... вы сами уже, наверное, поняли, во что она превращается.

Пьеса «Перемирие» – притча. И добротный, добросовестно сделанный спектакль Юлии Ауг – притча. Он взывает к луч-

шим чувствам. А не призывает разобраться в происхождении и природе вооруженного конфликта в Восточной Украине. Хотя, на мой взгляд, единственный язык, которым сейчас художник имеет право говорить о текущей войне, это бесстрастный язык документа.

Uгорь МАЛЫШЕВ «M.News World»

«ВСЕ МЫ – ПРЕКРАСНЫЕ НЕЛЮДИ»

Все четверо участников противостояния – просто замечательные и одновременно исковерканные войной люди. Нет правых, нет виноватых, но только каждый готов на разном этапе свернуть шею противнику. Имена соответствуют внутренней идеологии. Со стороны «ДНР» жестокий в своей правде Ахилл и лучезарный в своей надмирности Ной. Украинцы – добродушный хозяйственный «селюк» Шумахер и романтичный и самый молодой изо всех Че Гевара. Все хотят выжить – и жить в своей правоте. Но человечности в спектакле нет, стремление создателей уйти от очевидной политической реальности и неизбежных вполне определенных выводов на выходе дают только «человечинку», которой трудно поверить и от которой нельзя не устать.

У меня ощущение, что дать реальную оценку тем или иным ситуациям мы сможем лишь спустя какое-то время. Понятно, что с этим конфликтом должно что-то произойти и он не может быть патовой ситуацией вечно. Но кто прав, кто виноват в этой ситуации, мы судить не можем. Слишком близко и остро стоит конфликт. Слишком много жизней на этом завязано. И мы субъективны в любом случае.

«БЕРИ ШИНЕЛЬ, ПОШЛИ ДОМОЙ!»

В пьесе Алексея Куралеха нет фантасмагорического кафкианства «Ада и мира» Марюса Ивашкявичюса, нет и документальной неподцензурной остроты «Плохих дорог» Натальи Ворожбит, и эти пьесы о войне на востоке Украины никогда не будут поставлены в России. А пьесу Куралеха ставят. Потому что она очевидно отвечает своему названию, она сама по себе – перемирие: не радикальная, она дает разброс точек зрения, в ней нет идеологического центра (центр заменен упоминанием вечной Трои и укреплен тысячелетним «культурным слоем» и историей человеческих войн). В ней нет политического отчаяния, нет тупой безнадеги, как в спектакле Анатолия Праудина «Донецк. 2-я площадка», нет даже мата. А драматическое действие есть. И есть характеры, судьбы и знание «карты местности», поскольку драматург сам – из Донецка.

Давно не видела артистов «Литейного» в такой форме. Достоверный, яркий, идущий от конкретного знания местности, людей и их судеб языковой и драматический пласт «Перемирия» дает возможность играть характеры, отношения. Этим и держится напряжение. Герои сближаются – и снова становятся врагами, войну внутри себя им не изжить, а хочется. Спектакль оставляет открытым финал: четверо мужиков просто заходят в дом к Марии, куда их не пускали, но предварительно снимают с себя камуфляж. Образ ясен.

О войне в Украине говорить надо. Наверное – радикальнее. А может быть, наоборот, внушая нашим «крымнашистам», что есть как минимум «две правды, папаша». Может быть, и той остроты, что есть в спектакле, довольно: зрители на моих глазах делились на лагеря. И я сейчас не о режиссерском приеме, когда всех пришедших на спектакль расфасовывают на две

группы и рассаживают по обе стороны помоста, где идет действие. Поляризация возникает спонтанно, поскольку «Крымнаш» давно поделил всех со всеми на враждующие группы. Но все, по слову одного из героев, сидят на трибунах и смотрят договорной матч... Спасибо, что эта мысль звучит. И что в спектакле нет вранья. Театр такое искусство: если не врет актер – то все становится правдой.

Фрагменты спектакля «Перемирие» в Театре «На Литейном»

https://topspb.tv/programs/stories/489210/

DHU COUNUCD

Залерий ЗОСКОБОЙНИКОВ Бохум

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

(из книги «Жизнь замечательных детей»)

Семья бедных немецких принцев

Когда Екатерина Великая была маленькой, ее родители, конечно, и думать не могли, что их дочка однажды станет русской императрицей. Даже звали ее совсем не Екатериной. Мама у нее была небогатой немецкой принцессой, папа – тоже немецким принцем, и похожих принцев с принцессами в Германии было много.

Отец зарабатывал деньги службой у прусского короля. Он был командиром полка, воевал то с Италией, то со Швецией, то с Францией и дослужился до генерала, а потом даже получил звание фельдмаршала. Его звали Христиан-Август Ангальт-Цербстский. Его отец управлял небольшим немецким герцогством. Когда отец умер, управлять герцогством стал старший брат Христиана Августа. А самому Христиану-Августу оставалось любить казарму, своих солдат, офицеров и проводить с ними много времени. Но однажды в день рождения во время офицерской пирушки он вдруг сказал друзьям:

- Как же это? Через год мне сорок лет, а я все еще не женат. Пожалуй, пора завести семью.

Готовых невест было несколько. Он внимательно изучил их портреты, и ему понравилась веселая девушка, принцесса Иоганна-Елизавета Гольштейн-Готторптская. Ей, правда, исполнилось всего четырнадцать лет. Но зато она была из старинного знатного рода. И потом, это в наше время четырнадцатилетние девочки учатся в школе, а тогда такой возраст считали очень даже подходящим для замужества. Оставалось испросить согласия у нее и ее родителей.

- Я согласна, конечно, согласна! отвечала принцесса. Я знаю про вас давно, и постараюсь быть верной и любящею женой. Как хорошо! радовалась невеста. Я уже все придумала: у нас будет большая свадьба, соберется много гостей, а в зале, где мы устроим танцы, станут ярко гореть свечи!
- «Хорошо-то, хорошо, уныло подумал жених, только сколько же свечей придется сжечь за один вечер. Они ведь так дорого стоят!»
- А наш медовый месяц мы проведем в Париже! снова мечтала невеста.
- Ну уж нет, едва не проговорил вслух принц Христиан-Август, у родственников будет дешевле, да я и свой полк не могу оставлять надолго.

U все же, когда они сделались мужем и женой, то часто ездили в гости – ведь почти все остальные принцы и даже король прусский король Фридрих были для них родными.

И они переехали в городской замок, хотя раньше до женитьбы Христиан-Август снимал квартиру.

Женившись, принц начал мечтать о ребенке, он тайно молил по вечерам Бога:

-Господь, пошли мне, пожалуйста, сына! Ая уж тебе услужу.

Но Господь, видимо, увидел какое-то упущение в службе полкового командира и послал ему дочку. Когда эту дочку, только-только рожденную, вынесли, чтобы показать отцу, Христиан-Август посмотрел на нее, поморщился, пожал плечами и отправился в казарму к своему полку.

А дочку при крещении назвали сразу тремя именами. Ведь у нее были три тетушки. Одну звали Софией, другую Августой, а третью – Фредерикой. Поэтому маленькую девочку стали называть София-Августа-Фредерика.

Только какая же мать будет звать сразу тремя взрослыми именами своего младенца, который лежит в колыбели. Мама ее называла Сонечка, что по-немецки звучит: Софихен. А еще чаще она ее звала Фихен.

Мама попрежнему очень любила разные увеселения и часто уговаривала мужа поехать куда-нибудь поразвлечься или устроить бал.

Но принц Христиан Август отвечал с печальным вздохом:

– Нет, друг мой, это нам не по деньгам. Мы должны экономить средства.

Через несколько лет в их семье появился и мальчик, но ему не везло с рождения. Сначала сонные няньки уронили его на пол, и на всю короткую жизнь он остался хромым. А потом, когда в их городе началась эпидемия, мальчика укусила тифозная вошь, он заболел тифом и умер.

Учителя

Но это рядом с королями или русскими царями немецкие принцы казались бедными. На самом же деле у них всегда был обед и ужин, кое-какая одежда, слуги и даже несколько придворных. Для маленькой Екатерины выписали французскую гувернантку, мадемуазель Кардель. А еще был учитель музыки и пения, учитель чистописания, учитель немецкого и математики.

Мадемуазель Кардель учила маленькую Екатерину правильно сидеть, вставать, ходить, красиво подавать руку и изящно приседать при поклоне. И учила со всеми быть ласковой.

– Не так уж трудно сказать незнакомому человеку «милостивый государь», а если ты постоянно станешь улыбаться людям, дорогая девочка, то тебя полюбит весь мир!

Мадемуазель была молодой, красивой и веселой.

В тусклые вечера, когда за окнами замка выли холодные осенние ветры, мама и дочь, укутавшись пледами, любили читать французские книги и вместе хохотали над приключениями их героев. Поэтому будущая Екатерина Великая уже с детства знала почти наизусть многие басни знаменитого Лафонтена и даже пьесы Мольера.

Беседы с палачом

Комнаты маленькой Екатерины были в углу замка под колокольней. Оттого, когда она однажды переехала в Россию, звон церковных колоколов казался ей родным. Комнаты мамы были в другом углу замка, и к ним она много раз в день бегала вприпрыжку по длинному коридору. В коридоре иногда дули сильные сквозняки, и будущая царица как-то раз сильно простудилась. Тогда еще не было градусников, но все и так понимали, что у нее сильный жар.

И когда Фихен приходила в себя, она видела рядом заботливую Бабетту, свою любимую мадемуазель Кардель.

– Потерпи, моя дорогая девочка, терпение превозмогает все, – ласково улыбаясь, говорила она.

Через несколько дней болезнь отступила, но тут вдруг оказалось, что тело у Фихен перекарёжено, так что правое плечо казалось намного выше другого, а спина шла зигзагом.

– Это ужас! В таком виде ее никто не возьмет замуж! – растерянно повторяла мама.

Зато папа проявил решительность. Он позвал к больной дочке городского палача.

В их городе, который назывался Штеттином, палача считали большим специалистом по костям.

- Не бойся меня, девочка, успокоил палач, войдя в детскую. Он был крепким мужчиной с добрым лицом и весело улыбался.
- У меня у самого дома трое детей, и они меня очень любят. Соседи уважают тоже, добавил зачем-то палач, ощупывая плечо Фихен теплой сильной рукой. Ваше высочество, обратился он к отцу Фихен, девочке нужно массировать мышцы, и желательно поносить корсет.
- И тогда у нее все выправится? недоверчиво спросила мама.
- Несомненно, ответил палач с достоинством, уж в чем в чем, а в телах-то я разбираюсь.

Палач приходил к ним в замок несколько недель, растирал Фихен мышцы, и скоро ее спина снова стала прямой.

Первая встреча с будущим женихом

Когда ей исполнилось десять лет, она познакомилась со своим женихом. Только тогда никто не знал, что этот одиннадцатилетний маленький тощий вертлявый герцог станет однажды ее мужем. Его звали Карл Петер Ульрих, и он был с одной стороны троюродным братом Фихен, а с другой – внуком русского царя Петра Великого. Когда-то старшая дочь русского императора вышла замуж за герцога Голштинского. И Петер Ульрих был их сыном. Только русской мамы своей он не помнил, потому что она рано умерла, а воспитывали его жестокие и глупые люди. Потом у него умер и отец. Петер Ульрих сразу превратился из принца в герцога, но воспитатель по-прежнему любил ставить его на колени и привязывать к ножке стола.

Были рождественские праздники, когда все веселятся и дарят подарки.

– Мы тебе тоже подарки привезли, – сказала Фихен новому знакомому. Бежим, я тебе покажу!

Они уже хотели бежать по коридору, взявшись за руки, но тут в комнату вошел сердитый граф, воспитатель герцога. Он молча разнял их руки, взял правую руку Петера Ульриха в свою, и, дернув за нее, потащил куда-то своего воспитанника.

– Граф! Отпустите немедленно Петера! Вы не смеете его обижать! – вскрикнула Фихен.

Но граф лишь захлопнул за собой двери.

А потом мама возила свою дочку в Берлин показать самому королю Фридриху. И дочка в первый раз застеснялась своей бедной одежды. Даже слуги во дворце у короля были одеты шикарней, чем они с мамой. Сам король Фридрих был занят важной беседой с придворными, но на мгновение отвлекся и сказал:

- Ну-ну, иди, девочка, к другим детям, поиграй с ними.

– Как хорошо, что я догадалась представить тебя королю! – радовалась по дороге домой мама. – От него многое зависит в твоей судьбе, например, чьей ты станешь женой.

Известия из России

В те времена немецких принцесс лет с десяти уже готовили к замужеству. А в 14-15 – спешили выдать или за какого-нибудь принца, или за короля. И хотя королей в Европе было гораздо меньше, чем юных принцесс, каждая мечтала о своем королевстве.

Фихен тоже мечтала, а пока с удовольствием выбегала из своего замка на площадь и там играла с городскими мальчишками в прятки, лазала по деревьям. Только мама от этого приходила в ужас:

– Это люди из низшего общества, ты не должна быть с ними вместе!

Но однажды мама получила важные известия и сильно изза них разволновалась.

- В России грандиозные перемены, стала взволнованно рассказывать она мужу, едва дождавшись, когда тот придет к ужину, и на всякий случай отослав слуг. На российский престол взошла Елизавета, дочь самого Петра.
 - Так ли уж это важно? ответил рассеянно муж.

Какое ему дело было до далекой и огромной империи, которую называли Россией, если он не знал, как добыть солдатам своего полка новые ботфорты.

- Это важно, очень важно! Или вы забыли, что Елизавета наша родственница! Я уже написала ей поздравление и отыскала портрет ее старшей сестры Анны.
- Ну не такая уж она и родственница, чтобы из-за этого волноваться, заметил все так же рассеянно муж, продолжая думать про ботфорты.

Но он оказался не прав.

Очень скоро из Германии исчез герцог Петер Ульрих Голштинский. Тот самый худенький вертлявый мальчик, которого воспитывал сердитый граф. Зато в России появился наследник престола, великий князь Петр Третий.

– Я же говорила! – радовалась мама за очередным ужином. – Видите, какие в России идут перемены. Или вы не знаете, что императрица Елизавета не имеет своих детей, и единственный законный наследник престола – внук Петра Великого, Петр Ульрих. Она и вызвала его в Россию.

На этот раз в полку отца недоставало зимнего обмундирования. И он опять невнимательно слушал.

– Нам-то что за дело! – проговорил он. – У нас ведь дочь, и ее никто не призовет в Россию.

Он был в очередной раз не прав.

Курьерская почта

1 января 1744 года мама, папа и Фихен сидели за столом в гостях у родственников. Снова были рождественские праздники, а в эти дни в Германии полагалось навещать родных и друзей.

И вдруг в замок вбежал запыхавшийся усталый курьер. Он гнал лошадей через пол-Европы.

- Срочная почта для их высочества!
- Мне? удивленно спросил хозяин дома.
- Никак нет! Для их высочества принцессы Иоанны Елизаветы!
 - Мне?! еще больше удивилась мама Фихен.

Она взяла большой запечатанный конверт, стала дрожащими руками его раскрывать, а все молча и напряженно за этим следили.

- Это письмо из России, - сказала она.

Фихен скосила глаза, увидела в письме строчку «с принцессой, вашей старшей дочерью» и все поняла.

Спешные сборы в Россию

Их с матерью спешно вызывали в далекую и таинственную страну. Им предлагалось ничего с собой не брать, кроме нескольких платьев, дюжины сорочек и чулок и немедленно ехать ко двору русской императрицы.

- Бог мой! проговорила мама Фихен. Неужели мы станем управлять этой страной?!
- Не надо так волноваться, заметил отец, уж если Господь так решил, то управлять станешь не ты, а наша дочь.

О нем, об отце в письме было не сказано ничего. Его в Россию не приглашали.

Они быстро собрались, сели в свою старую тяжелую развалюху-карету и поехали сначала в Берлин, снова показаться королю Фридриху.

Король был опять занят важным разговором с придворными. Но на этот раз, едва он увидел дочку и мать, как немедленно поспешил им навстречу.

- О, ваше величество! польщенно сказала мама, приседая как было положено по этикету, но король едва ей кивнул и сразу взял Фихен под руку.
- Счастлив вас встретить, принцесса, и надеюсь, что сегодня за обеденным столом увижу вас рядом с собою, галантно проговорил он. Я приказал привести лучших музыкантов, чтобы вы не заскучали в моем обществе.

И за обеденным столом, где сидели важные вельможи, король разговаривал только с Фихен, рассказывал ей забавные истории, так что она без конца хохотала и чуть не подавилась бараньей косточкой.

Но Фихен уже хорошо понимала, что все это королевское внимание только от того, что она едет в Россию, где, возможно, станет невестой наследника.

Трудная дорога

Может быть, в России уже началась зима, а в Германии лили холодные дожди, дороги превратились в непролазную грязь, из которой лошади с трудом вытаскивали кареты. А на почтовых станциях было не топлено. И приходилось ночевать в единственной теплой комнате, где жил сам смотритель с семьей. Там была ужасная грязь, бегали рыжие тараканы, вместе с хозяевами жили собаки, ягнята, телята.

-Нет, я не вынесу этой дороги! - повторяла, брезгливо морщась, мама. - Здесь такие ужасные запахи! Эти люди живут, как скоты! И как мы предстанем в таком виде перед русской императрицей?! Ведь у нас всего лишь три платья!

А дочка весело улыбалась в ответ. Она не морщилась, не брезговала убогим угощением и говорила с хозяевами так ласково, что все они желали ей на прощанье удачи.

Мучения кончились на русской границе. Им подали роскошные экипажи, которые повезли могучие быстрые лошади. А когда они подъехали к Риге, их встречали с салютом и громом барабанов. Навстречу вышли чиновники, одетые в парадные мундиры, а почетным караулом из молодцов-кирасир командовал бравый ротмистр. Его звали бароном Мюнхгаузеном. Это был тот самый барон, который спустя много лет вернется с русской службы домой и станет рассказывать про себя такие истории, что они покажутся небылицами, и его имя прославится на весь мир. А пока он был молодым офицером и помогал Фихен с ее мамой забраться в огромные, обшитые снаружи соболями и серебром роскошные сани.

– В этих санях ездил сам Петр Великий, – объяснил барон Мюнхгаузен. – Они понесут вас быстрее молнии!

Шестнадцать готовых мчаться без устали лошадей были запряжены в них. А в самих санях лежали шкуры зверей, перины, пуховые одеяла, подшитые нежным мехом. Сверху сани были закрыты от ветра, и Фихен казалось, что она

лежит в удобной постели, только постель эта почему-то мчится сквозь заснеженные леса мимо рек и озер, и еще иногда доносятся веселые гулкие крики солдат из почетного караула.

В Петербурге

В Петербурге в их честь тоже палили пушки с Петропавловской крепости. У Зимнего дворца сани встретили красиво одетые приветливые придворные и отвели гостей в роскошные апартаменты.

– Императрица ждет вас в Москве. А здесь вы можете отдохнуть и переодеться. В гардеробных для вас приготовлено все необходимое.

Нарядные девушки принесли им всевозможные платья – подарок от императрицы Елизаветы. И мама как увидела, так едва не заплакала от счастья. У нее и у ее дочки никогда в жизни не было столь красивой одежды! И она решила, что спрячет подальше те три собственных платья, которые они привезли из дома. Теперь они казались ей нищенскими.

- Бог мой, неужели я буду всегда теперь жить в такой красоте! сказала счастливая мама, когда они с дочкой остались на минуту одни. Что ты там записываешь в свою тетерадку?
- Я записываю русские слова. Разве в России я не должна говорить по-русски? удивилась Фихен.
- Зачем? Пусть они говорят с нами по-немецки. Или, если хотят, по-французски. Ты заметила, почти все здешние придворные понимают французский?
- Но если я буду жить в России, я должна и говорить по–русски! не согласилась дочка.

На другое утро им показали, как в России празднуют масленицу. Юную принцессу одели в соболью шубу, она стояла на льду широкой реки Невы около Зимнего дворца, и мимо нее по набережной провели умных огромных слонов, а с

высоченных ледяных гор в это время с веселыми криками катались взрослые и дети. Улицы Петербурга были полны народа – так много прохожих Фихен не видела ни в одном немецком городе. Все они, идя мимо, улыбались ей, снимали шапки, кланялись.

«Если эти люди когда-нибудь станут моими подданными, – подумала она, улыбаясь и кивая им в ответ, – я постараюсь делать им только хорошее, я так хочу, чтобы все они обязательно меня полюбили!»

Скоро те же сани помчали их к Москве. А там была, наконец, сама императрица Елизавета.

Но сначала к ним прибежал Петер Ульрих, наследник российского престола Петр Третий.

Они только вошли во дворец на реке Яузе, где их ждала русская императрица, еще не успели раздеться, как он ворвался в комнату.

- Привет! радостно прокричал Петер. Что вы так долго ехали, я вас давно жду! Ох и насмеетесь вы тут!
- Здравствуйте, милый Петер! Фихен тоже обрадовалась, ведь они были уже знакомы когда-то.
- В этой России такие смешные порядки, а священники, вы видели они не бреют бороду! Я им каждый раз во время службы строю рожи! Давайте сегодня подкрадемся и дернем священника за бороду?! Все тут такое дурацкое!
- Что вы говорите, Петер? удивилась Фихен, продолжая улыбаться. Наоборот, здесь все такое хорошее. Меня уже обещали научить ездить верхом.
- А этот русский язык, он такой смешной! Послушайте, как они говорят, Петер показал в сторону придворных и стал, гримасничая, передразнивать. Просто обхохотаться можно!
- По-моему, милый Петер, русский язык очень красивый, я уже запомнила некоторые слова.
- Вот еще! махнул рукой будущий жених. Когда тетя сделает меня царем, я всех местных жителей заставлю говорить по-немецки!

Императрица Елизавета была молодой, высокой и очень красивой. Она расцеловала Фихен и ее маму. Фрейлины царицы незаметно их осмотрели с ног до головы и с головы до ног, и было видно, что Фихен им очень понравилась.

В этот же вечер во дворце был бал-маскарад в честь приезда гостей, и фрейлины решили, что Фихен танцевала красивее всех.

Русский язык

Вообще-то в разных странах тоже жили невесты. Одна была из французского королевского рода, другая, знаменитая красавица – дочка польского короля.

– Да ну их, – отмахивался наследник престола, когда с ним заговаривали про невесту, – не люблю я про девчонок думать. Вам нужно, вы и выбирайте. Только чтобы веселая была и добрая.

Фихен старалась быть с Петером и веселой, и доброй. Он показывал ей свои игрушки, и она тоже играла вместе с ним. Ведь вместо нее легко могли назначить в невесты будущему царю совсем другую девушку. А их бы наградили подарками и отправили назад в Германию. И Фихен очень старалась всем понравиться. Делать ей это было нетрудно – она и так нравилась многим.

- Очень образованная девочка. Когда она успела прочитать столько книг! удивлялись одни.
- A какая душевная! Подойдет и про все расспросит и про здоровье, и про детей! хвалили другие.

Ауж когда с ней приключилась болезнь, тут все поняли, что она – настоящая будущая невеста.

Фихен хотела скорее научиться русскому языку. Ее учили днем, но ведь были еще ночи. И когда в окно светила луна, Фихен могла читать свои записи. Она вставала с постели и шла босиком по холодному полу к окну. Там она садилась на

подоконник и громко выговаривала новые русские слова. Так прошли две недели, а потом она простудилась и заболела воспалением легких.

– Представляете, эта немецкая девочка заболела оттого, что хотела скорее выучить русский язык! – передавали друг другу придворные, жалея ее.

А Фихен становилось все хуже и хуже.

Однажды у постели больной встали рядом русская императрица и мама.

- Ваше величество, заговорила мама дрожащим голосом, я думаю, дочери так плохо, что пора звать пастора. Важно, чтобы она и на том свете была протестанткой.
- Вы правы, чуть было не согласилась императрица Елизавета.

Но тут открыла глаза сама Софихен.

– Я не хочу, – проговорила она тихим голосом. – Не хочу немецкого пастора. Пусть придет русский священник. Я хочу предстать перед Господом русской.

Тут-то и решилась судьба Фихен.

Елизавета обняла ее, крепко прижала к себе и тихо проговорила:

– Девочка моя, выздоравливай скорее, а как выздоровеешь, так и объявим тебя невестой!

Скоро Фихен стала поправляться. И все увидели, что она в самом деле полюбила новую огромную страну и уже считала ее родиной. Она звала Елизавету мамой, про Петра Великого говорила как про своего деда.

Когда в Кремле в Успенском соборе она перешла из протестантской веры в православную, ее назвали Екатериной Алексеевной.

– Екатерина Алексеевна – самая настоящая русская, – говорили с радостью удивленные пожилые князья и княгини из старинных российских родов. – Она так хорошо знает обычаи, так их любит, словно родилась и выросла среди нас! С нею наша держава не пропадет! Жаль, что ей не повезло с мужем.

А ей и в самом деле не повезло. Несчастный Петр Третий по-прежнему не любил все российское, а любил свое, немецкое. Наверно, он стал бы очень хорошим правителем в маленьком голштинском герцогстве. Там его все бы уважали. Но после смерти тетушки, императрицы Елизаветы, ему приходилось править великой Россией, а этого он совсем не умел делать.

Тогда к власти призвали его жену, Екатерину Алексеевну – ту, которая когда-то была веселой немецкой девочкой и, приехав из Германии, очень захотела, чтобы Россия стала ее настоящей родиной.

Она управляла страной тридцать четыре года, ее держава была окружена почетом и славой, а самые знаменитые люди мира гордились дружбой с высокообразованной русской императрицей Екатериной. Даже и сегодня историки говорят, что лучше, чем она, в России цариц не бывало.

Наталья ДДЛЕР

Участница Международного творческого конкурса «Гомер 2019».

Стихи-загадки для малышей

Кто тут с кошкой лезет в драку, Громко гавкает? ...

У него не видно ножек, Весь в иголках. Это...

Ярко светит за оконцем В небе ласковое...

В сказке солнце проглотил Кто? Зелёный...

С мамой бегают по грядкам Желтобокие...

Кто гогочет у бабуси На лужайке? Это...

Рыжая и хитрая, с хвостиком краса, В сказке съела колобка, кто она? ...

Жёлтая в серёдке, белая рубашка, Все на ней гадают, это что? ...

Суп, где рыбьи потроха, Называется... Солнцу очень сильно рад В гроздьях сладкий...

Что там по морю плывёт? Это белый...

Вот бочонок он несёт, Обожает мишка...

Что грызёт так зайка ловко? В лапках у него...

Нынче у вороны настоящий пир! Очень она любит с дырочками...

То лапша, а не уха, Если суп из...

Щелкнула и очень ловко Мышь поймала...

А на грядке молодец Рос зелёный...

Солнце любит и простор. Это красный...

Что там в небе? Самолёт. Кто ведёт его? ...

В блюдечке у Нины Сладкая...

ПСатьяна ПСУРБИНА Израиль

Участница Международного творческого конкурса «Гомер 2019».

Соскучилась

По улицам города, не с забиякой, Иду со своею любимой собакой. Горжусь очень ею, и не понарошку. Она на прогулке не смотрит на кошек! Собака воспитана, знает отлично, что бегать за кошками - так неприлично! Идёт она рядом, проблем с нею нет, Ведь знает собачий она этикет. Она молчалива, напрасно не лает, Движения правила все соблюдает. И улиц давно ей знакомы узоры, Читает сигналы она светофоров. Когда же собака домой попадает, То сразу приличия все забывает: И лает, и прыгает не понарошку, Оближет с восторгом домашнюю кошку. Потрогает лапой пушистую спинку: - Ну хватит валяться тебе на перинке. Ты что растянулась, скорее вставай! Домой я вернулась, со мною играй! Откроет глаза и потянется кошка, Она ведь соскучилась, правда, немножко.

Мне подсказала кенгуру...

Сегодня, рано поутру, Мне подсказала кенгуру: «Ты можешь кенгуру не быть, Но всех хоть чуточку любить. Держи открытым свой карман -Для новых впечатлений, Внимания не обращай На злобу, огорчения. Их близко к сердцу не бери, Своё спокойствие храни, Не лги, чужого не бери, И папу с мамой береги -Для них ты самый лучший. И, если будешь ты таким, Как все мы, кенгуру, хотим, То вырастешь могучим! Пока! Я поскакала!» И вдаль она умчала.

Верблюд-художник

Один верблюд писал этюд – Две пальмы под горой растут, Белеют в небе облака, И солнце светит свысока. И с вдохновением верблюд Прекрасный завершил этюд. Рисуй, когда есть настроенье, Тебе поможет вдохновенье!

Верблюжонок

В пустыне верблюжонок белый Гуляет, робкий и несмелый, А солнце смотрит с высоты На вдаль бегущие холмы, Здесь с мамою живут они, И мама учит малыша, Как травку тщательно жевать, И не спешить, и не бежать – Подолгу нужно размышлять. Вот год пройдёт, наступит утро, И станешь ты верблюдом мудрым. А если вздумаешь спешить, То трудно тебе будет жить. Ты должен быть спокойным, Веди себя достойно!

На чай

Для друзей я стол накрою, Пусть вечернею порою Забегут ко мне на чай, Скажут: – Таня, не скучай! К чаю – плюшки и печенье, Мёд, и сахар, и варенье, И неплохо, без сомненья, Прочитать стихотворенье! Я люблю друзей негордых, Необидчивых и скромных.

Мыльные пузыри

Мне сегодня в магазине чудо-чудное купили. Посмотри-ка, посмотри, как летают пузыри -Лёгкие, воздушные, Ветерку послушные, Радугой засветятся, В синем небе вертятся. Я подула – кружатся, Только сели в лужицу. - Что вам в небе места мало? Зря вы в лужицу упали! Отойду я прочь от лужи Мыльным пузырям в ней хуже. Заберусь на лесенку, Лесенку-чудесенку. Раз, два, три, четыре, пять... Начинаю дуть опять. Тихо веют ветерки, Улетают пузырьки.

Светлана **ЖАБАНОВА** Дюссельдорф

ПОЧЕМУ КОШКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ?

Пронзая ночь нефритами, встречая день топазами, сражаюсь с кармой быта я глазами, а не фразами.

Да, я не могу произносить слова, как люди. У меня нет, как они называют, «высшей нервной деятельности». Ну и что? Вы – люди, а мы – сами с усами...

Мне придется прервать эту кошачью исповедь. В первый раз здесь, чтобы поговорить о магии мозга. Вы можете представить шапочку для плавания с многочисленными кнопками? Отлично, а теперь соедините кнопки между собой проводами. Футуристическая картинка получилась, не правда ли? Теперь представьте, что они проникают через плотные ткани костей черепа, достигают головного мозга и пронизывают его.

Причем здесь шапочка, если я не люблю плавать?

Не о шапочке идет речь, а о нервных клетках (нейронах). Пример с шапочкой, кнопками и проводами помогает представить, как они выглядят.

Неужели «кнопки» – это нервные клетки?

Верно! А «провода» – это длинные отростки нейронов, которыми они связываются друг с другом. Чем более разветвленные и быстродействующие связи между нейронами, тем эффективнее работает мозг и больше предпосылок для раз-

вития абстрактного мышления, речи и тонких психических процессов, т.е. характеристик высшей нервной деятельности.

Но почему я не могу разговаривать по-человечески? Чем кошки хуже людей?

Послушай, пушисто-когтистое создание. Ты не хуже людей, ты иная. Кошки тоже эволюционируют, и, может, когда-то заговорят. А пока строение их тела (мозга, голосовых связок, гортани, ротовой и носовой полостей, губ, зубов, челюстей, языка и неба) не позволяет сделать этого.

Но я могу мурлыкать по-кошачьи, это и есть мой язык!

Верно!

Мой драгоценный издавна мех краше царской мантии, осанка гордой признана не псом, а Кошкоматерью.

Твой мех фантастически тебе идет, несомненно. Кошкоматерь – это что-то новенькое. У вас есть религия? Ты случайно в Ватикан не направляешься? Нет? А куда?

Домой! Домой! Домой!

Доказано, что если расстояние, отделяющее кошку или кота от дома, невелико, то при поиске обратной дороги они активно используют острое зрение, обоняние, слух, а также чрезвычайно чувствительные волоски на верхней губе, над глазами, на щеках и на внешней стороне голени (вибриссы). В случае, если кошачьим приходится преодолевать значительные расстояния, наличия органов чувств оказывается недостаточно.

С кошачьими манерами соперничать бессмысленно. Не пробуйте! Я – первая ищу в инстинктах истину.

Разве с мурлыкающими искателями истины поспоришь? Они все равно будут говорить, что всегда правы. Даже понимая, что инстинкты (врожденные формы поведения) изучают люди, а не кошки. Кстати, только инстинктами возвращение кошек домой не объяснить. В этом случае вступают в игру рефлексы (приобретенные навыки). Как?

Есть мнение, что у кошек формируется своеобразный «зрительно-звуковой образ», который им служит легендой. Согласно нашей модели, формирование этой легенды будет регулироваться конгломератом нейронов из соответствующих зон мозга, плотно соединенных цепочками из их отростков.

Я нервами, как нитками, опутана, пронизана. Иду тропой магнитною Меридиан вылизывать...

А магнит здесь причем? Ученые предположили наличие у кошек необычайно высокой чувствительности к магнитному полю Земли, что является основополагающим фактором ориентации при передвижении на большие расстояния. Гипотеза нашла свое подтверждение после серии независимых экспериментов, которые провели зоологи разных стран.

Сначала животных поместили в закрытые коробки и возили по городу по путаному маршруту. Затем кошек вывезли за город, где был устроен большой лабиринт с многочисленными выходами в разные стороны и крышей, чтобы животные

не могли видеть ни дневных, ни ночных светил. После этого кошки по очереди помещались в лабиринт, и им предоставлялась возможность бродить по нему до тех пор, пока они не выбирали нужного выхода. Результат впечатлил: в 98% случаев кошки выходили четко в направлении собственного дома!

Эксперимент усилили тем, что на время путешествия до лабиринта животным давали снотворное, чтобы исключить создание «зрительно-звукового образа». Но и в этом случае большинство кошек уверенно выбрали правильное направление к дому! Однако, как только на испытуемых кошек надели магнитные ошейники, те сразу же утратили свои навигационные способности.

Что же получается? Скажи нам, изящная кошка, неужели ты ходячий компас?

Да! Я даже знаю слово «магниторецепция»!

Есть такой термин, и он означает «чувствительность к магнитному полю». Как у компаса. В настоящий момент ученые проверяют несколько версий возникновения магниторецепции не только у кошек, но и у других млекопитающих (включая человека), а также у некоторых видов птиц, рыб, червей, моллюсков, насекомых и бактерий.

Eсли я компас, то не ходячий, а мяукающий! A где находятся у меня магнитные стрелки?

На роль магнитных стрелок у живых организмов претендуют кристаллы магнетита (смеси двух оксидов железа, химические формулы которых FeO и Fe2O3). Рупором пространственной ориентации может также служить белок сетчатки глаза, который называется «криптохром». Кроме сетчатки, хранилищами таких и, возможно, других «рупоров» могут служить вестибулярный аппарат или костные ткани. Впрочем,

никто не исключает сюрпризов. Возможно, магниторецепторы разбросаны по нашему организму, но в силу определенных причин либо пока не найдены, либо не функционируют. Если и когда у людей будут обнаружены магниторецепторы, человечество выйдет на новый виток эволюционного развития. Например, проедет человек несколько километров на поезде, а вернуться захочет на велосипеде. Ни мобильного телефона с GPS-сигналом, ни компаса ему больше не нужно будет: магнитные рецепторы сделают свое дело.

Но для этого надо знать, куда двигаться. Люди разберутся, а как это сейчас понимают кошки? Что или кто указывает их внутреннему компасу нужное направление? Генетические особенности? Некие поля, недоступные приборной базе современной науки? Приглашаю вас к дискуссии, дорогие читатели!

На десерт по традиции полагаются сладости. Приятного аппетита, Вас ждут невероятные истории возвращения кошек домой.

К среднестатистическим случаям относятся следующие. Английский кот добрался домой за три недели, пробежав более 70-ти километров по лесу. Кошка из Голландии пять месяцев искала дорогу к хозяевам, преодолев 150 километров. Ее американская коллега из штата Джорджия вернулась, совершив путешествие длиной в 320 км.

Перейдем к рекордсменам. «Великая путешественница» из Франции провела в скитаниях семь месяцев, пробежав 700 километров. Вернулась она отощавшая, с растяжением лапы, но счастливая.

Кот Семен удрал от мурманчан в Москве и через шесть лет объявился на пороге хозяйской квартиры в изрядно потрепанном виде. Расстояние между Москвой и Мурманском составляет около 2000 километров. Про Семена писали в газетах

и сняли фильм с романтическим названием «История любви». В 2012-м году ему установили памятник. Теперь строптивый бронзовый пузан с узелком сидит на скамейке в сквере и обещает исполнить любое желание, если его почесать за ухом.

Несмотря на то что следующая представительница кошачьих, возвращаясь к своему дому, преодолела всего 25 километров, этот случай надо признать еще более уникальным. Кошка Амадо была... слепой. Ее хозяйка, пожилая фермерша из Прованса в связи с проблемами со здоровьем отвезла кошку приятельнице. Прошло чуть более двух недель, и вдруг фермерша услышала, что из сада доносились жалобные стоны. Открыв дверь, хозяйка увидела свою измученную кошку. Конечно, Амадо использовала по максимуму все работающие органы чувств и магниторецепторы, но как она догадалась, где находится единственный мост через реку? Об этом знает только сама Амадо.

В Германии хозяйке и коту понадобилось 16 лет, чтобы вновь воссоединиться. Кот Леопольд потерялся годовалым, а вернулся в почтенном возрасте, балансируя на верхнем пределе продолжительности жизни. Вернее, кота нашли в лесу, отнесли ветеринару, где обнаружили чип с координатами хозяйки. Она вначале не поверила, подумав, что ее разыгрывают. Но когда приехала посмотреть на кота, то узнала его. На момент написания статьи это абсолютный рекорд по продолжительности расставания.

Моя кузина из Чикаго часто слышит слово «homing»...

Производное от слова «home» («дом») произносится «хоуминг» или «хоминг» и означает именно то, о чем мы говорим: возвращение домой.

Браво, мурлыки!

Нотный дом

Здравствуй, добрый нотный дом! Кто живет здесь? Мы живем! – Дружно ноты говорят, Собираясь в звукоряд.

В дом нам хочется войти, Но преграда на пути: На двери висит замок, Кто б его открыть помог?

Есть волшебник и у нас, Ласковый, как солнца луч, Открывает дверь сейчас Фантазер – скрипичный ключ.

Я – нота До, Я в пальто фиолетовом, «До-до-до», – напеваю приветливо.

Нота Ре во дворе краской синей «Ре-ре-ре» написала красиво.

Нота Ми, «Ми-ми-ми» – мы с тобой. У нее платья цвет голубой. Нота Фа, как зеленая фея, «Фа-фа-фа» повторяем скорее.

Нота Соль – это солнечный зайчик, «Соль-соль-соль», желтый, как одуванчик.

«Ля-ля-ля» – цвет оранжевый, спелый: Нота Ля апельсинов наелась.

Си – волшебного красного цвета, «Си-си-си» словно мак из букета.

Ах, какой чудесный дом, Сколько ярких красок в нем! Если их передружить, Можно радугу сложить.

Вместе с нотами потом Мы о радуге споем, Будут радовать ребят Краскоряд и звукоряд.

Расскажи-ка папе с мамой, Повторить их попроси: Звукоряд зовется гаммой – До-ре-ми-фа-соль-ля-си.

Будем звуки собирать, Будем в радугу играть!

Автор благодарит преподавателя музыки Любовь Чекалову за консультации.

Фената ⋘ОЛЬФ Дуйсбург

ОДНАЖДЫ...

Сказка

Однажды я вдруг превратилась в слона. Ну, может, и не вдруг, а постепенно. И, может, не в слона, а в слониху. Вот опять ненужные подробности. Ну кто, скажите, глядя на картинку со слонами, станет уточнять, слон это или слониха? А в немецком языке слониха – это элефантэнку, что в переводе означает слоновая корова. Ну ничего себе! Мало того, что слониха, так еще и корова. Но они так не только со слонами поступают. Есть жирафовые коровы, оленьи, тюленьи. Вот так практически из любой особы женского рода сделают корову, не посмотрят даже на то, что ты лань или антилопа. Несправедливо!

Но если хорошо подумать, то, может, я где-то и корова. Ведь как часто бывает, из нас выпирает то одна сущность, то другая. То ты летаешь, как птица, то вертишься, как белка в колесе, то навьючишься, как верблюд. Но сегодня я слон, это однозначно. Грустно мне и неуютно от этого факта. Ведь в чем главная особенность слонов? Вы, наверное, думаете: хобот, бивни или большие уши. Необязательно. Меня, например, беспокоят величина и серость. Всем известно, что слоны – самые большие животные на Земле. Есть, конечно, еще киты, но они живут в воде. А на суше крупнее слонов нет никого.

А что серые, это тоже факт, от которого никуда не уйдешь. Тут вы вспомните песенку: «Где баобабы вышли на склон, жил на поляне розовый слон...». Что сказать, это всего лишь песня. Или обстоятельства особые. А так, по жизни, сплошная серость.

Нет, ну если ты живешь среди таких же слонов, то это совсем другое дело! Где-то там, в Африке, идет по саванне стадо. Все такие важные, грациозные, величественные. Да, большие. Да, серые. Но никто на это внимания не обращает. А с высоты орлиного полета они вооот такие малюсенькие.

Но все слоны где-то там живут, на другом конце света, а я вот здесь, в самой середине, и ни одного слона вокруг.

Есть, конечно, в зоопарке слоны или в цирке, но это все равно не рядом. В цирке слонами любуются, восторгаются их артистическими способностями. Тут же – никаких артистических способностей, скорее наоборот. Способность разбить в магазине что-нибудь из посуды, наступить кому-нибудь на ногу – это талантом не назовешь. В трамвае из-за необьятных размеров приходится два места занимать, а то и три. И кругом одни недовольные взгляды, а еще хуже возгласы: «Развели тут слонов – ни проехать, ни пройти. При таких габаритах вам в Африке самое подходящее место. И посуда останется целой. Там, поди, в Африке и лавок-то посудных нет. А если и есть, то слонов туда точно не пускают!»

Вам еще много чего наговорят. И намолчат вдобавок...

Так вот, несмотря на присущую слонам толстокожесть, достало меня это все. Надоело слушать это ворчание, надоело ловить косые взгляды. Накупила продуктов побольше, примерно на год. А слоны-то едят немало: все ведрами. Бананов – ведро, яблок – ведро, ну и так далее. Всем запаслась, ничего не забыла, и закрылась в своем дому. Вот так! Вы там, а я тут.

Так идет день за днем, живу себе спокойно, то ананас съем, то ведро бананов. Книжки читаю, время от времени из-за шторки на мир поглядываю.

Но продлилась эта идиллия недолго. Не успела я толком нервишки расшатанные подлечить, продукты еще не все съедены, по миру за стенами убежища еще не соскучилась. Ну разве что самую малость. И тут раздается шум невероятный: звонки в дверь, стук в окно, голоса непонятные. Выглядываю потихонечку. Перед домом толпа птичье-звериная. Обезьяны, попугаи, поросята и прочий детский сад. И все галдят, хоть уши затыкай. Я подумала, пережду, может, они дальше пойдут. Но не тут-то было, не стоят на месте, прыгают, бегают, а уходить не

уходят. Все кричат: «Эй, кто там в доме? Выходи, не прячься, мы знаем, что ты тут!» Терпела я, терпела, но все же решила выйти, чтобы это безобразие прекратить. Удивилась толпа: «О! Слон...» Те, что прыгать перестали, теперь еще выше запрыгали, те, что на месте стояли, забегали – ветер не угонится. И все это с возгласами: «Слон! Слон! Слон!»

Но тут подходит ко мне пичуга одна. Не то колибри, не то мышка, ушастая, глазастая. Из нее то одна сущность выпирает, то другая. Не определилась она еще. Подходит и гладит так потихонечку. А потом и говорит этой толпе прыгающей, бегающей и орущей: «Это и не слон вовсе, а лошадка. Пони». Чувствую, что грива у меня отрастает и хвост. Откуда-то седло появилось. А мышка-колибри продолжает: «Прокати меня, лошадка, пожалуйста!» А против этого «пожалуйста» как устоять? Катаемся мы с ней круг, второй, третий. Птички-зверушки смотрят и понять не могут, как они эту лошадку-пони сами не разглядели. «Стоп!» – приказала наездница и соскочила ловко, как будто всю жизнь в цирке выступала. «Лошадка – это тоже понарошку, на самом деле это моя бабушка».

Волшебница! Расколдовала меня. Чудеса, да и только!

«Ома, испеки блинов. Мы проголодались, очень кушать хочется».

Ома – это по-немецки бабушка. Сокращенно. От слова омама. Здорово, правда? O! Maмa!

В общем, некогда мне сказки рассказывать. Пошла я блины стряпать. Ведра, я думаю, им хватит. Они хоть и не слонята, но, посмотрите, сколько их – внуков, их друзей и друзей друзей.

Фената ФОЛЬФ

БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ – ЭТО КАК?

Пора замуж

Удвухлетней Сашеньки любимое стихотворение «Я маленькая девочка...» А мы хотим от неё услышать стишок про Таню, уронившую мячик. Повторили с Сашенькой его сообща. Потом этот стих прочитала бабушка – заработала конфетку.

- Твоя очередь, Александра! Про Таню, пожалуйста. Сашенька:
- Наша Таня громко плачет...

Пауза. Потом:

- Я маленькая девочка, я в школу не хожу, купите мне сандалики, я замуж выхожу!

Не бэби

Александре два с половиной года. С некоторых пор ощущает себя большой. «Я не бэби, я большая», – любит повторять. Как-то в беседе с мамой, нарочито понизив голос, вновь напомнила:

- Я большая!
- Ну какая же ты большая? смеётся мама. Смотри, у тебя ножки маленькие, ручки маленькие, носик маленький...
 - А глаза? Больши-и-и-е!

...а сам не плошай!

Мальчишка в песке играет с машинками. За неимением товарищей разыгрывает все роли сам. В каждой руке по машинке, они ездят туда-сюда. Только и слышно: «Вжиии, вжии…» И вдруг – бабах! – авария. Одна машина летит в предполагаемый кювет, и наш актер жалобно просит: «Помоги!.. Помоги!..» И уже в роли другого менее пострадавшего водителя: «Никаких помоги!»

Пункт

Внучка учится читать. Читает предложение, а интонация неправильная. Я её поправляю и говорю: «Точка!». По-немецки – пункт.

Снова читает с той же интонацией, а в конце фразы добавляет: «Пункт!»

Нет, мир не меняется. Каждое дитё попадает в эту ловушку...

- Не надо говорить «пункт»!

Поднимает на меня удивленные глаза.

Что случилось?

Леон – два с половиной года:

- Мама, у меня попа болит.
- Что случилось?
- И ещё спина болит...
- -Ты что, упал?
- Нет, я не упал... Я грохнулся!

Эскиз

Миша с мамой нарисовали картину на куске обоев – ковёр для сестренки, так сказать.

- Как красиво ты нарисовал! Молодец! Наверное, тебе помогали? Мама эскиз тебе набросала, а ты раскрасил?
 - Да, мама, эх, кисточки разбросала, а я красил!

Научила...

У сына вместо «бумага», «бумажка» получалось «гумага», «гумажка».

Решила научить его говорить правильно.

- Скажи «бу».
- -Бу...
- Бумага!
- Гумага...
- Бу.
- -Бу...
- -...мага!
- Бугумага...

Научила, называется! Стал говорить «бугумага», «бугумажка». До поры до времени, конечно.

Не скажу

Маленькая внучка не могла или не хотела говорить «ома». Ома – это бабушка по-немецки, то есть я... У нее получалось либо «мама», либо «мома».

Пристаю:

– Скажи о-ма...

В ответ:

-0!A!

Sag mal «A-a-a...»

С внучкой купили цветок в горшке. Она разглядывала его, потом захотела посмотреть, что там в закрытом бутоне и говорит:

- Blume, sag mal «A-a-a...»

То есть «Цветок, скажи «А-а-а...»

Билингвистка

Внучке два с половиной года. Время начала словотворчества. Как-то слышу:

-Ой, блюмашки!..

Какое чудесное слово сложилось у неё из двух языков! Blume + ромашка = блюмашка.

Умничаем...

Внучка сказала: «Я в этих вещах не комплимист». Что бы это значило?

Пуга - она и есть пуга

Подходит трёхлетний сын с маленьким детским аккордеончиком в руках и спрашивает:

- Мама, хочешь, я тебе пугу сыграю?

 Φ угу, подумала я. Сама толком не знаю, что это такое. И где он это услышал?

- Играй, - говорю.

И тут раздались такие громкие басы, какие только мог издать этот, хоть и игрушечный, но все же аккордеон.

- Ну как, страшно? Напугал?

Быть счастливым – это как?

Ходили с внучкой гулять в город. Заглянули на ярмарку. У лотка с игрушками попалась нам штука интересная: калейдоскоп.

Не совсем обычный: без камушков или стеклышек. Через стеклянный шарик можно было увидеть что угодно. И это «что угодно» отражалось многократно. Короче, бабушке игрушка понравилась не меньше, чем внучке. Купили. Веселимся, разглядывая окружающий мир.

- Ну что, ты счастлива? спрашиваю внучку.
- Нет.
- Почему?
- Это называется получать удовольствие, а не быть счастливым...

Залерий ОЛЬШЕЙДЕР Вупперталь

* * *

Две внучки-погодки – годик и два. Из детской выходит уставшая мама:

- Опять все простынки записали. Замочить их, что ли? Вся семья хором:
- -Замочить!!!

* * *

Те же внучки, стоя с мамой на остановке и услышав бой часов на почтамте, крестятся и кланяются под смех окружающих.

* * *

Звоню в дверь. За дверью трехлетняя внучка Олечка:

- Кто тям?
- Это я.
- Мама, мама! Это Я! Я пришёл!

* * *

Манечка, которая родилась в Германии, недоумённо интересуется:

- Мама, а что у русских есть такое имя - Хлеб?

Вопрос возник после того, как родился двоюродный братик, которого назвали Глеб.

* * *

Маленькая Лиза, билингв:

- Я делаю спорт, я курвыркаюсь!

* * *

Лиза, посмотрев фото скульптур и картин, привезенные из Парижа и показанные восхищённой мамой:

- Мама, фу, они же все без трусов!!!

* * *

Четырехлетняя внучка Саша декламирует Муху-Цокотуху:

- Муха шла, шла, шла и копеечку нашла...

Я поправляю:

- Муха по полю пошла...

Внучка удивлённо:

- Муха попою пошла???

* * *

Четырехлетнему Глебу купили бутафорскую фуражку полицейского, потом ему приглянулся лук со стрелами. Попросил купить.

- Глеб, ты же полицейский, может, лучше пистолет?
- -Нет, все полицейские с пистолетами, а я один буду с луком!

Ольга **Ш**ЕПИТЬКО Киев

...ТЫ МОЯ ЛЮБОВКА

Когда я была беременна Ксюшкой, еще не существовало никаких УЗИ, и о том, кто родится, дискуссии велись исключительно на уровне «живот торчит – мальчик» или «тянет на сладкое – девочка»... Живот торчал, все девять месяцев я заедала тараньку апельсинами, которые за бешеные деньги покупались на донецком Колхозном рынке и без которых, мне казалось, я не выживу и дня... Но все эти девять месяцев я была абсолютно уверена, что у меня будет дочка. Потому что безумно, безумно, безумно ее хотела. И ждала.

И когда ее принесли первый раз в роддоме – на следующий день, по тогдашним суровым правилам, – я поняла, что вот она, моя самая главная и самая близкая на всю жизнь подружка...

Потом мне говорили, что нельзя быть с ребенком на равных, что должна быть дистанция, что мать – это мать, а не подруга... Наверное... И даже, скорее всего, это правильно. Но я – неправильная с первого дня мать! – никогда ее (как и потом вторую дочку Александру) не «воспитывала». А просто всегда жила у них на виду, как умею, как считаю правильным. И – таскала всегда за собой туда, куда хотела попасть сама.

Чуть ли не с года Ксения, можно сказать, росла у меня на работе, в гулких коридорах Дома печати, знала по именам всех моих коллег и наизусть – меню нашей издательской столовой. Мы исходили все донецкие кафешки, которые открывались в бессчетном количестве в девяностые. Я водила ее на все бардовские концерты, на встречи со знаменитостями, у которых брала интервью, за кулисы всех донецких театров, и однажды, после какого-то из спектаклей, нашла у себя возле кровати записку, которую храню уже... ну, неважно, сколько лет. На ли-

стике из блокнота было старательно выведено: «Мамця, ты моя любовка!»

Мы ездили на каэспэшные фестивали, и мой бесконечно кашляющий в городе ребенок под соснами и на берегу озер вдруг здоровел на глазах... А каким счастьем было открывать ей любимые мной Литейный и Сретенку, подсовывать книжки, над которыми я когда-то рыдала или хохотала в своем детстве...

И в какой-то момент вдруг оказалось, что из этого глазастого кулька, который принесли мне когда-то в роддоме, получился очень достойный человечек и очень стойкий оловянный солдатик. Который никогда не ноет, не канючит, не жалуется. А просто с самого детства живет, как теперь говорят, на позитиве, вселяет оптимизм в меня, вечно рефлексирующую, а главное - просто берет и помогает, если нужно, - всегда. В семь лет она забивала в нашей квартире гвозди, когда я, безрукая, размышляла, кого бы попросить об этом из соседей. Она вынянчила младшую на девять лет сестру, потому что я, разумеется, всегда почти круглосуточно работала. А когда случилось самое настоящее долгожданное чудо, и она сама уже готовилась стать мамой, - началась война, мы убежали в прямом смысле из-под обстрелов, и мой ребенок, держа двумя руками огромный живот, стойко переезжал с одной съемной квартиры на другую, из одного города в другой, и ни разу не заныл, не пожаловался, а наоборот, меня, растерявшуюся и перепуганную, еще и поддерживал...

К чему это я? К тому, что 10 сентября у этого ребенка, который сам уже мама очаровательного и обожаемого всеми ребенка, день рождения. Чем не повод написать о том, до чего в вечном бытовом круговороте не доходят руки...

Кася! С первой секунды тогда, в третьем донецком роддоме, я не перестаю радоваться и удивляться, что ты получилась такая. Умная. Красивая. Часто не совпадающая со мной во мнениях и взглядах, но всегда – надежная, верный мой дружочек, готовый, когда нужно, прийти на помощь, и, надеюсь, опора

на все мои следующие годы. Когда ты только училась ходить, я становилась на четвереньки и ползала вслед за тобой по квартире – мне хотелось понять, каким ты видишь окружающий мир с высоты своего крошечного роста... Теперь, чтобы это узнать, мне нужно встать на цыпочки, во всех смыслах этого слова... И хотя иногда у нас бурлят настоящие итальянские страсти, мне по-прежнему это интересно и важно – знать, каким ты видишь и воспринимаешь мир...

Я хочу, чтобы в твоей жизни было много счастья. Много любви. Много радости. Чтобы ты была здорова, успешна, чтобы твоя уже собственная семья, которой ты очень дорожишь и в которой тебе хорошо и уютно, всегда была тебе в радость, как сейчас. Чтобы рос здоровым и счастливым Андрейка. И чтобы твое материнство приносило тебе столько же счастья, сколько мне приносит мое...

С днем рождения!